

А. В. Сиренов

**СТЕПЕННАЯ КНИГА
И РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ
МЫСЛЬ XVI-XVIII ВВ.**

«Альянс-Архео»

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

А. В. Сиренов

**СТЕПЕННАЯ КНИГА
И РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ
МЫСЛЬ XVI—XVIII вв.**

Альянс-Архео
Москва—Санкт-Петербург
2010

Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI—XVIII вв. — М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010. — 552 с.

ISBN 978-5-98874-051-3

Монография посвящена выдающемуся памятнику русской исторической мысли середины XVI в. — Книге Степенной царского родословия. Рассмотрены историко-культурный контекст и обстоятельства ее создания, а также ее восприятие в разные эпохи — от царствования Ивана Грозного до Века Просвещения. Особое внимание уделено случаям использования Степенной книги в идеологических концепциях XVII—XVIII вв.

Книга адресована историкам, филологам, а также всем интересующимся историей русской культуры.

Рецензенты:

В. К. Зиборов, А. А. Романова

*Печатается по решению
редакционно-издательского совета исторического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета*



*Работа подготовлена и опубликована при финансовой поддержке
Американского совета научных сообществ
(American Council of Learned Societies)*

ISBN 978-5-98874-051-3

сканирование
Brizli
973
сборка, дизайн

© А. В. Сиренов, 2010
© Альянс-Архео, 2010

ВВЕДЕНИЕ

Степенная книга — выдающийся памятник русской историографии XVI в., повествующий об истории России начиная с крещения до правления Ивана Грозного. Появление столь обширного историографического произведения в середине XVI в. было обусловлено мероприятиями более раннего времени. Эпоха Василия III и Ивана Грозного ознаменовалась появлением так называемых «обобщающих» историко-литературных произведений. В 20-е и 40-е гг. XVI столетия составлены две крупнейших летописи — Никоновская и Воскресенская. В них собраны известия многих древнерусских летописей, как предшествующих эпох, так и современных. Новгородский архиепископ Макарий в 30-е гг. организовал работу по созданию крупнейшего свода житийной и нравоучительной литературы. Эта работа продолжилась и в Москве после того, как Макарий стал митрополитом всея Руси. Так появились Великие Минеи Четьи. Степенная книга является следующим шагом в истории создания обобщающих трудов. Она представляет собой адаптированный для широкого читателя текст, повествующий о русской истории. Основными источниками для составления Степенной послужили Никоновская и Воскресенская летописи, а также целый ряд других произведений древнерусской письменности, среди которых выделяются жития и житийные повести. Таким образом, Степенная книга соединяет основные достоинства произведений предшествующих: подробность и обстоятельность летописного текста с занимательностью и стилистическими особенностями житийной литературы.

Своеобразие Степенной книги, прежде всего, в необычности общей композиции текста. Произведение состоит из 17-ти час-

тей, которые названы в соответствии с традицией гранями. Однако есть у этих частей еще одно название — «степени», что в переводе с церковнославянского значит «ступени». Каждая грань символизирует очередную ступень, а вся Степенная книга имеет символическое значение лестницы. Как сказано в предисловии к Степенной, перед нами лестница с золотыми ступенями, «по ней же невозбранен к Богу восход». Эти черты роднят Степенную книгу с написанной в VI—VII вв. Лествицей Иоанна Синайского, повествующей о нравственном восхождении человека через преодоление грехов к добродетелям.¹ Каждая «степень»-ступень Лествицы посвящена какому-либо греху или добродетели: от грехов к добродетелям. Согласно воззрениям византийских богословов, по этой мистической лестнице душа человека может приближаться к Богу. Образ лестницы пришел в христианское богословие из Ветхого Завета (Книга Бытия, XXVIII, 10—22). По Священному Писанию, сын Исаака Иаков во сне узрел лестницу, ведущую от земли на небо, по которой поднимаются и спускаются ангелы. Образ «Лествицы Иакова» со временем приобрел популярность и многочисленные толкования. Известен он и в католической культуре, но наибольшее распространение получил в Византии и на Руси.

Итак, Степенная книга оказывается близка к Лествице, однако эта близость ограничивается разделением текста на степени. Византийская Лествица повествует о нравственном восхождении, самоусовершенствовании человека, а Степенная книга рассказывает об истории русского народа. Каждая ступень Степенной книги посвящена очередному правителю Руси, князю из рода Рюриковичей, от Владимира Святого до его потомка в семнадцатом колене Ивана Грозного. Таким образом, в основе повествования лежит другой принцип — генеалогический. Не случайно полное название памятника —

¹ Произведения под названием «Лествица» хорошо известны в византийской святоотеческой литературе, но в славянской письменности получила распространение Лествица Иоанна Синайского (*Прохоров Г. М.* «Лествица» Иоанна Синайского // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Л., 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI вв.). Ч. 2 (Л—Я). С. 10). Она пользовалась большим авторитетом. Это отразилось, в частности, в том, что автора называли Иоанном Лествичником, вменяя ему в особую заслугу сочинение Лествицы.

«Книга Степенная царского родословия». Термин «степень» приобретает здесь значение поколения и переносит читателя в область генеалогии. Действительно, в тексте мы не встретим указаний на то, что последующие князья были в чем-то благочестивее или удачливее предыдущих, как этого требовал жанр Лествицы (сначала грехи, а потом добродетели). Такой взгляд на историю рода Рюриковичей показался бы человеку XVI в. крамольным, ведь у истоков родословного древа Рюриковичей стоят княгиня Ольга и князь Владимир, причисленные к лику святых и даже возведенные в ранг равноапостольных. Следовательно, главный принцип Степенной книги — генеалогический. И все же не случайно Степенная начинает счет поколений не с родоначальника династии Рюрика или его сына Игоря, а с первого христианина на престоле — Владимира. Именно Владимир положил начало новой, христианской истории Руси, при нем началось восхождение русского народа к Богу. Надо сказать, что, характеризуя очередного «самодержца», Степенная книга неизменно указывает его порядковый номер по поколениям от Владимира и от Рюрика. Этот двойной счет свидетельствует о том, что генеалогический принцип не был единственным при создании Степенной книги. Идеологам Ивана Грозного было особенно важно, чтобы царское родословие начиналось с равноапостольного святого Владимира, а не с язычников Рюрика и Игоря. Эту идею, особенно популярную в XVI в., высказывал и сам Иван Грозный в Послании Андрею Курбскому: «Сего убо православия истиннаго Росийскаго царствия самодержавство Божиим изволением почен от великаго князя Владимира, просветившаго Рускую землю святым крещением...».² Таким образом, с фактом крещения Руси при князе Владимире Иван Грозный связывал и начало самодержавия на Руси. Князь Владимир выступает здесь как основоположник и религиозного, и государственного устройства Руси. Видимо, поэтому в Степенной книге именно он представлен как родоначальник царского рода, а его правление символизирует первую ступень лестницы русской истории. Следующая, вторая степень-ступень по-

² Первое послание Ивана Грозного Курбскому // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Подгот. текста Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыкова. М., 1981. С. 12.

священна сыну Владимира Святославича Ярославу Мудрому, третья степень — сыну Ярослава Всеволоду, четвертая — его сыну Владимиру Мономаху. Далее следуют потомки Владимира Мономаха: Юрий Долгорукий (V степень), Всеволод Большое Гнездо (VI степень), Ярослав Всеволодович (VII степень), Александр Невский (VIII степень), Даниил Московский (IX степень), Иван Калита (X степень), Иван Красный (XI степень), Дмитрий Донской (XII степень), Василий I (XIII степень), Василий Темный (XIV степень), Иван III (XV степень), Василий III (XVI степень) и, наконец, Иван Грозный (XVII степень). Эти персонажи русской истории знакомы каждому еще со школьной скамьи. Они стали главными героями отечественной историографии начиная со Степенной книги и вплоть до трудов Татищева и Карамзина. Выбор их в Степенной книге не случаен — перед нами линия прямых предков Ивана Грозного. Задача составителя Степенной состояла в том, чтобы из летописного и житийного материала выбрать известия о прямых предках царя и представить этих князей главными героями отечественной истории. О том, насколько успешно выполнена поставленная задача, можно судить, сопоставив повествование Степенной с текстом любой из древнерусских летописей. На страницах летописей действуют десятки князей, называемые в большинстве случаев по именам и отчествам. Разобраться в их взаимоотношениях весьма непросто. В повествовании Степенной книги всегда есть главный герой, вокруг которого разворачивается действие. «Самодержателем» неизменно объявляется предок Ивана Грозного, а все остальные упоминаемые князья фигурируют как его современники и «сродники».

Степенная книга излагает исторический материал не хронологически, как летописи, а тематически. В этом принципиальное новшество Степенной, прием, не известный до той поры на Руси. Перед нами уже не средневековая хроника, а почти трактат, характерный для Нового времени (недостает, правда, систематических ссылок на источники). Идеологическая заостренность и стилистическая обработка текста нередко приводили к тому, что в изложении фактов появлялась непоследовательность и даже небрежность, переходящая порой в искажение и фальсификацию. Последнее, правда, скорее исключение, чем правило.

Правилом можно назвать другую особенность Степенной книги в изображении истории. Стиль, которым написана Степенная, исследователи характеризуют как «плетение словес». Этот стиль предполагает, что описываемое событие будет украшено различными эпитетами и толкованиями и таким образом исчерпывающе охарактеризовано. Когда автор Степенной книги брался толковать события далекого прошлого, он делал это с позиций своего времени, в результате чего переносил реалии XVI в. в более ранние эпохи. Для нашего времени это, конечно, непростительная вольность. Но в XVI в. на изложение истории смотрели иначе. Составителю Степенной было важно рассказать своим читателям о выдающихся событиях прошлого и охарактеризовать эти события как можно более торжественно и подробно. Важно было создать в воображении читателя зримый образ, и лучшими средствами для этого были современные реалии. В таком комментированном изложении большая ценность Степенной книги как источника по истории XVI в. Если мы отделим комментарии от описания самих событий, то сможем проследить по ним восприятие отечественной истории человеком XVI в. Еще одна особенность текста Степенной книги — особое внимание к реликвиям Московского государства. В некоторых случаях именно комментарии автора Степенной книги помогают современным исследователям отождествить легендарные реликвии с дошедшими до нас памятниками средневековой культуры.

Идеологическая концепция Степенной книги устарела уже к концу XVI в. Основным залогом благополучия Российского государства Степенная провозглашает правление династии Рюриковичей, а именно той ее ветви, к которой принадлежал Иван Грозный. Последний же представитель этой династии, царь Федор Иванович, скончался в 1598 г. Несмотря на это, Степенная книга была востребована и в XVII, и в XVIII вв. До нас дошло более полутора сотен списков памятника, созданных в XVI—XVIII вв. Замечательному творению русской исторической мысли XVI в. была уготована долгая жизнь. Многие сочинения о древнерусской истории, начиная с Лицевого летописного свода XVI в. и вплоть до трудов русских историков XVIII—начала XIX в., в той или иной мере находились под влиянием Степенной книги. Какой была роль Сте-

пенной книги в формировании русской исторической мысли XVII—XVIII вв. — основная тема настоящего исследования. В литературе встречаются два противоположных взгляда на сей счет. Степенную книгу либо включают в число памятников XVI в. и никак не оговаривают ее влияние на последующую традицию,³ либо утверждают, что «большинство исторических сочинений XVI—XVIII вв. повторяло мысли Степенной книги».⁴

Последовательное изучение Степенной книги началось в XIX в. Обратившись к историографической традиции XVIII в., встретим многочисленные случаи использования Степенной книги, но весьма скромные успехи в ее изучении. Практически все историки XVIII—начала XIX в. повторяли безосновательное мнение В. Н. Татищева, что Степенная книга была написана в конце XIV—начале XV в. митрополитом Киприаном, а продолжена в середине XVI в. митрополитом Макарием.⁵ Следует отметить издание текста Степенной книги, предпринятое в 1775 г. Г. Ф. Миллером, который, впрочем, полностью разделял точку зрения Татищева на происхождение Степенной книги.⁶

Подлинное изучение Степенной книги началось только в XIX в. Характерно, что его объектом стала история текста, а методом — анализ рукописной традиции. Отмеченные особенности определили направление дальнейших исследований Степенной книги на многие десятилетия. Первая попытка такого подхода связана с именем К. Ф. Калайдовича. В 1813 г. в издаваемом М. Т. Каченовским «Вестнике Европы» начинающий исследователь опубликовал свою статью об авторстве

³ Наиболее ярко эта позиция представлена в обзоре источников А. С. Архангельского (Образование и литература в Московском государстве конца XV—XVII вв. Казань, 1898. Вып. 1. С. 80—81).

⁴ Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР. М., 1962. Вып. 1. С древнейших времен до конца XVIII века. С. 268.

⁵ Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1965. Т. 5. С. 204—205.

⁶ Книга Степенная царского родословия, содержащая Историю Российскую с начала оныя до времен Государя царя и великого князя Иоанна Васильевича, сочиненная трудами преосвященных митрополитов Киприана и Макария, а напечатана под смотрением коллежского советника и Императорской Академии наук, тако ж и разных иностранных Академий и Вольного экономического и Российского вольного же собраний члена Герарда Фридерика Миллера. В 2 частях. М., 1775.

Степенной книги, где показал неаргументированность мнения Татищева о причастности к составлению Степенной книги не только Киприана, но и Макария.⁷ По мнению Калайдовича, автором Степенной книги был кто-то другой. Этот вывод для нашей темы чрезвычайно важен, поскольку он направил исследование по пути поиска не мнимого, а действительного автора Степенной книги, современника и сотрудника митрополита Макария, человека из ближайшего окружения Ивана Грозного. В том же 1813 г. Калайдович был представлен Н. П. Румянцеву, бывшему тогда канцлером и только начинавшему свою меценатскую деятельность в исторической науке.⁸ По всей видимости, интерес Румянцева к Степенной книге был инициирован Калайдовичем. Прочитав изданный в 1805 г. труд митрополита Платона (Левшина) о русской церковной истории, Румянцев встретил в нем татищевское известие о составлении Степенной книги при митрополите Киприане, изложенное в несколько измененном виде: «и книги Степенные о князях российских он же собрал... А из помянутых книг едва ли, к нашему сожалению, дошло что до нас кроме помянутых Степенных книг: хотя все те книги собрать поручил он Игнатию архимандриту Спасскому, но неизвестно о сем архимандрите: хотя об нем архимандрите в одном летописце написано, аки бы от лица его: „яже и соблюдох“: то есть не только все книги оные сохранил, но и по поручению митрополита оные dokonчал».⁹ Румянцев усомнился в том, что митро-

⁷ *Калайдович К. Ф.* Об ученых трудах митрополита Киприана и о том, справедливо ли приписывается ему и митрополиту Макарию сочинение книги Степенной // *Вестник Европы*. 1813. Ч. 72. № 23. С. 207—224. Характерно, что эту статью Калайдович посвятил Н. Н. Бантыш-Каменскому.

⁸ Изложенная ниже история изучения Степенной книги в 1813—1814 гг. стала известной благодаря записке А. Ф. Малиновского, в которую он включил выдержки из писем своих, Н. П. Румянцева и архим. Евгения (Казанцева), относящихся к рассматриваемому мероприятию (РГАДА, ф. 395 (М. А. Оболенский) 410, л. 1—25). За указание на это архивное дело благодарю А. В. Мельникова. Об этой работе см. также: *Козлов В. П.* Колумбы российских древностей. М., 1981. С. 63.

⁹ *Платон (Левшин), митр.* Краткая церковная российская история. М., 1805. Т. 1. С. 256—257. У Татищева этот текст изложен так: «Киприан... книги своею рукою писаше, яко в наставление душевное преписа соборы, бывшие в Руси, многи жития святых русских и степени великих князей русских; ини же в наставление плотское, яко правды, и суды, и летопись

полит Платон заимствовал это известие у Татищева, и в 1813 г. обратился к директору Московского главного архива МИД Н. Н. Бантыш-Каменскому с просьбой найти в московских архивах Степенную книгу Киприана. Из письма Бантыш-Каменского Румянцеву от 20 декабря 1813 г. узнаем, что тот приступил к сверке списков Степенной книги из Синодальной библиотеки и Московского архива МИД. Однако Румянцев не был удовлетворен этой работой, поскольку Бантыш-Каменский сличал только начальные и конечные фрагменты текста выявленных им списков. После смерти Бантыш-Каменского в письме от 6 марта 1814 г. Румянцев с такой же просьбой обратился к его преемнику А. Ф. Малиновскому и предложил методику текстологического сопоставления списков Степенной книги. Для этой работы предполагалось привлечь молодых сотрудников архива. Предложенная Румянцевым методика состояла в следующем. Один чиновник должен читать вслух издание Степенной книги, а другие — сверять его текст с рукописями. Встретив разночтение, чтение следовало прервать и зафиксировать разночтение.¹⁰ В письме Румянцеву от 13 апреля 1814 г. Малиновский пишет, что выбрал четыре рукописи, и работа началась, причем он сам, заинтересовавшись, лично принял участие в сверке текста. На первом же этапе этой работы Малиновский разуверился в возможности выявить таким образом текст Степенной книги времени Киприана, поскольку все привлеченные списки Степенной книги содержат стабильный текст с минимальным количеством разночтений. По его мнению, нужно действовать другим способом, а именно отыскать рукопись, послужившую источником для митрополита Платона.¹¹ К поискам привлекли ректора Московской духовной академии архимандрита Евгения (Казанцева), который лично просмотрел летописи из библиотек двух духовных академий — возглавляемой им Троицкой и

русскую от начала земли Руския вся порядку. И многи книги к тому собрав, повелел архимандриту Игнатию Спаскому докончити, яже и соблюдох» (*Татищев В. Н. История Российская. Т. 5. С. 204—205*). Как пишет митр. Платон, его книга есть ответ на историческое сочинение И. П. Елагина, изданное в 1803 г. (см. о нем в гл. 12), в котором роль церкви в русской истории якобы несправедливо умалывается.

¹⁰РГАДА, ф. 395 (М. А. Оболенский) 410, л. 1—2.

¹¹Там же, л. 2—3.

Вифанской, поскольку этими книгохранилищами мог пользоваться митрополит Платон. Кроме того, в собрание последней поступили рукописи из личной библиотеки Платона (письма архимандрита Евгения Малиновскому от 16 апреля и 13 мая 1814 г.¹²). В письме от 28 мая 1814 г. Евгений сообщил Малиновскому свое предположение, что митрополит Платон использовал все же издание Истории Татищева, которое «по старости... назвал летописцем». Это тем более вероятно, продолжал Евгений, что в экземпляре Истории Татищева, принадлежавшем митрополиту Платону, против соответствующего известия его рукой написано «отселе писать».¹³ И все же, несмотря на неудачу с поиском источников, имевшихся в распоряжении митрополита Платона, работа по сверке списков Степенной книги была выполнена. Ее результаты сохранились в двух вариантах — черновом (РГАДА, ф. 181 (собр. МГАМИД) 416) и беловом (РГБ, ф. 256 (собр. Н. П. Румянцева) 417, 418;¹⁴ РГАДА, ф. 395 (М. А. Оболенский) 410, л. 5—25). На титульном листе чернового тома читается следующее заглавие: «Свод печатной Степенной книги с тремя рукописными в библиотеках Архивской под № 8, № 9 и Синодальной под № 174 хранящимся, со внесением при проверке всех пропусков, означаемых здесь подчеркнутыми линиями, учиненный по приказанию его сиятельства государственного канцлера в Комиссии печатания государственных грамот и договоров 18[1]4 года». Такой же заголовок имеет беловой экземпляр РГАДА, ф. 395 (М. А. Оболенский) 410, л. 5—25. В письме А. Ф. Малиновскому от 16 июля 1815 г. Н. П. Румянцев написал: «Приятнейшее для меня Вашего превосходительства от 2-го числа текущего месяца письмо, при посылке... нового опыта свода Степенных книг».¹⁵ В 1815 г. Калайдович опубликовал окончание текста Степенной книги, не изданное Миллером.¹⁶ В это

¹²РГАДА, ф. 395 (М. А. Оболенский) 410, л. 3—4.

¹³Там же, л. 4—4 об.

¹⁴*Востоков А.* Описание рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842. № 417, 418.

¹⁵Переписка Румянцева с московскими учеными // Чтения ОИДР. 1882. Т. 1. С. 17.

¹⁶*Калайдович К. Ф.* Окончание книги Степенной, содержащей Российскую историю // Русские достопамятности. М., 1815. Ч. 1. С. 166—169. Исследователь почему-то пишет, что Миллер не мог найти окончание Сте-

время у Калайдовича была еще одна археографическая находка, связанная с рассматриваемой темой. В 1814 г. он способствовал передаче в Московский архив МИД собрания рукописей А. А. Волкова, в составе которого в архив поступил черновик Степенной книги (ныне РГАДА, ф. 181 (собр. МГАМИД) 185). Древность этой рукописи и необычность ее текста (кодекс XVI в. с утратами, восполненными в середине XVII в.) отметил Калайдович в археографическом описании: «Книга Степенная царского родословия, содержащая российскую историю; прерывается княжением Александра Невского. Из оглавления видно, что вся книга доведена была до кончины царя Василия Иоанновича. — Писана в 4[-ку] полууставом и скорописью в XVI и XVII веках».¹⁷ Обратим внимание на верное определение хронологической границы текста. В рукописи читается гранесование (оглавление), которое оканчивается XVI гранью и, соответственно, кончиной Василия III. Следующая, XVII грань вписана в текст гранесования почерком XVII в. на вставном листе. При том, что почерки обеих частей похожи, следует отдать должное профессионализму Калайдовича, верно определившего окончание первоначального текста. Остается неясным, почему Калайдович не продолжил свои столь успешные занятия Степенной книгой и обратился к другим сюжетам. По его инициативе было начато текстологическое изучение Степенной книги, им был установлен ее первоначальный текст, обнаружен черновик и сделаны первые шаги по его атрибуции. Если бы Калайдович сравнил текст описанного им Волковского списка с другими рукописями Степенной книги и выявил его первичность и черновой характер, то изучение Степенной книги существенно продвинулось бы уже в начале XIX в. Но Калайдович этого не сделал, и исследование Степенной книги приостановилось до следующей археографической находки, которой мы обязаны знатоку московских древностей И. М. Снегиреву, обнаружившему в кремлевском Чудове монастыре список Степенной книги XVI в. с записью «Книга Чудова монастыря собрана смирен-

пенной книги, в чем признавался в предисловии к изданию 1775 г., но это не так. Как показано выше, на вопрос об установлении текста Степенной книги у Миллера и Калайдовича взгляды были принципиально разные.

¹⁷РНБ, ф. 328 (К. Ф. Калайдович) 22, л. 2 об.

ным Афанасием митрополитом всеа Руси» (ныне ГИМ, Чудов. 358). «Такая отметка, — писал Снегирев, — противоречит принятому мнению, будто Степенная книга собрана митрополитом Макарием». ¹⁸ От Снегирева о записи на Чудовском списке узнал его давний друг и коллега церковный историк М. Я. Диев. В Дополнениях к Словарю митрополита Евгения (Болховитинова) Диев поместил статью о митрополите Афанасии. Обратившись к тексту записи, он отметил, что употребленное в ней по отношению к Афанасию слово «смиранный» указывает на то, что запись, видимо, сделана самим Афанасием. Далее, Диев выявил в тексте Степенной книги черты, свидетельствующие о том, что ее автор — переяславец и царский духовник, а царским духовником в 50-е—начале 60-х гг. XVI в. был уроженец Переяславля-Залесского Андрей (в иночестве Афанасий), возглавивший после смерти митрополита Макария русскую церковь. Диев впервые указал и на хронологические рубежи, которыми следует ограничивать завершение работ над составлением Степенной книги. Это упомянутое в 10-й главе XVII грани взятие Полоцка, которое произошло 15 февраля 1563 г., и кончина митрополита Макария 31 декабря 1563 г. (в Степенной книге о нем пишется как о живущем). При этом Диев осознавал, что XVII грань составлена несколько позже предшествующего ей текста, и, соответственно, работы по составлению Степенной книги могли начаться значительно раньше 1563 г. — например, в середине 50-х гг. Словарь Диева остался неопубликованным, но доказанное им авторство митрополита Афанасия получило некоторую известность благодаря краеведческим трудам А. И. Свирелина, который использовал Словарь Диева как источник. ¹⁹ Подчеркнем, что качественному прорыву в изучении Степенной книги способствовало введение в научный оборот еще одного древнего списка — Чудовского.

Не будучи знаком с результатами исследований Диева и Свирелина, к тем же выводам относительно авторства Степенной книги пришел П. Г. Васенко, отыскав еще один аргумент в пользу авторства митрополита Афанасия. Обратившись

¹⁸Снегирев И. М. Памятники московской древности. М., 1845. С. 147.

¹⁹Свирелин А. О начале и устройении Переяславского Данилова монастыря (при жизни преподобного Даниила). М., 1863. С. 84—85.

к тексту Шумиловского тома Лицевого летописного свода, Васенко отметил, что читающийся там рассказ о чуде от мощей Александра Невского заимствован из Степенной книги, где повествование ведется от первого лица. При этом в Лицевом своде названо имя исцеленного: «сиггел благовещенский Афанасий».²⁰ Особенно ценна в исследованиях Васенко попытка собрать данные о всех списках Степенной книги и на их основе изучить историю текста.²¹ В основу текстологических наблюдений Васенко положена археографическая находка предшествующего времени. При описании рукописей, поступивших от Д. В. Пискарева в Румянцевский музей, А. Е. Викторов обратил внимание на список Степенной книги (ныне — РГБ, ф. 228 (собр. Д. В. Пискарева) 177) и отметил его древность и исправность текста.²² Пискаревский список отличается от Чудовского наличием нескольких статей, а также множеством мелких разночтений, в ряде случаев — первичных. Васенко по существу оказался первым исследователем, имевшим возможность сравнить тексты двух древних списков Степенной книги. Он отдал предпочтение Пискаревскому, полагая, что тот сохранил первоначальный текст Степенной книги, а Чудовский список доносит следующий этап редактирования. В 1908—1913 гг. Васенко подготовил критическое издание Степенной книги в серии Полного собрания русских летописей.²³ Обратясь к рукописям, по которым осуществлено издание, следует отметить, что Васенко весьма точно издал текст основного списка — Пискаревского. Разночтения же приведены менее исправно (в том числе и по Чудовскому списку), имеются многочисленные пропуски и неточности. При этом издание охватило рукописную традицию

²⁰ Васенко П. Г. Кто был автором «Книги Степенной царского родословия»? // ЖМНП. 1902. Декабрь. С. 289—306.

²¹ Васенко П. Г. Печатное издание «Книги Степенной царского родословия» и типы ее списков // Известия ОРЯС. СПб., 1903. Т. 8. Кн. 3. С. 99—126; см. также: Васенко П. Г. «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. СПб., 1904. Ч. 1.

²² Каталог славяно-русских рукописей, приобретенных Московским Публичным и Румянцевским музеями, в 1868, после Д. В. Пискарева / Составлен А. Е. Викторовым. М., 1871. С. 47.

²³ Книга Степенная царского родословия // ПСРЛ. СПб., 1908—1913. Ч. 1—2.

Степенной книги от 60-х гг. XVI в. до середины XVII в., т. е. период и формирования текста, и бытования его в рукописной традиции; в основу издания был положен наиболее пространственный вариант текста памятника. Таким образом, подготовленное Васенко издание можно оценить как новый этап изучения Степенной книги, который ознаменовался введением в научный оборот Пискаревского списка.

Следующий шаг в текстологическом исследовании Степенной книги связан с обнаружением сибирскими археографами в Томском музее еще одного древнего списка Степенной книги — Томского (ТОКМ, 7903/2); его исследованию посвящено несколько статей Н. Н. Покровского.²⁴ Томский список весьма близок и по тексту, и по художественному оформлению Чудовскому списку. Покровский отметил кодикологическую и текстологическую близость обоих списков (в том числе наличие общего редакторского почерка), датировал их создание первой половиной 60-х гг. XVI в., т. е. временем составления Степенной книги. Это опровергло тезис Васенко о первичности текста Пискаревского списка относительно Чудовского, а также вывело изучение Степенной книги на новый уровень кодикологического исследования.

Исследования П. Г. Васенко и Н. Н. Покровского продолжил автор этих строк, пересмотрев вслед за Васенко все известные списки Степенной книги.²⁵ Самой большой удачей на этом пути стало обращение к незаслуженно забытому Волковскому списку. Удалось доказать, что он является черновиком Степенной книги, и что непосредственно к нему восходят и Томский, и Чудовский, и Пискаревский списки, отражая разные этапы редакторской обработки черновика. Таким образом, были сняты противоречия в наблюдениях и умозаключениях Калайдовича, Васенко и Покровского. В Волковском

²⁴См. Отчет о докладе Н. Н. Покровского (АЕ за 1979 год. М., 1981. С. 388—389); Покровский Н. Н. 1) Томский список Степенной книги царского родословия и некоторые проблемы ранней истории памятника // Общественное сознание и литература XVI—XX вв.: Сб. науч. тр. Новосибирск, 2001. С. 3—43; 2) Неоконченный манускрипт: Степенная книга царского родословия // Вестник истории, литературы и искусства. М., 2005. Т. 1. С. 280—293.

²⁵Результаты исследований изложены в монографии: Сиренов А. В. Степенная книга: история текста. М., 2007.

списке присутствует тот же редакторский почерк, что в Чудовском и Томском, т. е. все три списка редактировались вместе. Учитывая то обстоятельство, что в них отразился наиболее ранний этап истории Степенной книги, их изучение приобретает исключительную важность. Как выяснилось, Пискаревский список является копией черновика Степенной книги, сделанной в то время, когда его текст был полным. Таким образом, две основные редакции Степенной книги, представленные списками Томским, Чудовским (Краткая редакция) и Пискаревским (Пространная редакция), восходят непосредственно к черновику Степенной книги. На первых этапах редакторской работы черновик содержал Краткую редакцию, а в результате последующих дополнений стал архетипом Пространной редакции. Соответственно, списанные с черновика в начале 60-х гг. XVI в. Томский и Чудовский списки, а также все списки, восходящие к ним, содержат текст Краткой редакции. Пискаревский список отразил более поздний этап редактирования черновика. В середине 40-х гг. XVII в. появилась переработка текста Пискаревского списка. Таким образом, Пространная редакция бытовала в двух изводах — точно передающем текст Пискаревского списка старшем и содержащем незначительные стилистические изменения младшем. Кроме того, к Чудовскому списку оказалось возможным возвести редакцию, составленную предположительно к учреждению патриаршества архимандритом владимирского Рождественского монастыря Ионой Думиным. В этой редакции можно выделить три извода: извод старейшего списка редакции — Думинского (РГАДА, ф. 381 (собр. Синодальной тип.) 346), старший и младший. Последний получил наибольшее распространение и был положен в основу так называемой Латухинской Степенной книги — памятника исторической мысли, составленного в 70-е гг. XVII в. архимандритом Макарьевского Желтоводского монастыря Тихоном. В истории текста этого произведения вслед за П. Г. Васенко можно выделить три редакции: изначальную Пространную, Краткую и Особую краткую. Архетипом Латухинской Степенной следует признать введенный в научный оборот Л. Л. Муравьевой Нижегородский список (Нижегородская государственная областная универсальная научная библиотека, Ц-2658/2). Краткая и Особая краткая редакции были составлены на основании

Нижегородского списка в 10—20-е гг. XVIII в. и не являются авторскими. Удалось выделить еще одну редакцию Латухинской Степенной — Хронографическую. Она была составлена на основании Нижегородского списка в начале XVIII в., причем к ее составлению имел отношение автор Пространной редакции Тихон Макарьевский. Таким образом, была исследована история текста Степенной книги начиная с этапа составления черновика и заканчивая переработками XVIII в.

Наиболее значительным событием последних лет стало новое критическое издание текста Степенной книги по древнейшим спискам памятника (далее СКДС).²⁶ Эта идея появилась в 2000 г. у Н. Н. Покровского и Г. Д. Ленхофф, в 2001 г. в коллектив участников проекта вошли сотрудники Отдела рукописей ГИМ и автор этих строк, чуть позже — О. Д. Журавель. Новое издание подготовлено по иным принципам, чем издание начала XX в., осуществленное П. Г. Васенко в рамках серии ПСРЛ, в котором издатель сделал попытку отразить рукописную традицию Степенной книги как можно более полно, положив в основу наиболее пространный вариант текста (Пискаревский список), а для подведения разночтений привлекая списки XVI—середины XVII в. В СКДС ставилась задача отразить по возможности исчерпывающе ранние этапы истории текста, для чего Чудовский список избран в качестве основного, как самый пространный из трех древнейших списков. Остальные два древнейших списка, Томский и Волковский, привлечены при подведении разночтений. В разночтениях к основному тексту использован и положенный в основу предыдущего издания Пискаревский список, как наиболее поздняя копия черновика Степенной книги, отразившая его текст, в то время еще не имевший утрат.

Таким образом, текстологическое и кодикологическое исследование Степенной книги, начавшееся еще в первой половине XIX в. и продолжающееся до настоящего времени, черпало материал в археографических находках. Можно на-

²⁶ Степенная книга по древнейшим спискам / Отв. ред. Н. Н. Покровский и Г. Д. Ленхофф. М., 2007. Т. 1. М., 2008. Т. 2. В дальнейшем при ссылках на это издание указываем его сокращенное наименование, номер листа основного Чудовского списка и при необходимости — номер примечания, например: СКДС 35/16 или СКДС 526/9—9, и т. п.

деяться, что их потенциал не исчерпан и отмеченная линия исследования Степенной книги будет продолжена. Однако нельзя не осознавать ее ограниченность. Наблюдения над рукописной традицией не в состоянии предоставить материал для ответа на главный вопрос: какова роль Степенной книги в наших представлениях о древнерусской истории?

Другое направление в изучении Степенной книги наметилось с выходом из печати в 1903 г. монографии Н. С. Державина об источниках Степенной книги.²⁷ Посвященная чрезвычайно важной теме, определению источников и методов работы с ними составителя Степенной книги, книга Державина, как и труды его последователей, имеет целью выявить уникальные известия Степенной книги и отыскать их древние источники. Такая постановка вопроса обречена на неудачу, поскольку своеобразие и ценность Степенной книги не в редких уникальных известиях, а в оформлении идей государственной идеологии. Впрочем, выявление источников и методов составления важно для любого памятника древнерусской письменности. Степенная книга не составляет здесь исключения. Поэтому начинание Державина следует оценить высоко, при том, что это была лишь первая попытка такого исследования.²⁸ Подобная же работа без учета сделанного Державиным была начата студентом Московской духовной академии Н. Ф. Околовичем. Можно думать, что на выбор темы повлиял проф. С. И. Смирнов, который написал отзыв-рецензию на представленное в 1909 г. к защите исследование

²⁷ Державин Н. С. «Степенная книга» как литературный памятник. Опыт исследования литературного состава «Степенной книги» Миллера. Батум, 1902. Критический разбор монографии Державина см.: Васенко П. Г. «Книга Степенная»... С. 47—51.

²⁸ По-видимому, мысль заняться источниковедческим изучением Степенной книги молодому Державину подал его научный руководитель по Нежинскому институту М. Н. Сперанский, поскольку впервые будущий историк-славист Н. С. Державин обратился к изучению Степенной книги в студенческие годы, когда наряду с другими студентами под руководством М. Н. Сперанского описывал рукописное собрание Нежинского института. В частности, Н. С. Державиным был описан список Степенной книги (Описание рукописей библиотеки историко-филологического института князя Безбородко в г. Нежине / Сост. под ред. М. Сперанского. М., 1900. С. 94. № 50).

Околовича, т. е. был его научным руководителем. Незадолго до этого, в 1908 г., Смирнов подготовил к изданию написанное Андреем-Афанасием Житие Даниила Переяславского и сопоставил его текст со Сказанием о Данииле Переяславском в составе Степенной книги.²⁹ Соображения Смирнова относительно датировки Жития Даниила имеют большое значение и для определения времени, когда начались работы над текстом Степенной книги. Вполне закономерно, что Смирнов рекомендовал своему ученику заняться источниковедением Степенной книги. Правда, Околович ограничился изучением двух открывающих Степенную книгу житий — княгини Ольги и князя Владимира, — выявление источников которых и составило его кандидатское сочинение.³⁰ В этой работе ценно обращение к рукописному материалу. Околович определил, что в Житии Владимира было использовано Поучение на память Владимира, известное в единственном списке, происходящем из Иосифо-Волоколамского монастыря (ныне РГБ, ф. 113 (собр. Иосифо-Волоколамского монастыря) 659).³¹ Так намечился выход на непосредственные источники Степенной книги. Фактически, Околович обнаружил первый из них. Остается только пожалеть, что после защиты Околович не продолжил своих изысканий.

Революция и последовавшее за ней распространение интернациональных воззрений на русскую историю отодвинули изучение Степенной книги в разряд непопулярных тем. Впервые за многие годы на необходимость изучения Степенной книги указал в 1945 г. в своей «Истории древней русской литературы» Н. К. Гудзий.³² Через несколько лет, в 1952 г., под его руководством была написана и защищена диссертация В. В. Кускова, посвященная источникам Степенной книги.³³

²⁹ Житие преподобного Даниила, переяславского чудотворца, Повесть о обретении мощей и Чудеса его / Издание проф. С. И. Смирнова. М., 1908.

³⁰ Околович Н. Ф. Жития святых, помещенные в Степенной книге / Вступ. статья, публ. и коммент. А. С. Усачева. М.; СПб., 2007. Сочинение Околовича обнаружено в фонде Московской духовной академии и издано А. С. Усачевым.

³¹ Там же. С. 82, 90—95.

³² Гудзий Н. К. История древней русской литературы. М.; Л., 1945. С. 327.

³³ Кусков В. В. Степенная книга как литературный памятник XVI в.: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1952.

Автор продолжил начатую Н. С. Державиным (и Околовичем, о котором он не знал) традицию по выявлению источников Степенной книги. Подобно Державину, Кусков ограничился рассмотрением только опубликованных источников, к тому же не касался истории текста Степенной книги.³⁴ Он не пытался определить, какие рукописи были привлечены при ее составлении. Поэтому зачастую он был не в состоянии выбрать летопись, которой следовал автор Степенной книги в том или другом случае. Творческая лаборатория составителя Степенной, причины предпочтения чтений одного источника чтениям другого остались нераскрытыми. И все же по сравнению с трудами Державина и Околовича в диссертации Кускова наиболее полно выявлен корпус источников Степенной книги. Данная тема, однако, им далеко не исчерпана, на что указывают статьи А. А. Зимины, Д. Н. Альшица, Н. Н. Розова, И. В. Курукина, Г. Д. Ленхофф и А. С. Усачева.³⁵ Здесь особенно выделяются статьи А. А. Зимины, Н. Н. Розова и А. С. Усачева. Их объединяют попытки выявить такие источники Степенной книги, которые появились незадолго до ее создания, а также рассмотреть методы составления и таким образом дать представление об историко-литературном контексте создания Степенной книги.

³⁴Кусков В. В. 1) Из наблюдений над стилем Степенной книги // Уч. зап. Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Вып. 28: филологический (кафедра русской литературы). Свердловск, 1959. С. 259—292; 2) О некоторых особенностях стиля Степенной книги // Кусков В. В. Эстетика идеальной жизни. Избранные труды. М., 2000. С. 185—217.

³⁵Зимин А. А. 1) Повести XVI века в сборнике Рогожского собрания // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1958. Вып. 20. С. 186—204; 2) К изучению источников Степенной книги // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 228, 230; Альшиц Д. Н. Легенда о Всеволоде — полемический отклик XVI в. на «Слово о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 64—70; Розов Н. Н. Похвальное слово великому князю Василию III // АЕ за 1964 год. М., 1965. С. 280—285; Курукин И. В. Сильвестр и составление Жития Ольги Степенной книги // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории. М., 1978. С. 51—60; Lenhoff G. How the Bones of Plato and Two Kievan Princes were baptised: Notes on the Political Theology of the «Stepennaja kniga» // Die Welt der Slaven. XLVI. 2001. S. 313—330; Усачев А. С. Житие митрополита Ионы третьей редакции // Вестник церковной истории. 2007. № 2. С. 5—60.

Рассматриваемую линию в исследовании Степенной книги продолжил А. С. Усачев.³⁶ Особенно ценны наблюдения и находки исследователя, касающиеся ее источников, в результате чего количество текстов Степенной книги, считающихся уникальными, существенно сократилось. И все же эта линия исследования, начатая трудами Н. С. Державина, Н. Ф. Околовича и В. В. Кускова, Усачевым не завершена, так как ему не удалось выйти на уровень конкретных рукописей, послуживших источниками Степенной книги. Между тем подходы к данной теме были намечены еще Б. М. Клоссом, который предположил, что составитель Степенной книги пользовался Патриаршим списком Никоновской летописи.³⁷ И все же вопрос о непосредственных источниках Степенной книги, а также подготовительных материалах к ее составлению остается нерешенным. Он мог бы стать и, хочется надеяться, станет нитью, связующей оба направления в изучении Степенной книги.

Многие исследователи, занимавшиеся изучением Степенной книги, пытались ответить на тот главный вопрос, о котором шла речь выше. Каково значение Степенной книги для русского исторического и общественного сознания? Так, П. Г. Васенко свою монографию назвал «„Книга Степенная

³⁶Усачев А. С. 1) Об одном источнике Степенной книги // Неисчерпаемость источника: К 70-летию В. А. Кучкина. М., 2005. С. 298—306; 2) О датировке Степенной книги // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения: XVII Чтения памяти В. Т. Пашуто. IV Чтения памяти А. А. Зимина. Ч. 2. М., 2005. С. 271—274; 3) Степенная книга и памятники русской средневековой лексикографии // Лествица: Материалы научной конференции по проблемам источниковедения и историографии памяти профессора В. П. Макарихина. Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (22 мая 2003 г.). Н. Новгород, 2005. С. 248—258; 4) О датировке Томского списка Степенной книги // ВИД: классическое наследие и новые направления: материалы XVIII науч. конф. Москва, 26—28 янв. 2006 г. М., 2006. С. 402—404; 5) Из истории русской средневековой агиографии: два произведения о равноапостольном князе Владимире Святославиче (исследование и тексты) // Вестник церковной истории. 2006. № 2. С. 8—16; 6) Источники Степенной книги по истории домонгольской Руси // Средневековая Русь. М., 2006. Вып. 6. С. 210—222; 7) Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009, и др.

³⁷Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. С. 192—193.

царского родословия“ и ее значение в древнерусской исторической письменности», но рассмотрел в ней только вопрос о происхождении Степенной книги. Во второй части своего труда он намеревался изучить ее влияние на историческую традицию XVI—XVIII вв., но намерения своего не выполнил. Вторая часть так и осталась ненаписанной. Современные исследователи ставят акцент на проблеме появления Степенной книги, на ее жанровом и композиционном своеобразии. Цикл статей Г. Д. Ленхофф посвящен литературному и культурологическому контексту, который важен для понимания Степенной книги: методам редактирования источников, скрытым и явным цитатам из Священного Писания и святоотеческой литературы и др.³⁸ Н. Н. Покровский замысел Степенной книги и его реализацию рассматривает в контексте идей грозненского времени, направленных на укрепление централизованного самодержавного государства. Этой же теме посвящена более ранняя статья Д. Миллера.³⁹ А. С. Усачев рассматривает Степенную книгу как напутствие митрополита Афанасия Ивану Грозному, сделанное в канун опричных реформ.⁴⁰ Как представляется, ни одно из перечисленных исследований не объясняет в достаточной степени феномен

³⁸ *Lenhoff G.* 1) The Tail of Tamerlane in the Royal Book of Degrees // The place of Russia in Eurasia. Budapest, 2001. P. 122—129; 2) How the Bones of Plato and Two Kievan Princes were baptised... S. 313—330; 3) Novgorod's Znamenie Legend in Moscow's Stepennaia kniga // Московская Русь: специфика развития. Budapest, 2003. P. 175—182; 4) The «Stepennaja kniga» and the Idea of the Book in Medieval Russia // Germano-Slavistische Beiträge. Festschrift für Peter Rehder zum 65. Geburtstag. München, 2004. S. 455 (Die Welt der Slaven. Sammelbände 21); 5) «Степенная книга»: замысел, идеология, адресация // Степенная книга по древнейшим спискам. М., 2007. Т. 1. С. 120—144.

³⁹ *Miller D.* The Velikie Minei Chetii and the Stepennaja kniga of Metropolitan Makarii and the Origins of Russian National Consciousness // Forschung der Osteuropäische Geschichte. 1979. Bd. 26. S. 263—382. Пер. на рус. яз.: Миллер Д. Великие Минеи Четьи и Степенная книга митрополита Макария и истоки русского национального самосознания / Пер. Н. Н. Бобринского // Макарьевские чтения. Можайск. Вып. 9 (2002). С. 83—96; Вып. 10 (2003). С. 626—646; Вып. 11 (2004). С. 304—327; Вып. 12 (2005). С. 356—391; Вып. 13 (2006). С. 393—424. Перевод выполнен небрежно и с ошибками (см. об этом: Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009. С. 78).

⁴⁰ Там же. С. 665—684.

Степенной книги. Своеобразие этого произведения, раскрываемое через обстоятельства, обусловившие его появление, а также его последующую судьбу и влияние на историческую мысль России — тема настоящей книги. Насколько правомерен такой подход — судить читателям.

Оговоримся, что в настоящей работе исследуются преимущественно текстовые заимствования из Степенной книги в памятниках отечественной исторической мысли позднего Средневековья и раннего Нового времени. Мы намеренно отказываемся от рассмотрения тех случаев, когда влияние Степенной книги проявляется на уровне «духа» или «общих идей», поскольку такие влияния нельзя доказать. Напротив, как показано ниже, наряду со Степенной книгой в XVII—XVIII вв. бытовали тексты, чрезвычайно близкие ей по общей направленности, но созданные независимо от нее.

Композиция книги не отличается стройностью, чему некоторым оправданием служит обилие материала, неисследованного и по сути своей незначительного, но имеющего отношение к выбранной теме. В первых двух главах идет речь о той обстановке середины XVI в., которая породила Степенную книгу. Необычность и даже уникальность изучаемого произведения представляется возможным объяснить, рассмотрев процесс его составления через призму эпохи. В следующих главах описан процесс использования Степенной книги авторами разных эпох. Если для XVI и первой половины XVII в. таких случаев известно немного, и материал удастся распределить по хронологическому принципу, то начиная с середины XVII в. ситуация меняется, поскольку Степенная книга обретает все более широкую популярность. Здесь пришлось рассматривать в отдельных главах агиографию и историографическую традицию, но это разделение условно, поскольку ему не следовали сами авторы — книжники XVII в. Заключительное, XVIII столетие, представленное в книге тремя главами, изучено далеко не исчерпывающе. Задачей было наметить основные особенности восприятия Степенной книги в Век Просвещения. Однако присутствие этого компонента представляется принципиально важным. Сравнивая отношение к Степенной книге в XVII и XVIII вв., можно убедиться в том, что в России Нового времени не наблюдается решительного разрыва с историографической традицией Средневековья. Эта

идея, быть может, очевидная для специалистов, до настоящего времени не утвердилась в исторической литературе.

* * *

Считаю приятным долгом выразить благодарность исследователям, своими советами оказавшим помощь при подготовке этой книги — Т. В. Анисимовой, О. А. Белобровой, О. Г. Гусевой, В. К. Зиборову, Т. Б. Карбасовой, С. Н. Кистереву, А. В. Мельникову, В. Д. Назарову, О. Н. Новиковой, О. В. Панченко, Н. Н. Покровскому, А. А. Романовой, Н. В. Савельевой, А. А. Турилову, А. С. Усачеву, М. А. Федотовой, С. О. Шмидту и другим, а также сотрудникам рукописных отделов, музеев и архивов, где привелось работать над этой темой. Особая признательность — историческому факультету Санкт-Петербургского университета, поскольку основные положения книги были сформулированы на лекционных и семинарских занятиях со студентами университета.

Глава 1

ПАМЯТНИКИ ИДЕОЛОГИИ ЦАРСТВА СЕРЕДИНЫ XVI в.

В XVI в. завершилось объединение русских земель вокруг Москвы, оформилось Русское централизованное государство, были заложены основы управления — сложилась система приказов как центральных государственных учреждений. Наконец, было положено начало освоению восточных земель: в это столетие в состав России вошли ханства Казанское, Астраханское и Сибирское. Указанные черты государственного строительства определили развитие России на несколько столетий вперед, обусловили тот тип государственного и общественного устройства, характер которого до настоящего времени окончательно не прояснен.¹ В течение одного столетия Россия стала

¹ *Савва В.* Московские цари и византийские василевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, 1901. С. 94—109, 285—345 и др.; *Вальденберг В. Е.* Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. М., 2006. С. 224—289; *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). М., 1985; *Сухов А. Д.* Проблема единовластия в русском философском сознании средневековья // Специфика философского знания и проблема человека в истории философии. М., 1988. С. 147—152; *Плюханова М. Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 233—236 и др.; *Синицына Н. В.* Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV—XVI вв.). М., 1998. С. 193—200; *Коллман Н.* Соединенные честью: Государство и общество в России раннего Нового времени. М., 2001; *Рамазанова Н. В.* Московское царство в церковно-певческом искусстве XVI—XVII веков. СПб., 2004 и др.

крупнейшим государством тогдашнего мира. Великий князь Московский по количеству подданных для своего времени не был сопоставим ни с одним владыкой Востока и Запада. Расширение Русского государства, включение в его состав все большего количества земель, государственных и догосударственных образований получило отражение в титуле московского самодержца, который к концу правления Ивана Грозного имел следующий вид: «Великий государь царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси, Владимирский, Московский, Новгородский, царь Казанский, царь Астраханский, государь Псковский, великий князь Смоленский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных, государь и великий князь Новагорода Низовской земли, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Лифляндский, Удорский, Обдорский, Кондинский и всей Сибирской земли и Северной страны повелитель».² Здесь перечислены исконно русские земли, татарские ханства, земли народов Урала и Сибири, а также территории, присоединенные на первом этапе Ливонской войны.³ Важнейшая задача для правителей России XVI в. — превратить этот пестрый в социальном и культурном отношении мир в единое государство, иными словами, унифицировать. Здесь выдающуюся роль сыграли церковные соборы времени митрополита Макария, среди которых выделяются два собора, 1547 и 1549 гг., посвященные канонизации местночтимых русских святых, и Стоглавый собор 1550 г., на котором решались проблемы унификации церковной жизни страны с позиций канонического права. Наконец, регламентации социальной структуры светского общества посвящены другие два документа середины XVI в. — Судебник 1551 г. и Государев родословец 1555 г. Они продолжают традицию предшествующего времени, но с тем отличием, что они активно использовались в юридической практике своего времени. Кодекс уголовного права Судебник 1551 г. дошел до нас в десятках списков, тогда как его предшественник, Судебник 1497 г., — всего в одном, и то позднего времени. Государев родословец во многом повторяет более раннюю летописную редакцию родословных книг, но именно

² *Филюшкин А. И.* Титулы русских государей. М.; СПб., 2006. С. 207.

³ Там же. С. 194—207.

к его тексту обращались при разрешении местнических споров. Таким образом, в середине XVI в. шла активная работа по упорядочиванию всех сторон общественной жизни стремительно растущего государства. Требовалось выстроить такую структуру, включающую в себя и административные, и религиозные, и культурные составляющие, которая позволила бы управлять огромной территорией, населенной десятками этнических групп, находящихся на разной стадии развития. Все нити управления сходились в Москву, во главе иерархической лестницы стоял московский самодержец. Столь значительный объем власти, сосредоточенный в руках одного человека, разумеется, представлял опасность для государственной стабильности. Важнейшим условием сохранения этой власти была ее легитимность в восприятии подданных и соседних государств. Следовало доказать прежде всего жителям многонациональной, поликонфессиональной и многоукладной страны, что их единственным законным правителем является московский великий князь. Сделать это было непросто. К тому же управлять столь пестрой по уровню цивилизованности и столь обширной страной в то время умели только авторитарно. Следовательно, требовалось доказать, что московский великий князь является не просто правителем огромной страны, но и ее полным и неограниченным властелином. Важнейшей вехой легитимизации власти московского князя стало венчание Ивана IV на царство в 1547 г. Как свидетельствует первоначальная редакция Чина венчания на царство (летописная), в 1547 г. Иван не был помазан на царство, упоминание о помазании появляется лишь в Формулярной редакции, которую исследователи датируют временем не ранее середины 50-х гг. XVI в.⁴ С большим трудом московские дипломаты добивались признания царского титула на международной арене.⁵ Во второй половине 50-х гг. XVI в. все их усилия и немалые финансовые средства были направлены на получение подтверждающей грамоты от иерархов греческого Востока. И все же, как показывают исследования, большинство подпи-

⁴ *Успенский Б. А.* Царь и патриарх. Харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998. С. 109—113.

⁵ *Хорошкевич А. Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 66—132.

сей на этой присланной из Константинополя грамоте поддельные.⁶ В такой обстановке большое значение приобретали наглядные доказательства царственного статуса московского князя, которые хотя и не имели строго юридического статуса, но производили сильное впечатление своим внешним видом, оригинальностью исполнения и богатым украшением.

По сути, единственной приемлемой моделью крупного государственного устройства для православной России оставалась Византийская империя. Ориентация на эту модель побуждала московских правителей искать связи и преемственность с Византией. Таким стремлением, как известно, обусловлена женитьба Ивана III на племяннице последнего византийского императора Софье Палеолог. В первой половине XVI в. тема византийской государственности и византийского наследия была центральной при создании памятников государственной идеологии в России. Это и легенда о передаче византийским императором Константином Мономахом царских регалий своему внуку киевскому князю Владимиру Мономаху, и идея о перемещении церковного и государственного центра из Византии в Россию. В наиболее законченной форме данная идея выражена в Послании псковского инок Филофея государеву дьяку Г. Г. Мисюрю Мунехину, которое датируется вторым десятилетием XVI в. Однако она проводилась и в других памятниках литературы и искусства того времени, пусть и не в столь открытой форме. Например, почитание иконы Тихвинской Богоматери при Василии III и Иване Грозном совершенно справедливо соотносится исследователями с культом Лиддской Богоматери в Византии. В обоих случаях идет речь о путешествующей по воде чудотворной иконе, с той, однако же, разницей, что из Лидды икона уплыла, а в Тихвин приплыла.⁷ Не случаен факт изготовления в период юности Ивана Грозного рамы для списка Тихвинской иконы в кремлев-

⁶ *Фонкич Б. Л.* К истории учреждения царского титула Ивана IV. Соборная грамота 1560 г. // *Фонкич Б. Л.* Греческие рукописи и документы в России в XIV—начале XVIII в. М., 2003. С. 374—375.

⁷ *Квливидзе Н. В.* Сказание о Лиддской-Римской иконе Богоматери в монументальной живописи Москвы второй половины XVI в. // *Чудотворная икона Тихвинской Богоматери: Иконография — История — Почитание: Тезисы докл. науч. конф.* СПб., 2001. С. 76—77; *Кириллин В. М.* Сказание о Тихвинской иконе Богоматери «Одигитрия». М., 2007. С. 95—97.

ском Благовещенском соборе.⁸ На этой раме изображены чудеса, происшедшие от иконы, а также группа молящихся, и на первом плане узнаваемы фигуры уже покойного к тому времени Василия III в монашеском облачении и юноши Ивана Грозного. Помещая себя рядом с покойным отцом в молении Тихвинской Богоматери (едва ли стоит сомневаться в причастности царя к созданию подобных концепций), юный Иван Грозный утверждал свою преемственность по отношению к правлению и идеологии своего отца. Подобные цели преследовала и ставшая особенно популярной в XVI в. легенда о белом клобуке, повествующая о чудесном перемещении по морю белого клобука как почетного головного убора православного иерарха — из католического Рима в Византию, а оттуда в Новгород.⁹ Вообще, формирование государственной идеологии царства в России производилось разными способами.¹⁰ В качестве примеров рассмотрим некоторые наиболее характерные случаи создания памятников идеологии царства в России XVI в. Во-первых, это фабрикация царских регалий, для которой использовались уже имеющиеся реликвии. И это, по-видимому, неслучайно. Самый ранний текст, повествующий об их происхождении, — Послание бывшего литовского митрополита Спиридона-Саввы о Мономаховом венце (10-е гг. XVI в.) — связывает их происхождение с римским императором Октавианом Августом.¹¹ Упоминаются три регалии: венец, цепь «аравитского» золота и сердоликовая «крабийца». Венец впоследствии получил известность как шапка Мономаха. Его происхождение как памятника византийской культуры XIII или начала XIV в. можно считать доказанным.¹² Идентификация золотой цепи в настоящее время вызывает трудности, так как неясно,

⁸ На раме помещены клейма, рассказывающие историю появления и прославления в России Тихвинской иконы.

⁹ *Розов Н. Н.* Повесть о белом клобуке как памятник общерусской публицистики // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 183—184.

¹⁰ *Kämpfer F.* Rußland in der Schwelle zur Neuzeit: Kunst, Ideologie und historisches Bewußtsein unter Ivan Groznoj // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1975. Bd. 23. Hft. 4. S. 504—514.

¹¹ *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955. С. 73—151.

¹² *Жилина Н. В.* «Шапка Мономаха»: Историко-культурное и технологическое исследование. М., 2001. С. 16—162.

какая именно цепь (в XVI в., и теперь их несколько) имеется в виду. Сердоликовую «крабийцу» традиционно воспринимают как чашу,¹³ однако скорее всего это шкатулка. Именно так ее описывает духовная московского князя Ивана Ивановича около 1358 г.: «А се даю сыну своему ... коропка сердолична золотом кована».¹⁴ Видимо, эта же шкатулка упоминается и в духовной грамоте Ивана Калиты (около 1329 г.), причем здесь указано, что она приобретена именно им: «А что есмь придобыл золота, что ми дал Бог, и коробочку золотую, а то есмь дал княгини своей с меншими детми».¹⁵ В духовной грамоте Ивана Калиты впервые упомянута и «золотая шапка», и золотые цепи там также числятся.¹⁶ Итак, относительно всех трех регалий есть данные, что они находились в казне московских князей еще в первой половине XIV в. Разумеется, тогда они никак не связывались с именем Августа. Но именно исконность их бытования в казне московских князей, которая подтверждалась самыми ранними документами, видимо, и стала решающим аргументом в вопросе об отнесении их к царским инсигниям. Характерно, что на рельефах Царского места из них изображены только шапка и цепь. Сердоликовой «крабийцы» там нет.¹⁷ Относительно функциональной принадлежности шапки-«венца» и цепи сомнений не могло быть: и древние цари, и современные шапку должны носить на голове, а цепь на шее. Труднее было истолковать предназначение шкатулки и приспособить ее для царского обихода. Эта трудность, можно думать, породила непонятную формулировку относительно шкатулки: «из нея же Август веселяшися».¹⁸

¹³Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1980. Т. 7. С. 401 («небольшая сердоликовая чаша для мира»); Успенский Б. А. Царь и патриарх: Харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). С. 256.

¹⁴Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. / Подгот. к печати Л. В. Черепнин. М.; Л., 1950. С. 16.

¹⁵Там же. С. 8.

¹⁶Там же. С. 8, 10.

¹⁷Соколова И. М. Мономахов трон. Царское место Успенского собора Московского Кремля. М., 2001. Ил. 24—27, 29, 30, 32.

¹⁸Ни современные нам комментаторы приведенного текста, ни словари не могут удовлетворительно объяснить значение этого пассажа — каким образом «из» шкатулки или посредством нее можно «веселиться». Видимо, поэтому впоследствии и стали воспринимать «крабийцу» как чашу, из кото-

Следует отметить, что в Молдавии — правда, в более позднее время, в первой половине XVIII в., — зафиксирована аналогичная легенда. В Сказании о Нямецкой иконе Богоматери повествуется о том, что царские регалии, корона и порфира, были присланы византийским императором Иоанном Палеологом молдавскому господарю Александру Доброму в начале XV в., а в 1551 г. их увез бежавший в Турцию господарь Илья II.¹⁹ Об этом событии сообщает и молдавская летопись XVI в., не уточняя, правда, какие именно «скровища... от исконных царий молдавских» увез в Турцию Илья II.²⁰ Представляется вполне вероятным, хоть и требующим доказательств, что молдавская легенда о присылке из Византии царских регалий относится к более раннему времени, чем XVIII в.

Кроме самого простого способа фабрикации царских регалий посредством использования имеющихся в наличии пригодных для этой цели предметов, можно указать и другие приемы, применяемые при создании памятников идеологии царства. Остановимся на методе, который можно обозначить как «изготовление по образцу». Этот метод является важнейшим для западного и восточного Средневековья. В России середины XVI в. при формировании памятников царской идеологии он, на наш взгляд, приобрел особое значение и ряд специфических черт.

Наиболее наглядно этот метод прослеживается в центральном памятнике царской идеологии, являвшемся одновременно важнейшей царской регалией — в Царском месте Успенского собора Кремля. Возведенное в 1551 г. Царское место представляет собой четырехгранный шатер на столбах. Эта форма известна в западноевропейском искусстве, применя-

рой Август мог пить (скажем, вино) и вследствие этого «веселиться». Известны также более поздние сосуды для мира под названием «крабийца», которые использовались в придворном обиходе. Однако интерпретировать «крабийцу» как чашу, на наш взгляд, неверно. В духовной грамоте Ивана Калиты прямо указано — «коробочка золотая» (Духовные и договорные грамоты... С. 8), а в духовной его сына Ивана Ивановича — «коропка сердонична, золотом кована» (Там же. С. 16).

¹⁹Яцимирский А. И. Славянские и русские рукописи румынских библиотек // Сборник ОРЯС. СПб., 1905. Т. 79. С. 224—225.

²⁰Славяно-молдавская летопись Евфимия 1541—1554 гг. // Славяно-молдавские летописи XV—XVI вв. М., 1976. С. 98.

лась она для оформления епископских кафедр, т. е. особого места в храме, которое было предназначено для главы епархии. Аналогичное сооружение было установлено в Успенском соборе Аристотелем Фиораванти. На католический характер другого митрополичьего места, в алтаре Успенского собора, с осуждением указывал летописец того времени, упоминая, что изображенный над ним «крыж лятский» («польский», т. е. католический крест) митрополит Геронтий повелел стесать.²¹ Царское место, расположенное в параллель со святительским, у другого столба в нартексе собора, повторяло его архитектуру. Правда, здесь был использован иной материал — дерево. Это позволило богато украсить Царское место резьбой, в технике которой исследователи обнаруживают как московские, так и новгородские черты.²² В отличие от образца, весьма строгого в своих формах, Царское место роскошно и необычно украшено. Так, основания четырех столбов, составляющих каркас сооружения, стилизованы под фигуры экзотических и мифологических животных. Это опять же заимствование, на сей раз идущее от костяного трона, которым связь трона с Царским местом не ограничивается.²³ Довольно неудачно помещенные на острые вершины кокошников шатра шишкообразные кубки (именно так их трактуют исследователи) ближе всего оказываются к шишкам, венчающим костяной трон,²⁴ который к тому же послужил источником и для сюжетных рельефов Царского места. Эти рельефы представляют собой наиболее существенную составляющую убранства Царского места. Их 12, они расположены по четыре на трех стенках шатра (на двух боковых и задней). Разграниченные орнаментальными полосами, рельефы изображают многофигурные сцены. В основе их сюжета лежит легенда о Мономаховом венце, получившая наибольшую известность в со-

²¹ Софийская вторая летопись // ПСРЛ. М., 2001. Т. 6. Вып. 2. Стб. 286.

²² Бочаров Г. Н. Царское место Ивана Грозного в московском Успенском соборе // Памятники русской архитектуры и монументального искусства: Города, ансамбли, зодчие / Отв. ред. В. П. Выголов. М., 1985. С. 54—57.

²³ О троне как источнике Царского места см.: Там же. С. 48.

²⁴ Эти шишки, возможно, в XVI в. выглядели не совсем так, как ныне. В 1632 г., когда трон подвергся поновлению, их описали следующим образом: «прорезные через грань золоченые яблоки» (Цит. по: Государственная Оружейная палата. М., 1988. С. 364).

ставе Сказания о князьях владимирских. На рельефах изображается совещание Владимира Мономаха с боярами, предпринятый в результате этого военный поход в византийские провинции, посылка царских регалий византийским императором Константином Мономахом в Киев, принятие регалий Владимиром Мономахом. На дверцах Царского места вырезан текст легенды, обнаруживающий наибольшую близость к Сказанию о князьях владимирских. Исследователи не раз отмечали нетрадиционность композиции рельефов Царского места, исполненных, впрочем, в обычной для России того времени технике резьбы по дереву. Обратимся к возможному источнику Царского места — костяному трону. Впервые он упоминается в описях царской казны XVII в.²⁵ Это искусно выполненный трон, облицованный резными пластинками из кости. Исследователи затрудняются с атрибуцией и датировкой трона, который подвергался починкам вплоть до середины XIX в.²⁶ Несомненно только его западноевропейское происхождение. Для его датировки важное значение имеет свидетельство Сигизмунда Герберштейна, который, описывая свой второй визит в Россию в 1526 г., упоминает, что Василий III в своем охотничьем шатре принимал послов, сидя на седалище/крес-

²⁵ Государственная Оружейная палата. С. 364.

²⁶ В последнее время И. А. Бобровницкой указан ближайший аналог рельефов трона — гравюры издания «David hoc est virtutis exercitatissimae probatum Deo spectaculum» (Antwerpen, 1575), иллюстрирующие разные эпизоды биографии библейского Давида. На этом основании исследовательница датирует трон временем после 1575 г. (*Бобровницкая И. А. Изобразительный цикл «История царя Давида» в оформлении трона слоновой кости из коллекции Оружейной палаты // Верховная власть, элита и общество в России XIV—первой половины XIX века. Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй. Вторая международная конференция 23—25 июня 2009 года: Тезисы докладов. М., 2009. С. 28—29*). С этим трудно согласиться, поскольку в таком случае придется предположить, что С. Герберштейн описывает другой костяной трон. Датировка Бобровницкой основывается на сходстве композиции и рисунка батальных сцен на троне и в издании 1575 г. Отметим, что сходство здесь не безусловное, что требует дополнительных изысканий. Вполне возможно и более позднее происхождение отдельных пластин трона, замена которых на новые происходила вплоть до XIX в. (о неоднозначности датировки трона см.: *Герб и флаг России. X—XX века. М., 1997. С. 156—157 (раздел написан А. Л. Хоршкевич)*).

ле из слоновой кости.²⁷ Учитывая дороговизну этого материала и уникальность дошедшего до нас трона, наиболее вероятным представляется предположение, что нынешний трон и «кресло из слоновой кости» Василия III — одно и то же. Следовательно, трон появился в России не позднее первой трети XVI в. Здесь встречаем прямоугольные горизонтально расположенные композиции, в два ряда, обрамленные орнаментальными полосами. Они обнаруживают сходство с рельефами Царского места. Есть и сюжетные переключки. Так, на большинстве рельефов костяного трона изображены многофигурные композиции, среди которых представлены и батальные сцены. Сюжет их, конечно же, иной, нежели на рельефах Царского места. На костяном троне проиллюстрированы отдельные сцены из жизни библейского Давида, что вполне соответствовало традициям ренессансной Европы, но не могло быть в полной мере воспринято в России XVI в. Поэтому неудивительно, что от рельефов костяного трона мастера Царского места переняли композиционную организацию украшений, но не их содержание. Однако даже отмеченная особенность характерна. Получается, что при создании важнейшего произведения символики царства источником послужил царский же трон иностранного происхождения.

Другой памятник, возможно, не менее важный для идеологии царства, чем Царское место, — икона «Благословенно воинство небесного царя» (ГТГ, инв. № 1641). Описи Успенского собора XVII в. свидетельствуют, что тогда эта икона располагалась на северной стене храма рядом с царским местом.²⁸ Можно думать, учитывая размеры иконы (144×396 см), что это ее изначальное место. Доску такой величины невозможно поставить в иконостас, она не соответствует ни одному помещению средневекового Кремля (например, Мироваренной палате, где она находилась в начале XX в.) кроме двух главных кремлевских соборов, из которых только в Успенском было

²⁷В латинском издании Записок Герберштейна 1556 г. читается «он сидел на седалище из слоновой кости» («sedebat in sede eburnea»), а в немецком издании 1557 г.: «он сидел на кресле из слоновой кости» («er saß in ainem Helfenbainen Sässl») (*Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии.* М., 2008. Т. 1. С. 576—577).

²⁸РИБ. СПб., 1876. Т. 3. С. 311.

для нее место, поскольку стены нижнего яруса Архангельского собора заняты изображениями погребенных в нем князей. Итак, есть основания полагать, что икона «Благословенно воинство» согласно своему предназначению была размещена рядом с царским местом.²⁹

Иконе «Благословенно воинство небесного царя» посвящена обширная историография.³⁰ Введенная в научный оборот в начале XX в., эта икона сразу привлекла внимание специалистов благодаря большому размеру и редкому для древнерусской иконографии сюжету. На ней изображено святое воинство под предводительством архангела Михаила и царя с крестом в руках, идущее по гористой местности от некоего града (он изображен в верхнем правом углу в круге) к символу града небесного, в центре которого изображена сидящая на престоле Богоматерь с младенцем. Расстояние от Богоматери до стремящегося к небесному граду воинства заполняют ангелы, которые несут воинам венцы в виде корон. Уже А. Е. Пресняков сделал попытку соотнести изображенное на иконе действо с историческими реалиями XVI в. и предположил, что покинутый воинством град — это завоеванная в 1552 г. Казань, а среди воинов присутствует Иван Грозный.³¹ Действительно, архитектура города имеет явно выраженный мусульманский характер. А. Е. Пресняков не знал, что город приоб-

²⁹О художественных работах в Московском Кремле в середине XVI в. см.: *Подобедова О. И.* Московская школа живописи при Иване IV: Работы в Московском Кремле 40—70-х гг. XVI в. М., 1972. С. 59—68 и др.

³⁰Библиографию см.: *Сорокатый В. М.* Икона «Благословенно воинство небесного царя». Некоторые аспекты содержания // Древнерусское искусство. Византия и Древняя Русь. СПб., 1999. С. 399—416; *Кочетков И. А.* К полемике об иконе «Благословенно воинство небесного царя» // Иконографические новации и традиция в русском искусстве XVI века: Сборник статей памяти В. М. Сорокатога. М., 2008. С. 329—338; *Евсеева Л. М.* Еще раз к полемике об иконе «Благословенно воинство небесного царя» // Там же. С. 339—346; *Сиренов А. В.* К вопросу об изображении реальных лиц на иконе «Благословенно воинство небесного царя» // Верховная власть, элита и общество в России XIV—первой половины XIX века. Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй. Вторая международная конференция 23—25 июня 2009 года: Тезисы докладов. М., 2009. С. 160—163.

³¹*Пресняков А. Е.* Эпоха Грозного в общем историческом освещении // *Анналы. Журнал всеобщей истории, издаваемый Российской Академией наук.* Пг., 1923. № 2. С. 197.

рел такие очертания в поновлении XVIII в., первоначальный же его облик не сохранился. Видимо, еще иконописцы XVIII в. воспринимали поновленную ими икону как иллюстрацию взятия Казани; было ли это свойственно ее первоначальному замыслу — неизвестно.³² М. К. Каргер внес важное уточнение в атрибуцию Преснякова. Последний полагал, что Иван Грозный изображен в числе трех всадников, скачущих вслед за царем. Каргер вполне резонно предположил, что юного Ивана Грозного скорее следует видеть в знаменосце, изображенном впереди войска.³³ Дальнейшие отождествления, которых в исследовательской литературе было немало, отличались явным недостатком аргументации.³⁴ Следует выделить статью А. Н. Грабара, в которой указан аналог иконографии московской иконы — фреска румынской церкви св. Креста в Пэтрэуц, датируемая концом XV в.³⁵ На фреске изображен поход императора Константина против Максенция: тот его момент, когда Константин узрел на небе крест, ставший предвестием его победы и пророчеством грядущего утверждения христианства. Композиция имеет горизонтальный формат, в центре — конная фигура Константина, окруженная конными же святыми воинами. Возглавляет процессию крылатый всадник —

³²Отметим, что в Послании митрополита Макария Ивану Грозному под Казань 1552 г. присутствует тот образный ряд, который встречаем и на иконе: «...молим соборне, ... чтобы Господь Бог совершил царское твое желание и хотение сердца твоего помощью и поспешением великаго архистратига Михаила и прочих сил бесплотных..., и поспешением святых Христовых страстотерпец и пособников наших Георгия, и Дмитрия, и Андрея, и Феодора Стратилатов, и благочестивых по Бозе сродников ваших великаго и равна апостолом великаго князя Владимира и святых страстотерпец Бориса и Глеба... и святаго великаго князя Александра Невскаго, и всех благочестивых сродник ваших...» (АИ. СПб., 1841. Т. 1. С. 292).

³³*Каргер М. К.* К вопросу об изображении Грозного на иконе «Церковь воинствующая» // Статьи по славянской и русской словесности: Сб. ст. в честь акад. А. И. Соболевского. Л., 1928. С. 467—468.

³⁴См., напр.: *Антонова В. И., Мнева Н. Е.* Государственная Третьяковская галерея. Каталог древнерусской живописи. Опыт историко-художественной классификации. М., 1963. Т. 2. С. 128, 129, 132, 133; *Кочетков И. А.* К истолкованию иконы «Церковь воинствующая» («Благословенно воинство небесного царя») // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 38. Взаимодействие литературы и изобразительного искусства. С. 187—198 и др.

³⁵*Grabar A.* Les croisades de l'Europe orientale dans l'art // *Mélanges Charles Diehl.* Paris, 1930. V. 2. P. 19—27.

архангел Михаил. Императора окружают Георгий Победоносец, Димитрий Солунский и еще несколько святых на конях. Подобный же сюжет запечатлен в росписях рубежа XIV—XV вв. болгарской церкви Константина и Елены в Охриде.³⁶ Здесь замечательно то обстоятельство, что имя надписано только над изображением Константина, сопровождающие его воины имеют следующую надпись: «ст воины». На русской иконе остатки надписи сохранились только над изображением центрального персонажа — всадника в царской одежде. Из всей надписи сохранилась и читается только буква «а»; можно думать, что изначально было написано «святый Константинъ».³⁷ В целом же структура образца в иконе «Благословенно воинство» сохранена: святое воинство, в центре которого находится император Константин, ведет архангел Михаил. Однако святые воины направляются совсем не на битву с Максенцием. Сюжет видения креста также отсутствует. Отметим, что данный сюжет был известен в России в то время. Он присутствует в росписях кремлевского Архангельского собора. Сохранившаяся живопись этой композиции относится к середине XVII в., однако есть все основания предполагать, что в первоначальном варианте росписей середины XVI в. рассматриваемый сюжет присутствовал, и в XVII в. был просто повторен.³⁸ Итак, несмотря на известность сюжета о видении Константину креста, в иконе «Благословенно воинство» он не

³⁶ *Торовић-Љубинковић М.* Црква Константина и Јелене у Охриду // Старинар. Орган Археолошког института. Нова серија. Београд, 1951. Књига 2. С. 175—184.

³⁷ В. И. Антонова полагала, что имя этого императора в памятниках древнерусской письменности писалось исключительно через «я» — «Константиъ», и на этом основании утверждала, что центральный персонаж иконы — святой князь Владимир. Однако это не так. В тексте Степенной книги имя Константина неоднократно встречается написанным через «а» (СКДС 117, 118, 162, 163 и др.).

³⁸ Об актуальности в грозненское время темы победы Константина над Максенцием см.: *Филюшкин А. И.* Андрей Михайлович Курбский. Просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб., 2007. С. 439—441. Фигура царя Константина была востребована и в публицистике предшествующего времени. Об образе Константина в творчестве Ивана Пересветова см.: *Каравашкин А. В.* Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский. М., 2000. С. 31—32.

отражен. Святое воинство на иконе направляется походом к небесному граду.

В недавних исследованиях Н. В. Квливидзе и В. М. Сорокатого указан и подробно рассмотрен еще один иконографический источник иконы «Благословенно воинство». Таковым можно считать икону рубежа XV—XVI вв. «Аллегория небесного Иерусалима», происходящую из монастыря Богородицы Платитеры с о. Корфу, на которой изображено шествие от града земного к граду небесному.³⁹ На этой иконе, также внушительного размера (105,5×82,5 см), град небесный представлен в виде четырехугольной крепости наверху горы с подписью «Сион». Шествие к небесному граду движется, соответственно, по гористой местности, причем серого цвета гора разделена на три части расположенным в ее центре охристым отрогом. Эту же деталь встречаем и в русской иконе — войско движется к небесному Иерусалиму по трем отрогам. Правда, гористый характер поэма здесь не имеет объяснения, поскольку собственно гора с небесным градом расположена в левой части иконы, а войско — в правой и центральной частях, где никаких гор нет. По-видимому, три горных отрога на русской иконе были заимствованы из ее греческого образца. В греческой иконе в центре небесного града помещена «давальня» с исходящими из нее потоками, на которой стоит Христос. Это несколько переиначенная иллюстрация известного апокалиптического образа — кони тонут в потоках крови, которые исходят из «давильни» — приспособления для отжима виноградного сока (в лицевых Апокалипсисах, как и в рассматриваемых произведениях, она изображается в виде

³⁹ Квливидзе Н. В. Икона «Благословенно воинство небесного царя» и ее литературные параллели // Искусство христианского мира: Сб. ст. М., 1998. Вып. 2. С. 49—56; Сорокатый В. М. 1) О содержании иконы «Благословенно воинство небесного царя» // Искусство Византии и Древней Руси. К 100-летию А. Н. Грабара: Тезисы докладов конференции. Москва, 24—26 сентября 1996 г. СПб., 1996. С. 38—40; 2) Икона «Благословенно воинство небесного царя»... С. 399—416. Публикацию и описание иконы см.: Icons Itinerant: Corfu, 14-th—18-th century. [S. l.], 1994. P. 150—155. Правда, И. А. Кочетков отрицает возможность влияния данной иконы на икону «Благословенно воинство...», отказываясь видеть сюжетную близость этих произведений (Кочетков И. А. К полемике об иконе... С. 330—331). Такую позицию можно рассматривать только как следствие недоразумения (см. об этом: Евсева Л. М. Еще раз к полемике об иконе... С. 345, примеч. 15).

небольшого четырехугольного бассейна). В иконе «Благословенно воинство» этот образ переосмыслен так же, как и в греческой иконе, а именно: «давальня» изображена у подножия горы Сион. Из нее навстречу святому воинству течет поток синего цвета. Это явно не кровь, а вода. Следовательно, исходящий из давальни поток, как и на греческой иконе (там на «давальне» стоит Христос), несет не гибель и наказание, а, напротив, имеет значение Божьего благословения. В иконе «Благословенно воинство» поток проходит сквозь бассейн меньшего размера, рядом с которым стоит такой же, но совершенно пустой. Таким образом, из двух стоящих рядом малых «давилен» поток прошел только сквозь один, оставляя второй в стороне. В чем смысл данного символа? Два малых бассейна, можно думать, символизируют либо православие и католичество, либо, что менее вероятно, Константинополь и Москву. Первая атрибуция предпочтительнее, поскольку основа сюжета иконы — шествие святого и, соответственно, православного воинства. Как видим, совмещение двух сюжетов — похода императора Константина и шествия к граду небесному — и стало иконографической основой для иконы «Благословенно воинство». Подчеркнем, что ни тот, ни другой источник иконы «Благословенно воинство» не бытовал в России. Если относительно сюжета «Поход Константина против Максенция» в изводе, представленном в росписях церкви св. Креста в Пэтрэуц, можно предположить существование аналогичной традиции в России XVI в., то уникальность греческой иконы «Аллегория небесного Иерусалима», на наш взгляд, не требует доказательств. Эта икона написана под явным и значительным воздействием итальянского кватроченто, ее отдельные сцены (например, шествие грешников) приближаются к манере светской живописи Италии XV в.⁴⁰ Перед нами результат смелого эксперимента, и предполагать тут какую-либо традицию, включающую копии, подражания и варианты, едва ли возможно. Таким образом, получается, что автор написанной в Москве иконы «Благословенно воинство небесного царя» в качестве источников пользовался фреской из Молдавии и иконой с о. Корфу. Однако на русской иконе присутствуют дополнительные по сравнению с образцами персонажи, и в этом

⁴⁰Ср.: *Icons Itinerant: Corfu, 14th—18th century*. P. 155.

важное отличие данного памятника, встроенного в систему идеологии царства.

Еще И. А. Кочетковым отвергнута идентификация знаменосца перед войском в среднем ряду как Ивана Грозного. Основанием для такого скепсиса послужила отмеченная в русской военной практике XVI—XVII вв. особенность — знаменосцами назначали исключительно незнатных лиц. Вполне вероятно, что царь в реальности никогда не нес знамя впереди войска, но на иконе два важнейших символа, фигура царя и воинское знамя, вполне могли быть совмещены без всякого урона для царской чести. Однако главный аргумент в пользу отождествления знаменосца в среднем ряду с Иваном Грозным другой. Каргер обратил внимание, что над знаменосцем три ангела держат корону, причем значительно бóльшую, нежели те венцы, которые несут воинам другие ангелы. Благодаря короне фигура юного знаменосца существенно выделяется, поэтому вполне естественно отождествить коронованного знаменосца с царем, т. е. Иваном Грозным. Кочетков предположил, что корону ангелы несут следующему всаднику — фигуре в царском облачении с крестом в руках, а над юным знаменосцем они лишь случайно задержались. Предложенное объяснение при всей его неаргументированности было принято большинством исследователей, которые либо видят царя в центральном персонаже с крестом в руках,⁴¹ либо утверждают, что царя на иконе нет и не может быть (В. М. Сорокатый). Представляется, что прав был Каргер, отождествивший с Иваном Грозным увенчанного царским венцом знаменосца в среднем ряду.⁴²

На иконе изображен и другой знаменосец, который ведет отряд в нижней части иконы. Следом за ним скачет всадник,

⁴¹ *Богатырев С. Н.* Царская власть в 1550-е годы. Преемственность или новации? // Репрезентация власти в посольском церемониале и дипломатический диалог в XV—первой трети XVIII века: Тезисы докл. междунар. науч. конф. М., 2006. С. 17—20.

⁴² Этому предположению не противоречит единственная сохранившаяся до наших дней часть «доспеха» Ивана Грозного — его шлем, изготовленный в 1547 г. (ныне хранится в Королевской оружейной палате в Стокгольме, см.: *Бобринский А. А.* Шлем Ивана Грозного // Записки Русского археологического общества. Новая серия. СПб., 1898. Т. 10. Вып. 1—2. С. 316—325; *Вера и власть: Эпоха Ивана Грозного.* М., 2007. С. 62) — того же типа, что и у знаменосца на иконе, стрельчатый, с высоким шпилем.

которого все исследователи определяют как Георгия Победоносца. Знаменосца перед ним Д. В. Айналов без аргументации отождествлял с Дмитрием Донским, В. И. Антонова — с Александром Невским. Совершенно очевидно, что оба отождествления неверны. Всадник юн и безбород — следовательно, он не может быть Дмитрием Донским, к тому же, изображенный без нимба, он не может быть и Александром Невским. Второй знаменосец очень похож на первого, но в других лахах. Видимо, это все же не один человек, изображенный дважды. Обратим внимание на фигуры Богоматери с младенцем. Сидящие на троне в горнем Иерусалиме, они раздают ангелам венцы, которые те несут воинам. Характерно, что на иконе Богоматерь и младенец протягивают ангелу два венца, а ангел принимает их прикровенными руками. Остальные ангелы несут венцы обыкновенно, не прикрыв рук. Подчеркнем, что на иконе святое воинство возглавляют два юных знаменосца, один из которых Иван Грозный. Богоматерь и младенец Христос вручают ангелу два венца. Логично предположить, что они предназначаются для знаменосцев.

Для ответа на вопрос, кем может быть второй знаменосец, обратимся к событиям середины XVI в. В 1552 г. была взята Казань. Кроме самого царя, в походе участвовал его двоюродный брат Владимир Андреевич Старицкий. Другой ближайший родственник, брат царя Юрий Васильевич, оставался в Москве. Митрополит Макарий в своем послании царю под Казань от 13 июля 1552 г. писал: «...молим... о многолетнем ти телесном здравии и о душевном спасении великаго твоего благородства и о твоей благородной и христоролюбивой царицы великой княгини Анастасии, такоже и о твоей братии князе Георгии Васильевиче и княгине его и князе Владимире Андреевиче, чтобы, государь, Бог умножил лета живота вашего и даровал бы вам сыны наследники царьствия вашего».⁴³ Отметим, что в своем послании в качестве потенциальных наследников престола митрополит рассматривает царя, его брата и кузена, а также их детей. Возможно, сам Иван Грозный так и не считал. Нам важно определить мнение, бытовавшее в той среде, где была создана икона «Благословенно воинство», а это скорее окружение митрополита (ведь икона предназ-

⁴³АИ. Т. 1. С. 291.

чалась для кафедрального Успенского собора), чем царя. При встрече в Москве возвращающегося после взятия Казани войска митрополит Макарий обратился к царю с приветственной речью, которая в Летописце начала царства приведена так: «Здравствуй, государь наш благочестивый царю, и с своею царицею великою княгинею Анастасиею, и с своим Богом дарованным сыном царевичем Димитрием, и с своею братиею князем Юрием Васильевичем и князем Володимером Андреевичем, и с своими бояры...».⁴⁴ В 1553 г., во время болезни Ивана Грозного, как известно, некоторые его приближенные в качестве наследника рассматривали не царского сына Дмитрия, а Владимира Старицкого, что положило начало противоречиям между двоюродными братьями. В том же 1553 г. умер царевич Дмитрий, и государство осталось без наследника. В этой ситуации упрочилось положение Юрия Васильевича, родного брата царя, который, по свидетельству Курбского, был умственно неполноценен и не мог рассматриваться в качестве реального наследника. Это подтверждается тем обстоятельством, что удел Юрия Васильевича, которому отец завещал в качестве такового Углич, по наблюдению В. Д. Назарова, существовал всего около года — с лета-осени 1547 г. до весны-осени 1548 г.⁴⁵ Ликвидация удела царского брата, при том, что существовал удел старицкого князя, демонстрирует политическую незначительность фигуры Юрия Васильевича. Однако номинальным наследником он вполне мог считаться. После рождения у царя наследника в 1554 г. с Владимира Старицкого была взята крестоцеловальная запись (в мае 1554 г.), по которой он в случае смерти царя назначался опекуном царевича, а если умрет последний, то должен был подчиниться царице Анастасии Романовне и Юрию Васильевичу.⁴⁶ В крупной церковно-политической акции того времени, принесении в Москву чудотворной иконы Николы Великорецкого, принимали участие и царь, и его брат. В 1555 г. свя-

⁴⁴ПСРЛ. Т. 13. С. 227.

⁴⁵Так, указная грамота в Углич от 11 октября 1548 г. написана уже от царского имени (*Назаров В. Д.* Из истории центральных государственных учреждений России середины XVI века (К методике изучения вопроса) // История СССР. 1976. № 3. С. 89—90).

⁴⁶СГГД. М., 1813. Ч. 1. С. 467.

ценники и «лутчие люди земские» из Вятки поведали царю, что чудотворный местночтимый образ Николы Великорецкого нуждается в реставрации: «от многа лет не подельван». ⁴⁷ Жители Вятки били челом Ивану Грозному, чтобы государь велел чудотворную икону обновить. Перенесение иконы Николы Великорецкого в Москву было обставлено торжественно. Икону доставляли по воде «в судах». Юрий Васильевич встречал чудотворный образ у Николо-Угрешского монастыря, сам Иван Грозный — у Симонова монастыря, а митрополит Макарий — в Китай-городе. ⁴⁸ В процессе перенесения иконы в Москву случались от нее чудеса исцеления, то же продолжилось и в столице. ⁴⁹ В память об этом один из приделов заложенного вскоре собора Покрова на Рву был посвящен Николу Великорецкому. Когда строительство деревянного придельного храма было завершено, на его освящении присутствовали Иван Грозный и Юрий Васильевич. ⁵⁰ В грамоте митрополита Макария в Новгород от 27 февраля 1557 г., посвященной организации молебнов по случаю голода, провозглашается многолетие Ивану Грозному и Георгию Васильевичу с семьями. Митрополит Макарий призывал новгородцев молить «о многолетном здравии благочестиваго царя государя и великаго князя Ивана Васильевича всея Руси самодержца и о его благочестивой и христоролюбивой царице великой княгине Анастасеи и о богодарованных чадах, благоверном царевиче Иванне и о благоверной царевне Евдокеи, и о его брате Георгии Васильевиче и княгине его, чтоб Господь Бог умножил лет живота их и впредь бы им послал чадородие, сыны и наследники царствию их, здравы и многолетны». ⁵¹

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 254.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ С иконы снимались копии, наиболее ранняя датированная из которых написана сольвыгодским иконописцем Андреем Васильевым и относится к 1558 г. (Белов С. П. Икона «Никола Великорецкий» 1558 г. из Сольвыгодска // Памятники культуры. Новые открытия. 1987. М., 1988. С. 202—206. См. также: Нечаева Т. Н. Иконография Великорецкого образа святителя Николая чудотворца в русской иконописи XVI в. // «Правило веры и образ кротости...»: Образ святителя Николая, архиепископа Мирликийского, в византийской и славянской агиографии, гимнографии, иконографии. М., 2004. С. 439—455).

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 255.

⁵¹ ДАИ. СПб., 1846. Т. 1. № 221. С. 369—370.

Как видим, в середине—второй половине 50-х гг. XVI в. Юрий Васильевич особенно активно участвовал в общественной жизни наряду со своим царственным братом. Полагаем, что в это время и могла быть написана икона «Благословенно воинство», на которой вторым предводителем воинства представлен Юрий Васильевич, изображенный перед своим святым покровителем Георгием Победоносцем. Правда, нельзя исключать и вероятности того, что второй всадник является Владимиром Старицким. На это косвенно указывают сюжетные переключки иконы и послания под Казань митрополита Макария, адресатами которого были Иван Грозный и Владимир Старицкий. В связи с восприятием образа юного царя и его брата (или кузена) как предводителей христианского воинства обратим внимание на пророчество Кирилла Новозерского, изложенное в первой редакции его Жития. Сам святой скончался в 1532 г, но его Житие было составлено только полвека спустя — вскоре после 1581 г. В нем повествуется о необычном видении святому перед смертью, о котором он поведал монастырской братии: «Абие видех на престоле высоце сядящу Господу царю и с ним предстоящы два отрока смиренне, храбра зело, имуще на главах своих венца царска. И вда им Господь в руку их оружия своя на сопротивныя враги, и побеждени будут злии варвари, и поклонятся Ему вси языцы, и будет царство наше устроено Богом». ⁵² Вполне возможно, что здесь подразумевается икона «Благословенно воинство». Правда, Кирилл Новозерский ее не мог иметь в виду, так как к моменту смерти святого икона не была написана. Кирилл мог рассказать о пророчестве, суть которого была в том, что русскому царству покорятся все его враги. При составлении Жития пророчество, возможно, литературно обработали, связав его с несомненно широко известной иконой «Благословенно воинство». ⁵³ Для нас в данном случае

⁵² Карбасова Т. Б. О пророчестве преподобного Кирилла Новозерского // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: редактор и текст. СПб., 2000. Вып. 3. С. 93—94. За указание на эту параллель иконе «Благословенно воинство» благодарю Т. Б. Карбасову.

⁵³ В конце XVII в. архимандрит Новоспасского монастыря Игнатий Римский-Корсаков видел в двух юных царях из пророчества Кирилла Новозерского указание на Ивана и Петра Алексеевичей (Слово благочестивому и христороливному российскому воинству..., собранное смиренным Игнатием

важно, что основная идея иконы воспринималась современниками следующим образом: войско, ведомое двумя юношами в царских венцах. В целом же, по нашему мнению, икона «Благословенно воинство» отражает реалии первой половины — середины 50-х гг. XVI в. и представляет зрителю концепцию своеобразного династического дуумвирата — Иван Грозный и его брат Юрий (или кузен — Владимир Старицкий) во главе святого воинства. Этим же временем датируется фреска дьяконника кремлевского Архангельского собора, на которой, согласно атрибуции Е. С. Сизова, изображено прощание умирающего Василия III с женой и обоими сыновьями.⁵⁴

Для понимания смысла иконы «Благословенно воинство» важна происходящая из Чудова монастыря икона «Церковь воинствующая» (ныне — в Музеях Московского Кремля, инв. Ж-1065⁵⁵), чрезвычайно близкая к ней по сюжету, но значительно меньшая по размеру. Ее датируют как серединой XVI в.,⁵⁶ так и концом этого столетия,⁵⁷ допуская, что она является копией иконы «Благословенно воинство» или ей подобной. Рассматривать эту икону как копию более ранней, на наш взгляд, неверно. В ней сочетается примитивизм в изобра-

иеромонахом Спаса Новаго монастыря архимандритом от божественных писаний и от царственных летописцев // Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века. Литературные панегирики / Подгот. текста, предисл. и коммент. А. П. Богданова. М., 1983. С. 167). Впрочем, в то время исторические аналогии дуумвирату Ивана и Петра встречаются и в произведениях других авторов. Так, на гравюре «Конклюзия Обидовского» (1691 г.) украинский гравер И. Щирский поместил изображения царей Ивана и Петра, а над ними в картушах — Бориса и Глеба, византийских императоров братьев Василия и Константина, Аркадия и Георгия (Алексеева М. А. Гравер Тарасевич в Москве в 1689 году // Панорама искусств. М., 1990. Вып. 13 (Сб. статей и публикаций). С. 254).

⁵⁴Сизов Е. С. Датировка росписи Архангельского собора Московского Кремля и историческая основа некоторых ее сюжетов // Древнерусское искусство. XVII век. М., 1964. С. 170.

⁵⁵Иногда ее называют «Благословенно воинство небесного царя». Оба названия применительно к данной иконе условны, поэтому для того, чтобы отличать ее от рассмотренной выше иконы, представляется разумным вернуться к ее первоначальному наименованию в исследовательской литературе — «Церковь воинствующая».

⁵⁶Вера и власть... С. 158.

⁵⁷Антонова В. И., Мнева Н. Е. Государственная Третьяковская галерея. Каталог древнерусской живописи... С. 130.

жении и расположении фигур с уверенным владением техникой икононого дела. Такое сочетание не характерно для копий, оно свидетельствует о воплощении оригинального замысла. Полагаем, что датировать эту икону следует примерно тем же временем, что и «Благословенно воинство», т. е. 50-ми гг. XVI в. Основания для этого следующие. Фигура центрального всадника с нимбом, над которым ангел держит корону, повторяет увенчанного короной знаменосца на иконе «Благословенно воинство». По нашему мнению, это также Иван Грозный. Существенно, что в обоих случаях царь изображен без бороды. Если мы обратимся к иконографии Ивана Грозного, то увидим, что безбородым он изображался только в 40—50-х гг. Так, на нижнем клейме иконы Тихвинской Богоматери из Благовещенского собора, которая упоминается в деяниях Стоглавого собора 1550 г., царь безбородый. На миниатюрах Лицевого свода борода у Ивана Грозного появляется лишь с 1558 г.⁵⁸ На фреске Успенского собора в Свияжске (1561 г.) Иван Грозный изображен уже с бородой.⁵⁹ На иконах же «Благословенно воинство» и «Церковь воинствующая» царь без бороды, что позволяет датировать их 50-ми гг. XVI в. Важно, что на иконе «Церковь воинствующая» второго предводителя воинства нет. Еще одно существенное отличие этой иконы состоит в том, что верхний ряд святых воинов составляют исключи-

⁵⁸ Правда, над одной из миниатюр 1551 г. есть редакторская помета: «Царя писат тут надобет стара» (ПСРЛ. Т. 13. С. 463, примеч. 1), но Иван Грозный на ней и последующих изображен безбородым.

⁵⁹ *Сарабьянов В. Д.* Символико-аллегорические иконы Благовещенского собора и их влияние на искусство XVI века // Благовещенский собор Московского Кремля: Материалы и исследования. М., 1999. С. 198. По предположению А. С. Преображенского, в записи на стене собора, повествующей о времени появления в нем росписей, первоначально читалось имя патриарха Игнатия, что позволяет отнести росписи к рубежу XVI—XVII в. (*Преображенский А. С.* К вопросу о датировке росписей собора Успенского монастыря в Свияжске // Свияжские чтения. Свияжск, 2009. Вып. 1. С. 30—42). Однако в изображенном без белого клобука митрополите следует признать Макария, а это значит, что либо росписи датируются временем его святительства, либо они скопированы с соответствующего образца. Отметим, что аналогичное изображение присутствует на сольвычегодской иконе «Да молчит всяка плоть» (*Кондаков Н. П.* Лицевой иконописный подлинник. Иконография Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. СПб., 1905. Т. 1. Ил. 33), что по справедливому мнению В. Д. Сарабьянова указывает на существование такой же кремлевской иконы грозненского времени (см. ниже).

тельно цари и князья — они либо в коронах, либо в княжеских шапках (по сохранившимся надписям атрибутируются Давид и Соломон, а исходя из данных иконографии — князья Владимир, Борис и Глеб). Замыкает эту процессию император Константин. Соответствующая надпись над ним признается поздней, но иконография с несомненностью указывает на Константина — в царском облачении с крестом в руке. Особенности исполнения иконы «Церковь воинствующая» позволяют предположить, что здесь мы имеем своеобразный эскиз другого варианта иконы «Благословенно воинство», возможно, отразивший изменившуюся во второй половине 50-х гг. династическую концепцию. Иван Грозный выступает как единодержец, благословляемый святыми правителями библейской древности и русской истории. Была ли исполнена предполагавшаяся икона — неизвестно, но исключать этого нельзя. В нашем распоряжении есть сведения об аналогичной иконе, которая не сохранилась — «Соединение церкви земной с церковью небесной» из собрания московского единоверческого монастыря.⁶⁰ Кроме того, элементы иконографии иконы «Благословенно воинство небесного царя» обнаружены исследователями в двух иконах «Страшный суд» — из Стокгольмского национального музея и из Воскресенского собора в Тутаеве.⁶¹ В иконе «Церковь воинствующая» особенно явно представлена апокалиптическая тематика. Представляется важным, что возглавляющий воинство юный царь вместо шлема увенчан монашеским клобуком.⁶² Обратим внимание и на то обстоятельство, что икона «Церковь воинствующая» происходит из Чудова монастыря. Как будет показано ниже, удалившийся в Чудов монастырь на покой митрополит Афа-

⁶⁰ В этот монастырь, по сообщению старожилов, были перенесены иконы из церкви св. Анастасии, построенной Грозным в 50-е гг. XVI в. в честь святой покровительницы своей жены (*Синицын П. В.* Никольский единоверческий мужской монастырь в Москве, что в Преображенском. М., 1896. С. 11).

⁶¹ Наиболее подробно об этих иконах написал В. М. Сорокатый (Икона «Благословенно воинство небесного царя»... С. 407—411). Стокгольмской иконе отдельное исследование посвятил А. Б. Конотоп (Композиция «Шествие к небесному Иерусалиму» на иконе «Страшный суд» из Национального музея Швеции (источниковедческие проблемы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007).

⁶² Вера и власть... С. 158.

насий взял с собой черновик Степенной книги. Афанасий известен и как иконописец — он участвовал в поновлении образов Николы Великорецкого и Владимирской Богоматери. В. В. Морозов предполагал, что Афанасий является автором иконы «Благословенно воинство небесного царя». ⁶³ Это едва ли так. Названную икону писал опытный, высококвалифицированный иконописец, для которого работа в области изобразительного искусства является основной. Можно высказать другое предположение: не Афанасию ли принадлежит эскиз программной иконы, который мы называем «Церковь воинствующая» и который, уходя на покой в Чудов монастырь, Афанасий мог взять с собой? Отметим, что в верхнем регистре иконы изображены святые правители, что сближает ее с главным детищем Афанасия — Степенной книгой.

К иконам «Благословенно воинство» и «Церковь воинствующая» оказываются близки три знамени, из которых опубликовано в настоящее время только одно — так называемый Великий стяг 1560 г. В основу изображенной на нем композиции положен текст Апокалипсиса, приведенный тут же: «Видение Иоана Богослова. И видех небо отверсто, и се конь серен, и седя на нем нарицаем верен и истинен и вправду судит и брани сотворит, очи же ему еста яко пла[...] и оболчен в ризы белы очервлены кровию, нарицается имя Его Слово Божие, имает на ризе и на стегне Своем имя написано „Царь царем и Господь господем“». И воинство небесное идяху вслед Его на конех сереных, и оболчены в висон бел и чист. Из уст Его изыде оружие остро, да тем иже оружием избиени сидящаго на кони, и изшедшим изо уст Его видех ангела, стояща на солнце, и возопи гласом великим ко всем птицам, парящим посреди небеси: „Приидете вси на вечерю Божию да снете плоти...“». ⁶⁴ В центре композиции золотом написан Христос в короне на серебряном коне, окруженный серафимами и херувимами. Подобное изображение присутствует в традиции лицевых Апокалипсисов. ⁶⁵ Отметим, что в лицевых Апока-

⁶³ Морозов В. В. Икона «Благословенно воинство небесного царя» как памятник публицистики XVI века // Государственные музеи Московского Кремля: Материалы и исследования. М., 1984. Вып. 4. С. 17—31.

⁶⁴ Вера и власть... С. 160, 161.

⁶⁵ См., напр., один из ранних списков лицевого Апокалипсиса: РГБ, ф. 98 (собр. Е. Е. Егорова) 27, л. 95, 97.

липсисах, влияние западноевропейской гравюры на миниатюры которых отмечал еще Ф. И. Буслаев,⁶⁶ встречается также упомянутое выше изображение «давилъни» с истекающим из нее потоком крови.⁶⁷ Эта давилъня по рисунку чрезвычайно близка к изображению источника на иконах «Аллегория небесного Иерусалима», «Благословенно воинство» и «Церковь воинствующая». На Великом стяге за Христом следуют святые в белых одеждах, на серебряных же конях. Всю эту кавалькаду возглавляет архангел Михаил на крылатом коне. Как видим, иконографических переключек с рассмотренными выше иконами довольно много. Кроме того, как отметила Н. В. Квливидзе, на иконе «Церковь воинствующая» архангел Михаил изображен в виде огненного ангела из Апокалипсиса.⁶⁸ Два других знамени также обнаруживают близость к рассматриваемым памятникам. В описи царской оружейной казны 1687 г. встречаем следующее описание: «знамя, на нем писано по миткалям видение Костянтина. Во облацы написан Спасов образ, да в том же облацы крест Господень. Царь Костянтин на коне с воинством».⁶⁹ Другое знамя, также хранившееся во второй половине XVII в. в царской оружейной казне⁷⁰ и относимое исследователями к XVI в., было вывезено из Польши в Россию в XIX в. На нем на обеих сторонах изображен князь Владимир Киевский в сопровождении святых воинов, подъезжающий к крепостным воротам, над которыми изображен крест.⁷¹ Обратим внимание, что и в иконах,

⁶⁶Свод изображений из лицевых Апокалипсисов по русским рукописям с XVI-го века по XIX-ый / Сост. Ф. Буслаев. М., 1884. С. 54—56.

⁶⁷РГБ, ф. 98 (собр. Е. Е. Егорова) 27, л. 72.

⁶⁸Квливидзе Н. В. Икона «Благословенно воинство небесного царя» и ее литературные параллели. С. 53. Апокалиптическая тематика присутствует во многих памятниках середины XVI в. См., напр.: Флайер М. К семиотическому анализу Золотой палаты Московского Кремля // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего Средневековья. XVI век. СПб., 2003. С. 185.

⁶⁹Древности Российского государства, изданные по высочайшему повелению. М., 1853. Отделение 3. Броня, оружие, кареты и конская сбруя. С. 2.

⁷⁰В описи 1687 г. написано: «Знамя, на нем шито: великий князь Владимир да благоверный князь Борис и Глеб на конях» (Цит. по: Древности Российского государства... Отделение 3. С. 2).

⁷¹Древности Российского государства. Б. м., б. г. Отделение 3. № 1—2; Петров Н. И. Древние изображения св. Владимира // Владимирский сбор-

и на знаменах встречаются варианты сюжета с видением царя Константина, в которых фигурируют деятели древнерусской истории.⁷² Отмеченная особенность представляется принципиальной для понимания того, каким образом происходило формирование идеологии царства в середине XVI в. Заимствуемые образцы и схемы наполнялись новым содержанием, материал для которого черпался из отечественной истории.

Еще один памятник середины XVI в., имеющий явное отношение к идеологии царства, — это собор Покрова на Рву, который позднее стали называть собором Василия Блаженного (по одному из приделов). Описанием его освящения фактически завершается текст Степенной книги, далее помещены два малозначительных рассказа о военных конфликтах с крымскими татарами.⁷³ Начальная точка строительства собора — 1555 г., окончательно завершен он был в 1561 г. Как отмечают исследователи, новый собор олицетворял собой Иерусалим, именно здесь был конечный пункт крестного хода в Неделю Ваий — возрожденного при Иване Грозном древнего обычая императорской Византии.⁷⁴ В Вербное воскресенье крестный

ник: В память девятисотлетия крещения России. Киев, 1888. С. 17—18. Традиция изображать на знаменах поход Константина против Максенция повлияла на искусство украшения русских знамен XVII—XVIII вв. (*Вилинбахов Г. В.* Легенда о «знамени Константину» в символике русских знамен XVII—XVIII веков // Труды Государственного Эрмитажа. Л., 1983. Т. 23. Из истории русской культуры. С. 29—41). Вполне возможно, что рассматриваемое знамя также относится к XVII в., но в любом случае оно отражает традицию, идущую из грозненской эпохи.

⁷²Вообще, тема похода императора Константина на Максенция была весьма популярна в России середины XVI в. Это понимали исследователи еще в XIX в. Так, А. Б. Лакиер подобным образом истолковывал тогдашний государственный герб — государя на коне, поражающего копьём дракона (змея) (*Лакиер А. Б.* Русская геральдика. М., 1990. С. 144).

⁷³М. Б. Плеханова назвала собор Василия Блаженного архитектурным аналогом Степенной книги (*Плеханова М. Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 47).

⁷⁴*Флайер М. С.* Церковь Покрова на Рву и архитектура московских средневековых ритуалов // Сакральная топография средневекового города. Известия Института христианской культуры Средневековья. М., 1998. Т. 1. С. 42. О происхождении этого ритуала см.: *Корневский А.* Officium stratoris и «шествие на осляти»: к вопросу о сопоставимости религиозно-политических доктрин западноевропейского и русского Средневековья // Ab Imperio. Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. 2002. № 1. С. 191—203.

ход направлялся из Кремля во Входеоерусалимский придел собора Покрова на Рву, во главе процессии шествовал митрополит на коне, ведомом царем. Конь заменял здесь осла, а митрополит символизировал вступающего в Иерусалим Христа. Этот важнейший в глазах подданных акт сакрализации царской власти выносился за пределы Кремля, вследствие чего строительство собора Покрова на Рву рассматривается как расширение сакрального пространства Кремля.⁷⁵ Необычен и внешний вид храма. Впоследствии собор был обнесен крытой галереей и стал восприниматься как единое здание. Исследования реставраторов показывают, что его первоначальный вид был другим. На Красной площади на едином основании было построено девять столпообразных отдельно стоящих храмов. Таким образом, это был уже не столько единый храм, сколько архитектурный ансамбль, символическое изображение Иерусалима. По предположению И. Л. Бусевой-Давыдовой, собор, представляющий в плане квадрат, внутри которого пять центральных храмов образуют крест, должен был вызывать ассоциации с Иерусалимом, поскольку он в Средневековье изображался также квадратным, с перекрестьем главных улиц.⁷⁶ Именно так (квадрат с крестом внутри) изображен небесный Иерусалим на вышеупомянутой греческой иконе «Аллегория небесного Иерусалима». Кроме того, группы святых, стоящие в стенах Иерусалима, на греческой иконе точно соответствуют расположению приделов собора Василия Блаженного. Это совпадение едва ли случайно. Скорее следует рассматривать оба памятника, икону «Благословенно воинство» и собор Покрова на Рву, как близкие по своему происхождению попытки выразить идею Иерусалима в идеологии царства в России середины XVI в.

Каковы источники столь необычной архитектурной идеи собора Покрова на Рву? Традиционно исследователи ставят вопрос о происхождении мастеров. После того, как была аргу-

⁷⁵ Баталов А. Л., Вятчина Т. Н. Об идейном значении и интерпретации иерусалимского образца в русской архитектуре XVI—XVII вв. // Архитектурное наследие. Т. 36. Русская архитектура. М., 1988. С. 83; Флайер М. С. Церковь Покрова на Рву и архитектоника московских средневековых ритуалов. С. 40.

⁷⁶ Бусева-Давыдова И. Л. Об изменении облика и названия собора Покрова на Рву // Архитектурное наследие Москвы. М., 1988. С. 42.

ментированно отведена недостоверная легенда XVII в. о псковских зодчих Барме и Постнике, поиски сосредоточились на иностранных, в частности западноевропейских, источниках, отразившихся в архитектуре собора. Так, отмечены влияния итальянского ренессанса и немецкой готики, из чего делается вывод о западноевропейском происхождении зодчих.⁷⁷ При этом конструктивные особенности уникального произведения архитектуры оказываются не возводимы ни к какому образцу. В связи с данным положением ценна отмеченная А. И. Некрасовым связь Покровского собора и памятников румынской архитектуры. Исследователь указал на румынское происхождение звездчатого шатра центрального Покровского храма — архитектурной доминанты всего ансамбля.⁷⁸ Эта черта подчеркивает значение русско-молдавских культурных связей середины XVI в. Именно молдавско-румынская традиция донесла до нас наиболее близкий по иконографии сюжет, положенный в основу иконы «Благословенно воинство». В одной из рукописей молдавского происхождения читается запись, из которой следует, что Иван Грозный в 50-х гг. заказал в Молдавии список Синтагмы Матфея Властаря.⁷⁹ Это доказывает знакомство царя с книжной культурой молдо-влахийских земель. Более поздняя традиция донесла предание о строительстве Грозным в Молдавии монастыря.⁸⁰ Если мы обратимся к молдавской архитектуре того времени, то увидим сходство ее форм с памятниками русского зодчества середины

⁷⁷ *Брунов Н. И.* Храм Василия Блаженного в Москве. Покровский собор. М., 1988. С. 120—131; *Баталов А. Л.* Судьбы ренессансной традиции в средневековой культуре. Итальянские формы в русской архитектуре XVI века // Искусство христианского мира: Сб. статей. М., 2001. Вып. 5. С. 138—139.

⁷⁸ Развивая эту идею, Н. И. Брунов писал, что «связи Москвы с Молдавией делают исторически возможным заимствование мастерами Покровского собора звездообразной части центральной башни в архитектуре Молдавии. Такую форму имеют многие древние церкви Молдавии, очень напоминающие в этом отношении Покровский собор» (*Брунов Н. И.* Храм Василия Блаженного в Москве... С. 133). См. также: *Ильин М. А.* Русское шатровое зодчество. Памятники середины XVI века. М., 1980. С. 73.

⁷⁹ *Калужняцкий Е.* Обзор славяно-русских памятников языка и письма, находящихся в библиотеках и архивах львовских // Труды III археологического съезда в Киеве. Киев, 1877. С. 258—259.

⁸⁰ *Яцимирский А. И.* Благотворительность русских государей в Румынии в XVI—XIX вв. // Русский вестник. Т. 261. 1899. Июнь. С. 606.

XVI в. Например, Успенский собор монастыря в Каприянах имеет некоторые черты сходства с церковью Усекновения главы Иоанна Предтечи в Дьякове — одним из важнейших архитектурных сооружений середины XVI в. Молдавия была страной православной культуры, и обращение к ее культурным традициям неслучайно. В них приближенные Ивана Грозного могли искать источники для своего творчества по созданию идеологии православного царства, но могли и воспринимать категории этой культуры с целью подчинить ее русскому влиянию, что вполне согласуется с тенденцией представлять русского царя как главу всего православного мира, которая, как известно, родилась именно в середине XVI в.⁸¹

Следующий памятник середины XVI в., к которому нужно обратиться, — это комплекс настенных росписей кремлевского Архангельского собора. Формирование царского некрополя имело большое значение для идеологии царства. Добиваясь признания царского титула со стороны греческих иерархов, Иван Грозный рассылал по кафедрам и монастырям православного Востока так называемый Царский синодик — перечень имен князей и княгинь из числа своих прямых предков и ближайших родственников.⁸² Составлению этого документа предшествовало оформление древнекняжеских некрополей в старейших центрах Руси, особенности которого рассмотрены ниже. При наличии провинциальных княжеских некрополей главным, разумеется, являлся некрополь кремлевского Архангельского собора, где находятся захоронения московских князей и их ближайших родственников (так называемых «удельных» князей). После пожара 1547 г., уничтожившего прежние фрески, Архангельский собор был вновь расписан. Т. Е. Самойлова предполагает, что автором концепции

⁸¹Эта традиция обращения к молдавской иконографии сохранилась и позднее. Н. В. Квливидзе в качестве ближайших аналогов для композиции «Осада Константинополя» в росписях Новодевичьего монастыря 1598 г. указывает памятники монументальной живописи XVI в. именно молдавско-румынского происхождения (*Квливидзе Н. В. Символические образы Московского государства и иконографическая программа росписи собора Новодевичьего монастыря // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего Средневековья. XVI век. СПб., 2003. С. 223—225*).

⁸²*Каштанов С. М. Царский синодик // Россия и греческий мир в XVI веке. М., 2004. Т. 1. С. 388—398.*

росписи Архангельского собора (или одним из авторов) был сведущий в иконописи митрополит Афанасий — автор Степенной книги.⁸³ Для нашей темы особенно важное значение имеют изображения князей на столпах и по нижнему ярусам стен. Дошедшие до нас росписи в большинстве своем относятся к середине XVII в., хотя принято считать, что они повторяют сюжеты предыдущих росписей, середины XVI в. В двух случаях это можно утверждать совершенно определенно. В соборе ярославского Спасо-Преображенского монастыря сохранились росписи 1563—1564 гг., содержащие портреты ярославских святых князей Василия и Константина. По своей композиции эти портреты совпадают с изображениями Василия и Константина Ярославских на столпах Архангельского собора. Кроме того, в тех немногих случаях, когда в Архангельском соборе сохранились фрагменты живописи XVI в., контур фигур полностью соответствует композициям XVII в. Однако настаивать на полной идентичности сохранившейся живописи и росписей XVI в. не следует. Т. Е. Самойлова справедливо полагает, что появление на столпе изображения византийского императора Михаила Палеолога — черта XVII в., когда соименный русскому царю Михаилу Федоровичу византийский император был вполне уместной фигурой в царской усыпальнице. В источниках же XVI в. деятельность Михаила Палеолога никак не выделяется. Весьма убедительным представляется предположение Самойловой, что изначально здесь был изображен Мануил Палеолог. Обратим внимание на несколько странное дублирование фигуры Александра Невского: один раз в монашеском облачении (как и полагалось), а второй раз — в княжеских одеждах. Сомнительно, чтобы в XVI в. появилось изображение князя Глеба Андреевича Владимирского. Как показывают описания владимирского княжеского некрополя, почитание Глеба Андреевича сложилось к середине XVII в., до этого времени он поминался в ряду других владимирских князей.⁸⁴ Таким обра-

⁸³Самойлова Т. Е. Княжеские портреты в росписи Архангельского собора Московского Кремля. Иконографическая программа XVI века. М., 2004. С. 223—224. Отметим, что каких-либо доказательств в пользу этого предположения исследовательница не привела.

⁸⁴Впрочем, вопрос о церковном почитании Глеба Андреевича Владимирского требует отдельного исследования.

зом, программа росписей Архангельского собора XVII в. не идентична росписям XVI в., поэтому обращаться к этому источнику нужно с известной осторожностью.

На столпах собора среди правителей в основном изображены древнерусские князья, исключение составляют св. Елена, вышеупомянутый Михаил Палеолог, время появления которого здесь неясно, и сербские князья из династии Неманичей — Лазарь, Савва и Симеон. Как представляется, их включение в программу росписей княжеской усыпальницы неслучайно.⁸⁵ В сербской монументальной живописи XIV—XV вв. бытовала композиция, изображающая сербский правящий дом — так называемая «Лоза Неманичей». В ряде случаев (в росписях храмов в Грачаницах, Дечанах, Матейче) эту композицию дополняет изображенная процессия князей из рода Неманичей во главе с Симеоном и Саввой.⁸⁶ Эта деталь является важной и для понимания взглядов на генеалогию Рюриковичей в середине XVI в. Обоснованием легитимности сербской династии выступает святость ее отдельных представителей. Та же идея относительно московских Рюриковичей — основной пункт Степенной книги. Знаменательно, что в царской усыпальнице присутствуют портреты святых из рода Неманичей. Это доказывает, что московские идеологи середины XVI в. в своем творчестве ориентировались на сербскую модель. Впрочем, иначе и быть не могло. Русский царь был связан с сербским правящим домом отдаленным свойством.⁸⁷ В 50-е гг. контакты правительства Ивана Грозного с сербским Хиландарским монастырем на Афоне были особенно активны (эта тема более подробно рассмотрена в гл. 3). Г. В. Попов отметил характерную особенность: именно серединой XVI в. датируется ряд русских копий с древних икон сербского письма.⁸⁸ Таким

⁸⁵Е. С. Сизов отметил, что с династией Неманичей родственными узами были связаны Глинские и, соответственно, мать Ивана Грозного (Сизов Е. С. Русские исторические деятели в росписи Архангельского собора и памятники письменности XVI в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 271).

⁸⁶Самойлова Т. Е. Княжеские портреты... С. 130.

⁸⁷Тихомиров М. Н. Иван Грозный и Сербия // Тихомиров М. Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969. С. 83—93.

⁸⁸Попов Г. В. Три памятника южнославянской живописи XIV века и их русские копии середины XVI века // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура: Сб. статей в честь В. Н. Лазарева. М., 1973. С. 352—364.

образом, сербское влияние имело большое значение для русской культуры середины XVI в.

В связи с помещением княжеских портретов в систему росписей кремлевских соборов (кроме Архангельского, изображения русских князей в середине XVI в. появились на стенах придворного Благовещенского собора) уместно обратить внимание на композицию «Великий вход» в Успенском соборе Свяжского монастыря, которая датируется 1561 г. На ней изображены Иван Грозный и митрополит Макарий, присутствующие на богослужении и, соответственно, участвующие в процессии святых и ангелов. Известна икона конца XVI в. аналогичного сюжета, происходящая из Сольвычегодского собора. По обоснованному предположению В. Д. Сарабьянова, иконы для своего собора Строгановы заказывали в Москве, и по преимуществу они представляют собой копии соответствующих икон или росписей кремлевских соборов.⁸⁹ Следовательно, велика вероятность, что изображение Ивана Грозного как участника процессии «Великого входа» имело место в одном из кремлевских соборов. Если это так, то следует признать первоначальность помещения этой композиции именно в Кремле, а роспись в Свяжске рассматривать как вторичную реплику. Участие в богослужении — прерогатива византийских императоров, которой были лишены русские князья.⁹⁰ Изображение самого Ивана Грозного и его предков в храмовых росписях утверждает иной взгляд на статус русского царя. Кроме того, как известно, чин Великого входа генетически связан с идеей Входа Господня в Иерусалим. Это позволяет связать циклы княжеских портретов, а также изображение самого Ивана Грозного в храмовом монументальном искусстве 50-х гг. XVI в., с ритуальной процессией Вербного воскресения, в которой царь принимал самое непосредственное участие, и, соответственно, с сооружением собора Покрова на Рву — конечного пункта этой процессии. Обратим внимание и на святых, которые изображены наряду с древнерусскими князьями на столпах Архангельского собора. Это

⁸⁹ *Сарабьянов В. Д.* Символико-аллегорические иконы Благовещенского собора и их влияние на искусство XVI века // Благовещенский собор Московского Кремля: Материалы и исследования. М., 1999. С. 164—217.

⁹⁰ *Самойлова Т. Е.* Княжеские портреты... С. 84.

в большинстве своем святые воины: Георгий Победоносец, Димитрий Солунский, Феодор Тирон, Феодор и Андрей Стратилаты, Артемий, Меркурий, Орест, Мардарий, Евстратий, Евгений, Авксентий (последние пять святых поминаются в один день — 26 (13) декабря) и др. Словом, перед нами святое воинство — возможно, те самые святые воины, которые следуют за императором Константином на иконе «Благословенно воинство».⁹¹ Характерно, что Константина среди изображенных на столпах нет, хотя присутствует Елена (случай, не типичный для древнерусской иконографии). Константин представлен в композиции «Видение Константину креста» на третьем ярусе северной стены. Этот сюжет, но в иной иконографии, как указано выше, был одним из источников иконы «Благословенно воинство». И все же странно, что император Константин не обнаруживается среди изображенных на столпах. Можно высказать осторожное предположение, что его отсутствие — черта, появившаяся уже в XVII в. Пара крестителей Руси — Владимир и Ольга — расположены во втором ярусе один против другого. Такого же расположения логично ожидать и относительно пары крестителей Византии — Константина и Елены, которые трактовались в качестве прообраза Владимира и Ольги. Напротив Елены, которая изображена в четвертом ряду западной грани юго-восточного столпа, во втором ряду на южной грани юго-восточного столпа сейчас помещен портрет св. Трифона, и это его второе изображение,

⁹¹ На молдавской фреске святых, окружающих императора Константина, А. Н. Грабар определил как Георгия Победоносца, Димитрия Солунского, «двух Феодоров» (видимо, Феодора Стратилата и Феодора Тирона), Прокопия, Меркурия, Нестора, Артемия и Евстратия (*Grabar A. Les croisades... P. 19*). Знаменательно, что из перечисленного ряда в росписях Архангельского собора представлены почти все святые, за исключением одного (Прокопия). В русских памятниках эта кавалькада святых воинов встречается на рельефах владимирского Дмитриевского собора (конец XII в.) (их атрибуцию см.: *Гладкая М. С. Рельефы Дмитриевского собора во Владимире. Опыт комплексного исследования. М., 2009. С. 144—161*). Возможно, неслучаен факт основания в Дмитриевском соборе в 50-е гг. XVI в. двух приделов в честь покорения Казани (на это обстоятельство мое внимание обратила М. С. Гладкая). Известно, что, отправляясь в казанский поход, Иван Грозный останавливался во Владимире. Он не мог не посетить придворный храм своего знаменитого предка Всеволода III, известного победами над Волжской Булгарией — предшественницей Казанского ханства.

так как есть еще одно — в четвертом ряду восточной грани юго-западного столпа. Были ли подобные «дублиеты» (о дважды изображенном Александре Невском сказано выше) присущи первоначальной росписи? Есть основания в этом усомниться. Возможно, портрет Константина, обветшавший к середине XVII в., не был распознан иконописцами и заменен на портрет Трифона. Подобное предположение, без сомнения, нуждается в серьезной аргументации. Так или иначе, полагаем, что портрет Константина в первоначальном варианте росписей присутствовал.

В росписях Архангельского собора, таким образом, выявляется целый ряд параллелей с иконой «Благословенно воинство». Едва ли следует истолковывать их как сознательное включение в систему росписей сюжета этой иконы. Прослеженные связи показывают идейное единство памятников царской идеологии середины XVI в. Родство рассмотренных памятников и культурной традиции других стран православного мира позволяет утверждать, что идеологи грозненского времени в своем творчестве ориентировались на культуру греческую, молдо-влахийскую, сербскую. Можно думать, что такая направленность не была изначальной или, по крайней мере, единственной. Как известно, в росписях и иконном письме конца 40-х гг. XVI в., производившихся под общим руководством благовещенского священника Сильвестра, как можно судить по сохранившейся четырехчастной иконе, присутствовали черты западного влияния.⁹² Это повлекло яростные обвинения со стороны дьяка Ивана Висковатого и созыв собора, на котором Сильвестру удалось оправдаться не без труда. Обращение к культуре стран православного мира было безопаснее, канонически безупречнее и к тому же преследовало еще одну цель. В своем обращении к Ивану Грозному в 1550 г. сербские монахи называли его «единым правым государем, белым царем восточным и северным странам и всем православным христианам».⁹³ Весьма вероятно, таким обра-

⁹²См., напр.: *Луцко В. Г.* «Четырехчастная» икона Благовещенского собора и «латинские мудрования» в русской живописи XVI века // Благовещенский собор Московского Кремля. Материалы и исследования. М., 1999. С. 218—235.

⁹³Грамота проигумена Хиландарского монастыря Геннадия Ивану Грозному 1549/50 г. (Россия и греческий мир в XVI веке. Т. 1. С. 182). Ср. фор-

зом, существование в это время у Ивана Грозного стремления представить себя светским главой всей православной ойкумены. В Сказании о Петре воеводе волоском, под которым имеется в виду молдавский воевода середины XVI в. Петр Рареш, автор этого полемически заостренного трактата Иван Пересветов вкладывает в уста своего героя следующие знаменательные слова: «Дай, Господи, умноженье веры крестьянской, якоже преже сево была во умножение вера греческая, и мы ею хвалились, а ныне за руское царство Бога молим и хвалимся...».⁹⁴ Воспринимая греческие, сербские и молдавские культурные традиции, московские идеологи создавали новую модель государственной идеологии, по своей сути универсальную и пригодную для всего православного мира. В этой конструкции не последнее место занимала Степенная книга.

Еще одно мероприятие середины XVI в., к которому, как представляется, имела отношение Степенная книга, — это кампания правительства Ивана Грозного по утверждению восточными патриархами царского титула. Как известно, между венчанием на царство и утвержденной грамотой прошло более десяти лет (1547—1561 гг.), которые были заполнены деятельным общением с восточнохристианскими кафедрами и монастырями. В обмен на щедрые пожертвования вселенские патриархи и афонские монастыри должны были возносить поминальные молитвы за предков русского царя, для чего был составлен Царский синодик, который включил в себя имена предков Ивана Грозного — представителей рода Рюриковичей и их жен начиная с Владимира Святого и заканчивая Василием III и Еленой Глинской. Перед нами наиболее подробный свод имен Рюриковичей из всех существовавших к этому времени, он насчитывает около 200 персоналий. Без сомнения, составлению столь подробного перечня должна была предшествовать серьезная работа.

мулировки в грамотах Ивану Грозному александрийского патриарха Иоакима 1559/60 г.: «...богохранимому господину, господину Иоанну, державному и самодержавному православным повсюду...» (Там же. С. 259), Грамоте константинопольского патриарха Иоасафа II 1560 г.: «...вся вселенная православным крестьяном царь» (Там же. С. 273).

⁹⁴Сказание о Петре волоском воеводе, како писал похвалу благоверному и великому князю Ивану Васильевичю всеа Руси // Сочинения И. Пересветова / Подгот. текст А. А. Зимин; под ред. Д. С. Лихачева. М.; Л., 1956. С. 341—342.

В рукописных сборниках XVII—XVIII вв. дошли до нас описания древних гробниц московского Архангельского собора, Новгорода, Владимира, Твери, Пскова, Нижнего Новгорода и Рязани. В них подробно и обстоятельно описывается расположение гробниц княжеского и епископского некрополя этих городов. В. Л. Янин, впервые обратившийся к описям древних гробниц как источнику по истории древнерусского некрополя, предположил, что начало традиции описей следует относить к первой половине XVII в. и связывать с инициативой патриарха Филарета. На такое предположение исследователя натолкнула датировка обеих привлеченных им описей новгородских гробниц этим временем. К тому же вторая из них была составлена лицом, близким к Филарету, — бывшим протопопом московского Успенского собора Максимом по поручению царицы Евдокии Лукьяновны.⁹⁵

Обратившись к материалу владимирских описей, можно отодвинуть начало традиции составления описей по крайней мере к середине XVI в. Пожалуй, наиболее многочисленными являются владимирские описи, из чего можно заключить, что княжеский и епископский некрополь Владимира описывался наиболее часто. Это неудивительно, потому что по своим размерам он превосходит все другие некрополи, кроме московского. Княжеские захоронения во Владимире располагаются в четырех храмах. Гробницы князей и епископов находятся в кафедральном Успенском соборе, гробницы княгинь — в женском Княгинином монастыре. В мужском Рождественском монастыре кроме погребения Александра Невского числились и другие гробницы. Два захоронения, якобы принадлежащие матери и брату Александра Невского, находятся в Георгиевской церкви (в XVI—XVIII вв. — монастырской). Архимандрит Леонид (Кавелин) опубликовал опись владимирских гробниц по рукописи Троице-Сергиева монастыря середины XVII в., принадлежавшей (до 1663 г.) известному троицкому книжнику Симону Азарьину⁹⁶ (ныне — РГБ,

⁹⁵ Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. Церковная традиция и историческая критика. М., 1988. С. 217.

⁹⁶ Из сборника Троице-Сергиевой Лавры XVII века за № 810 // Владимирские епархиальные ведомости. 1885. № 4. Часть неофициальная. С. 106—110.

ф. 304 (собр. Троице-Сергиева монастыря) 810). А. А. Шилов в архивохранилищах Петербурга обнаружил несколько владимирских описей, которые в рукописях содержатся в комплексе с краткими выписками из Воскресенской летописи о владимирской истории XII—XIII вв. и перечнем панихид владимирским князьям и епископам. Шилов издал весь этот комплекс, назвав его Летописцем владимирского Успенского собора.⁹⁷ Исследователь обратил внимание, что изданные им описи гробниц отражают разные этапы в формировании владимирского княжеского некрополя. Так, одна опись числит гробницу князя Георгия Всеволодовича в Георгиевском приделе Успенского собора, а другая уже описывает мощи князя в позолоченной раке в центре храма. Перенесение мощей Георгия Всеволодовича состоялось 22 января 1645 г., следовательно, одна опись отражает состояние некрополя до этой даты, а другая — после. Нам удалось обнаружить еще несколько описей владимирских гробниц, в том числе две описи, составленные явно ранее обнаруженных архимандритом Леонидом и А. А. Шиловым. Опись РНБ, ОЛДП О.5, находящаяся в сборнике 40-х гг. XVII в., во владимирском Рождественском монастыре кроме гробницы Александра Невского, фиксируемой всеми описями без исключения, описывает «в стене 3 гробницы, а памятухов им нет и писма, хто в них опочивает» (л. 194 об.). Известно, что в 1930 г., когда уничтожали монастырский Рождественский собор, при разборке фундаментов на глубине трех метров были обнаружены четыре каменных саркофага с останками.⁹⁸ Вероятно, три из них и описаны в описи ОЛДП О.5. Поскольку гробницы были анонимными, а по письменным источникам их атрибутировать затруднительно, можно думать, что они были закопаны в землю и вновь обнаружены лишь при разрушении собора в советское время. Опись ОЛДП О.5 не упоминает о гробнице жены Александра Невского Александры в Успенском соборе Книги-

⁹⁷ Шилов А. А. Описание рукописей, содержащих летописные тексты. Вып. 1 // ЛЗАК. СПб., 1910. Вып. 22. С. 25, 35—68.

⁹⁸ Город Владимир конца XIX—первой половины XX в. в фотографиях из собрания музея. Церковные интерьеры: Каталог / Сост. Т. П. Тимофеева, Т. Е. Маркова (Владими́ро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник). Владимир, 2009. С. 36.

нина монастыря. Троицкая опись, опубликованная архимандритом Леонидом, сообщает об этой гробнице следующее: «в другом каменном же гробе подле ее лежат мощи неведомо чьи» (л. 5). К тому же Троицкая опись не называет среди погребенных в Княгининском монастыре имени Анны, второй жены Всеволода III. Большинство описей числит ее в одном гробу с останками первой жены князя Всеволода Юрьевича — княгини Марии Шварновны. В Троицкой описи читаем: «да с нею же, великою княгинею Марьею, лежат другие мощи невелики, великой княгини Марии по плече» (л. 5 об.), однако по имени княгиня не названа. В описи РГБ, ф. 98 (собр. Е. Е. Егорова) 702, которая содержится в рукописи первой трети XVII в., встречаем другое чтение: «А с великою княгинею Мариєю Шварловною лежали в одном гробе другия мощи невелики, великой княгине Марье Шварловне по плеча, а неведомо чьи» (л. 225 об.). Следовательно, эти останки какое-то время были неатрибутированными. Итак, на разных этапах существования древнерусского княжеского некрополя г. Владимира отдельные неатрибутированные гробницы либо получили атрибуцию (две гробницы Княгинина монастыря), либо были убраны со всеобщего обозрения (три гробницы Рождественского монастыря). Когда же созданы наиболее ранние из владимирских описей? Обратим внимание на перечень панихид владимирским князьям и епископам, который встречается в рукописях в комплексе с описями гробниц. Этот текст начинается следующими словами: «По государеву указу цареву и великаго князя Иоанна Васильевича всея Руси указу...».⁹⁹ В перечне панихид указана княгиня Анна и не указана княгиня Александра. Следовательно, он был составлен между двумя этими атрибуциями. Ссылка на указ царя Ивана Васильевича позволяет датировать перечень панихид временем 1547—1584 гг. В пользу датировки ранних владимирских гробниц XVI в. свидетельствует еще одна деталь. При описании гробниц Княгинина монастыря указывается, что гробницы княгинь были в ветхом состоянии, и мощи княгинь пришлось перекладывать в новые гробы: «в приделе Рожества

⁹⁹Доброхотов В. Памятники древности во Владимире Клязменском. Соборы кафедральный Успенский и бывший придворным великого князя Всеволода Дмитриевский. М., 1849. С. 60.

Христова вшедши на правой стране вделан гроб в стене каменной, а в нем лежит великая княгини Евдокия в теле, а в котором гробу лежала, тот гроб разсыпался, и ис того гроба подняли ея 4 старьцы и положили в новом гробе в деревяном совсем целу, а покров на ней во гробу камка рудожелта, а круживо на ней шито золотом, а ожерелье у нея у сорочки тристяжное жемчужное с камением да з дробницами, а дробницы сребряны золочены» (Егор. 702, л. 224 об.), «августа в 23 день обрели в другом пределе у Благовещения Пресвятыя Богородицы на правой стране вделан в стене гроб каменен, а в нем лежит великая княгини Мария Ш[в]ар[н]овна. А выняли ея из гроба три старьцы и положили ея в новом гробе деревяном совсем целу, а лежит в схиме. А тот старой гроб разсыпался» (Егор. 702, л. 225—225 об.). Княгинин монастырь, основанный в 1199 г.,¹⁰⁰ в XVI в. назывался новым, из чего можно заключить, что он долгое время был в запустении, и в XVI в. его восстановили. Ныне существующий собор датируется началом XVI в., к этому времени и следует относить возобновление монастыря. По-видимому, ветхие каменные гробницы были заменены новыми деревянными также в XVI в.

В нашем распоряжении есть и более надежный признак для датировки ранних владимирских описей. В Степенной книге помещен текст описи гробниц Княгинина монастыря. Опись гробниц была включена уже в состав черновика Степенной книги, но в нем ее текст по ошибке поместили не в нужном месте, затем вычеркнули и переписали вторично на нижнем поле. В таком виде, припиской на нижнем поле, опись гробниц была включена в оба беловых списка Степенной книги — Томский и Чудовский, создание которых было завершено между 15 февраля и 31 декабря 1563 г. Таким образом, опись в составе Степенной книги твердо датируется временем не позднее 1563 г. В этой описи встречаем упоминание и княгини Анны, и княгини Александры: «в приделе Христова Рожества от юга на правой стране положены быша великая княгини Александра да великаа княжна Евдокиа.

¹⁰⁰Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, с библиографическим указателем / Сост. В. В. Зверинский. СПб., 1892. Ч. 2. Монастыри по штатам 1764, 1786 и 1795 годов. № 1317. С. 388.

А на левой стране великаа княгини Василиса. А в приделе Благовещения от севера на правой стране великаа княгини инока Марфа Щварновна да великаа княгини Анна».¹⁰¹ Следовательно, к 60-м гг. XVI в. оба указанные отождествления были уже сделаны. Таким образом, начало традиции описей древних гробниц нужно относить к более раннему времени.

Сравнивая между собой тексты разных описей, находим некоторую близость формуляра начала текста владимирской описи, положенной в основу Летописца Успенского собора, и новгородской описи 1626—1634 гг. Новгородская опись начинается следующими словами: «В Велицем Новеграде, в каменном граде, соборная церковь каменная София Премудрость Божия о 6-ти версех, болшая глава золочена; а празднуют Успения Пресвятей Богородицы; величество же ея, кроме папертей, от входных западных дверей до царских врат — 9 сажень, а от южных до северных дверей — 12 сажень».¹⁰² Начало владимирской описи такое: «В лета седмыя тысящи 666-го году во граде Владимире созда церковь каменну во имя Пречистыя Богородицы честнаго и славнаго Ея Успения об едином версе благоверный великий князь Андрей Георгиевичь Боголюбский; последи же приделано четьре главы, и бысть о пяти главах. По приделем та церковь от западных дверей до горняго места — семнадесять сажень с полусаженью, а поперег церкви — четьренадесять сажень без локти, сажень госудаева».¹⁰³ Как видим, обе описи начинаются с наименования главного храма некрополя: во владимирской описи — это Успенский собор, в новгородской описи — Софийский. Далее следует описание количества глав на соборе. При составлении владимирской описи в этом месте пришлось сделать небольшой экскурс в историю, так как изначально Успенский собор имел одну главу, а впоследствии было пристроено еще четьре. Завершается вступительная часть указанием размера соборного храма: с запада на восток и с юга на север. В рукописном сборнике XVII в. из собрания СПбДА (РНБ, СПбДА 289) на л. 121—122 помещены выписки из описи владимирских гробниц. Эти выписки сделаны, по всей видимости, уже после

¹⁰¹СКДС. Т. 1. С. 458—459.

¹⁰²Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора... С. 218.

¹⁰³См.: РГБ, ф. 304 (собр. Троице-Сергиевой лавры) 810, л. 1—1 об.

создания рукописи и являются скорее приписками на полях, поэтому точно установить время их появления не представляется возможным. Датировать их можно только по данным почерка, скорописи XVII в., второй половиной этого столетия. По тексту выписки близки к начальной части описи новгородских гробниц: «Ведение о святей соборней апостольстей Божия церкви Пречистыя славныя владычице нашае Богородицы и приснодевы Марии владимирския, еже есть создана в славном и великом граде Владимире каменная, внутри града, величеством в долготу от предних дверей 17 сажен с полусаженью, а поперег — 14 сажен без локти, а столпов в ней каменных, на чем своды, а во церкви приделов. В той же соборней апостольстей церкви 18 гробниц, а во гробницах опочивают благоверные и великие князи, княгини с чады своими и митрополиты. В Володимере же в монастыре у Рожества пресвятыя Богородицы в большей церкви опочивает благоверный и великий князь Александр Ерославичь, во иноцех — Алексей». Здесь с текстом новгородской описи совпадает указание на то, что соборная церковь каменная и что она построена внутри городских укреплений. Отмеченную явную близость в формуляре владимирских и новгородской описей нельзя объяснить влиянием одного текста на другой, что представляется маловероятным. Скорее всего, перед нами указание на общий формуляр описи древних гробниц.

Известна грамота Ивана Грозного клиру новгородского Софийского собора от 1556 г., где в числе прочего идет речь о панихидах по князьям, похороненным в Софийском соборе, — строителе Софийского собора Владимире Ярославиче, его матери Анне и Мстиславе Ростиславиче Храбром.¹⁰⁴ Можно думать, что подобный документ был направлен и в Успенский собор г. Владимира — на него встречаем ссылку в перечне панихид.¹⁰⁵ В 1556—1557 гг. была составлена последняя редак-

¹⁰⁴Подлинник грамоты не сохранился, ее текст частично приведен архимандритом Макарием (Миролюбовым) по копии начала XIX в. (*Макарий (Миролюбов), архим.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. 1. С. 81—82).

¹⁰⁵Единственная грамота Ивана Грозного владимирскому Успенскому собору (РНБ, ф. 532 (Основное собрание актов и грамот), оп. 1, ед. хр. 134, 1550 г.) ни словом не упоминает о панихидах, но содержит позднейшую приписку, из которой следует, что поминовение Андрея Боголюбского дол-

ция Царского синодика, дошедшая до нас.¹⁰⁶ Синодик содержит несколько перечней княжеских имен. В первом перечне благоверными великими князьями названы только прямые предки Ивана Грозного. В связи с этим обратим внимание на владимирскую выписку из панихидных книг, где панихиды с ужинами предписывается служить только Всеволоду III и Ярославу Всеволодовичу¹⁰⁷ — только они из всех погребенных во Владимире князей были прямыми предками Ивана Грозного.¹⁰⁸ Третий перечень имен в Царском синодике озаглавлен «Благоверные великие княгини». Он начинается с княгини Ольги, далее следуют жена Владимира Киевского царица «грекиня» Анна, благоверная великая княгиня Феодосия и благоверная великая княгиня «инока» Василиса. Первую С. М. Каштанов правильно определил как жену Ярослава Всеволодовича, а вторую почему-то назвал предположительно женой Андрея Александровича, сына Александра Невского.¹⁰⁹ Этому противоречит наименование ее благоверной великой княгиней — так называли, как упоминалось выше, только прямых предков Грозного. Владимирские описи инокиней Василисой называют жену Александра Невского. Полагаем, что так она названа и в Царском синодике. Это в свою очередь позволяет предположить, что традиция описей была связана с составлением Царского синодика. Вернее, оба мероприятия можно рассматривать как звенья одной цепи, кампании по подтверждению царского титула Ивана Грозного, которая была развернута в 50-е гг. XVI в.

Итак, интерес к погребениям древнерусских князей Рюриковичей в 50-е гг. напрямую связан с составлением Царского

жен оплачивать Боголюбровский монастырь. Убедительно объяснить происхождение этой приписки пока не представляется возможным (см.: *Сиренов А. В.* О грамоте Ивана Грозного Успенскому собору г. Владимира // *Историография и источниковедение отечественной истории: Сб. науч. статей и сообщений.* Вып. 2. СПб., 2002. С. 27—34), однако можно предположить, что она сделана по аналогии с другим хранившимся в Успенском соборе документом, где шла речь именно о поминании владимирских князей.

¹⁰⁶ Каштанов С. М. Царский синодик. С. 394.

¹⁰⁷ Доброхотов В. Памятники древности во Владимире Клязменском... С. 60.

¹⁰⁸ Здесь мы не учитываем Александра Невского, который к тому времени был канонизирован, и панихиды ему не служились.

¹⁰⁹ Каштанов С. М. Царский синодик. С. 404—405.

синодика, который имел целью доказать восточным патриархам царское происхождение Ивана Грозного. Грамота константинопольского патриарха Иоасафа 1561 г., подтвердившая царский титул русского самодержца, начинается следующими словами: «Наше смирение узнало и уверилось не только от предания многих достойных доверия мужей, но также и из письменных показаний летописцев, что нынешний царь Московский, Новгородский, Астраханский, Казанский, Ногайский и всей земли великой России господин Иоанн происходит от рода и крови поистинне царской, а именно от приснопамятной царицы и владычицы госпожи Анны, сестры самодержца господина Василия. Сей же Василий и благочестивейший василевс Константин, вместе с тогдашним патриархом и священным собором архиереев, послали преосвященного митрополита эфесского и антиохийского епарха, и они венчали на царство благочестивейшего великого князя Владимира и даровали ему царский венец на главу, диадиму с жемчугом и иные царские знаки и облачение».¹¹⁰ Замечательно, что в грамоте упоминаются «письменные показания летописцев» («εγγράφων αλοδείξεων των χρονογράφων»), да и из дальнейшего ее текста очевидно, что помимо синодика в распоряжении патриарха были иные тексты, повествующие о генеалогии предков Ивана Грозного. Свод таких произведений был недавно обнаружен в римской библиотеке «Валличельяна» (Vallig. R 100). Это рукописный сборник середины XVI в., содержащий, как следует из заглавий, перевод на греческий язык нескольких посланий Василия III своему сыну Ивану Грозному. В результате исследования рукописи выяснилось, что указания на автора и адресата не соответствуют действительности. На самом деле в рукопись включены послания разных лиц различным же адресатам, среди которых нет ни Василия III, ни его сына. Да и странно было бы предполагать, что Василий III писал послания своему младенцу-сыну — ведь ко времени смерти отца Ивану Грозному было чуть более трех лет. Судя по владельческой записи, сборник принадлежал Федору Мамалаху.¹¹¹ Это Федор-Обрюта Михайлович Мамалахов-Греков,

¹¹⁰ Россия и греческий мир в XVI веке. Т. 1. С. 386.

¹¹¹ Де Микелес Ч. Неизвестные источники на греческом языке об Иване IV // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика: IX международный семинар исторических исследований «От Рима к Третьему Риму», Москва, 29—31 мая 1989 г. М., 1995. С. 231—235.

посланный в 1551 г. Иваном Грозным к константинопольскому патриарху для обучения греческому языку.¹¹² О присылке «своего паробка» (т. е. подростка или юноши) Обрюты Грекова Иван Грозный писал в грамоте константинопольскому патриарху Дионисию в январе 1551 г. При этом царь оговорил возможность того, что патриарх не захочет или не сможет оставить Обрюту при себе. В таком случае Обрюту следовало отправить в русский Пантелеймонов монастырь на Афоне. Следующее упоминание Обрюты в переписке Ивана Грозного с константинопольским патриархом, уже с преемником Дионисия Иоасафом II, датируется январем 1557 г.¹¹³ С этой грамотой патриарху отсылался Царский синодик и предписывалось поминать перечисленных в нем князей и княгинь, запрашивалась грамота с подтверждением царского титула. Третьим пунктом царь требовал прислать ему Обрюту.¹¹⁴ На это патриарх отвечал согласием и обещал выслать Обрюту с ближайшей оказией.¹¹⁵ В сентябре 1558 г. царь повторил свое требование прислать Обрюту Мамалахова в Москву, причем немедленно («часа того»), и к тому же написать царю «о всех своих

¹¹²С. М. Каштанов предположил, что Мамлахом Федора назвали в Константинополе, переведа таким образом на греческий язык его прозвище «Обрюта», т. е. увальень. Настоящая же фамилия Обрюты-Мамлаха была Ласкирев (в роде натурализованных греков Ласкиревых в середине XVI в. числится Федор Михайлович) или Греков, как его называют русские документы. Дальнейшая жизнь Обрюты, по предположению Каштанова, сложилась трагически, поскольку в 1561 г. он ходатайствовал перед митрополитом Макарием за впавшего в царскую немилость еврипского митрополита Иоасафа, что должно было повлечь за собой гнев и репрессии со стороны Ивана Грозного. Косвенное подтверждение гибели Обрюты исследователь видит в том, что его имя в более поздних документах не упоминается (*Каштанов С. М. Русский ученик в Константинополе в середине XVI века // Вестник истории, литературы и искусства. М., 2006. Т. 3. С. 203—211*). Предложенной Каштановым реконструкции, как представляется, противоречит то обстоятельство, что Обрюту называет Мамалаховым сам Грозный в письме к константинопольскому патриарху. Представители рода Мамалаховых известны в XVII в., в том числе в среде государева двора. Это свидетельствует либо о принадлежности Обрюты к роду Мамалаховых, либо о его благополучной жизни, позволившей оставить после себя жизнеспособное потомство. Вполне возможно, что верны оба предположения. Молчание же источников о службе Обрюты после возвращения в Россию и о его ближайших родственниках Мамалаховых не доказывает, что всего этого не было.

¹¹³Россия и греческий мир в XVI веке. Т. 1. С. 191—192.

¹¹⁴Там же. С. 211—214.

¹¹⁵Там же. С. 232—233.

делех», а письмо передать с Обрютой.¹¹⁶ Пробыв в Константинополе десять лет, тот вернулся в Россию в должности переводчика («толмача») вместе с египетским митрополитом Иоасафом, который привез Ивану Грозному грамоту константинопольского патриарха и освященного собора, подтверждавшую царский титул.¹¹⁷ Таким образом, Федор Мамалахов имел непосредственное отношение к политике Ивана Грозного по подтверждению царского титула. Оставляя в стороне вопрос о возможном участии Мамалахова в составлении сборника посланий Псевдо-Василия III и переводе их на греческий язык, отметим, что в рассматриваемой рукописи Мамалахова нет текстов, которые можно назвать «летописцами». По-видимому, константинопольского патриарха в 50-е гг. XVI в. ознакомили также с летописными произведениями или их отрывками в переводе на греческий язык. Вполне возможно, что для таких целей и проживал в Константинополе в течение десяти лет посланный из Москвы для обучения «паробок». Обратим внимание, что по прочтении «летописцев» у патриарха сложилось впечатление, что первым русским царем был Владимир. Именно с Владимира начинается «лествица» российской истории в Степенной книге, в то время как другие памятники летописания XVI в. при описании древнерусской истории начинают свое изложение со времен Рюрика. Здесь мы подошли к принципиально важному для нашей темы вопросу: с какой целью создавалась Степенная книга? Было бы очень соблазнительно предположить, что под «письменными показаниями летописцев» патриаршей грамоты 1561 г. имеется в виду первоначальный вариант Степенной книги или подготовительные материалы к ней. Однако, как будет показано в следующей главе, процесс создания Степенной книги был многоэтапным, и выделить в нем какой-либо один доминирующий мотив не представляется возможным. Впрочем, нельзя исключать и такой возможности, что Степенную книгу составляли в том числе для представления восточным иерархам с целью подтвердить царское происхождение Ивана Грозного.

Итак, процесс формирования идеологии царства в середине XVI в. протекал в нескольких направлениях. Без сомнения, нами рассмотрены далеко не все его проявления. Однако

¹¹⁶Россия и греческий мир в XVI веке. С. 247.

¹¹⁷Там же. С. 279.

представляется важным, во-первых, отметить, что самые разные по технике исполнения памятники середины XVI в., связанные общей идеологией, оказываются близки и в отношении принципов составления, а также привлекаемых источников. Во-вторых, одним из наиболее деятельно применявшихся способов составления памятников царской идеологии в России указанного времени является принцип заимствования из других православных культур — греческой, сербской, молдавской.¹¹⁸ Эта черта видится нам принципиально важной, характерной для формирования идеологии царства в России середины XVI в.

¹¹⁸ Не исключена возможность влияния и грузинской культуры, о котором может свидетельствовать появление в 40-е гг. XVI в. и популярность в последующее время Повести о царице Динаре, но этот вопрос нуждается в исследовании.

Глава 2

СОСТАВЛЕНИЕ СТЕПЕННОЙ КНИГИ

Текст Степенной книги открывает Житие княгини Ольги. У этого Жития так много сходства со Степенной книгой и в стиле, и в круге привлеченных источников, что возникает вопрос — не связано ли Житие Ольги со Степенной книгой общим происхождением?¹ В настоящее время известно шесть списков Жития Ольги, в которых текст имеет одно важное различие с тем вариантом Жития, который помещен в Степенной книге.² В завершающем Житие Похвальном слове Ольге

¹ О Житии княгини Ольги см.: *Серебрянский А. И.* Древнерусские княжеские жития (Обзор редакций и тексты). М., 1915. С. 2—43; *Гриценко З. А.* Литературные памятники о княгине Ольге XII—XVII вв. (история текста, становление жанров, стиль): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1979. С. 99 и др. *И. В. Курукин* считал, что автор Жития Ольги Сильвестр участвовал и в составлении Степенной книги (*Курукин И. В.* Сильвестр и составление Жития Ольги Степенной книги // Теория и практика источниковедения и археологии отечественной истории: Сб. ст. М., 1978. С. 51—60). Полагаем, что оснований для такой гипотезы недостаточно, о чем подробнее ниже.

² До недавнего времени был известен только один список первоначальной редакции жития: РНБ, собр. М. П. Погодина 744 (*Коншин Н.* Взгляд на рукопись «Житие св. Ольги» // Чтения ОИДР. 1874. Кн. 1. С. 109—110). *Б. М. Клосс* обнаружил список середины XVI в.: РГБ, ф. 98 (собр. *Е. Е. Егорова*) 124 (*Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980. С. 262), *И. В. Курукин* — два списка середины XVI в.: ГИМ, собр. *Е. В. Барсова* 758; РНБ, Софийское собр. 1424, и один список конца XVI в.: РГБ, ф. 173.1. (собр. МДА) № 198 (*Курукин И. В.* Сильвестр. Политическая и культурная деятельность (источники и историография): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1981. С. 116). Можно указать еще один список третьей четверти XVI в.: РНБ, собр. М. П. Погодина 652 (*Сиренов А. В.* Степенная книга: История текста. М., 2007. С. 110—111).

читается обличение охотничьих забав, исключенное в варианте Степенной книги, что и неудивительно. Оно было бы неуместно даже в основном тексте Жития, посвященного равноапостольной святой, а в Похвальном слове представляет собой явное отклонение от темы. Так, об Ольге сказано, что она «преже просвещения безбожных дел поганьских ненавидяще и укланяшеся их; по просвещении же благими делы сугубо подвизашеся и к Богу приближашеся», после чего следует резкий переход к обличительной речи: «и не во глумлении, ни во играх, ни во утешных ловитвах, от них же ни едино благих приобретение не бывает, но токмо грехом приобщение и тщета имению и многим неповинным кровем пролиание, наченше кровию животных и окончивающе многообразным человекогубительством в различных играниих и в ловитвах животным, идеже неволею собираемо бе людское множество не Бога ради».³ Далее автор перечисляет напасти, которые постигают любителей охоты: холод, голод, раны и увечья от диких зверей, гибель в воде и в лесу и др. Чуть ниже встречается та же мысль, несколько иначе выраженная: «вместо веселиа и малосладостных утех восприимаху с плачем горким многоразличное уязвление и нелепотную смертью незапно животу пременение». Далее приведены примеры из истории византийских василевсов, показывающие губительность охоты и прочих неблагочестивых забав. Так, византийский император Михаил в пьяном виде был убит своим воспитанником Василием (будущим императором Василием Македонянином), который нашел смерть от полученной на охоте раны, нанесенной оленьим рогом. Его сын Александр, будучи пьян, взял щенка от суки, каким-то образом поранился («невидимо уязвен бысть») и через два дня умер от потери крови. Тут автор не упускает случая для довольно-таки глумливого резонерства: «Не Бога ради, ни любви ради Божиа, ни человеческиа ради любви, но любя псы, отъ них же и умре». Следующий сюжет — гибель на охоте двух сыновей персидского правителя, которые стреляли из луков в вырвавшуюся из сети лань, а попали друг другу в сердце, отчего тут же оба и скончались. Заканчивает этот ряд византийский император Роман, кото-

³ Здесь и далее текст Жития Ольги цитируется по списку: РНБ, Соф. 1424, л. 149—205 об.

рый «всю свою крепость художным евнухом предав, сам бевоськи печашеся и внимаше на песиа течения, и в сих упражняя, живот премени». Автор заканчивает свой обличительный пассаж недоумением, ради чего люди поддаются подобным страстям, которые приводят их к разнообразным несчастиям: «токмо грех и бедам предложение, и незапная смерть, и своим ужикам рыдание и плачь, и сугубая печаль». Дальнейший текст соответствует своей теме — прославлению княгини Ольги. Однако наличие столь неожиданного отклонения представляется знаменательным фактом. Оно ярко характеризует автора Жития. В одном из списков конца XVI в. (РНБ, собр. М. П. Погодина 744), читается запись на нижнем поле первого листа: «Списано любомудрецем Селивестром, прозвитером царствующаго града Москвы». ⁴ Другие списки этого указания не содержат. Еще приобретший у букинистов рукопись М. П. Погодин резонно предположил, что речь идет о знаменитом воспитателе Ивана Грозного, благовещенском священнике Сильвестре, выходеце из Новгорода, руководившем в конце 40-х гг. XVI в. работами по росписи кремлевских соборов. ⁵ Впоследствии в послании Курбскому Грозный вспоминал, что Сильвестр с единомышленниками пугали его «детскими страшила». ⁶ Есть основания полагать, что в Похвальном слове Ольге мы встречаем одну из таких «страшил». ⁷ Автор Жития предостерегает своего читателя от гибели, которая может быть следствием раны, полученной на охоте. Это предостережение напрямую адресовано Ивану Грозному, поскольку тот был прекрасно осведомлен о причине смерти своего отца Василия III, который на охоте напоролся на сук, получил зара-

⁴ Рукопись подробно описана в заметке Н. Коншина: Взгляд на рукопись «Житие св. Ольги». С. 108—110.

⁵ Письмо М. П. Погодина И. П. Сахарову. 25 октября 1845 г. // РНБ, ф. 678 (И. П. Сахаров) 42, л. 150.

⁶ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Подгот. текста Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков. М., 1981. С. 94. См. об этом: Шмидт С. О. К изучению «Истории» князя Курбского (о поучении попа Сильвестра) // Шмидт С. О. Памятники письменности в культуре познания истории России. М., 2007. Т. 1. Допетровская Русь. Кн. 1. С. 370—372.

⁷ Это предположил еще А. И. Соболевский (*Соболевский А. И.* Поп Сильвестр и Домострой // Известия ОРЯС АН СССР. Т. 2. Кн. 1. Л., 1929. С. 196—197).

жение крови и умер.⁸ Юный царь наверняка увлекался охотой — традиционной забавой средневековой знати. Сильвестр же не просто запрещает ему охотиться, а приводит примеры из всеобщей истории, которые должны были ассоциироваться с гибелью его отца.⁹ Примечательно, что свой памфлет Сильвестр вставил в Похвальное слово княгине Ольге, нарушив тем самым канонический строй этого произведения. Видимо, он рассчитывал, что царь обязательно прочтет новосозданное Житие и не сможет уклониться от нравоучения. Такая уверенность могла быть вызвана, на наш взгляд, тем обстоятельством, что Грозный непосредственным образом был причастен к идее создания Жития.

Почитание княгини Ольги имело в середине XVI в. особый оттенок, поскольку Ольга воспринималась как одна из первых христианок на Руси и к тому же являлась непосредственным предком Ивана Грозного. Не случайно помещение ее портрета, единственной из древнерусских княгинь, на столпе Архангельского собора. Составленное Сильвестром Житие должно было подчеркнуть значение Ольги как первой христианской правительницы на Руси. Основным агиографическим источником редакции Сильвестра послужило пространное Житие Ольги, составленное, по заключению З. А. Гриценко, в псковских землях.¹⁰ Отсюда в текст проникли и псковские реалии, и особенное прославление «града Пскова». Однако для нас существеннее то новое, что внес Сильвестр в отредактированный им текст Жития. Он широко применял Воскресенскую и Никоновскую летописи, Память и похвалу Владимиру Иакова мниха, Слово о законе и благодати митрополита

⁸ На эту параллель мне указал С. Н. Кистерев, за что приношу ему благодарность.

⁹ И. В. Курукин указал на известие в «Приговоре царском о кормлении и службах», помещенном в летопись под 1556 г., что царь «потехи же царские, ловы и иные учреждения, еже подобает обычаям царским, все оставиша» (ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13. С. 267; Курукин И. В. Сильвестр. Политическая и культурная деятельность... С. 120).

¹⁰ Гриценко З. А. Литературные памятники о княгине Ольге XII—XVII вв. (История текста, становление жанров, стиль): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1979. С. 99, 112—118 и др. Первым об этом писал А. Х. Востоков (Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842. С. 601).

Илариона. Здесь важно отметить использование летописей. Сильвестр широко вводит в житие историографический элемент, превращая его в историческое повествование, что является новшеством для русской агиографии XVI в.

Введение исторического материала начинается с легенды о крещении Руси Андреем Первозванным, которая изложена согласно летописной версии. Правда, в нее оказалось вставлено одно частное уточнение. Когда Андрей Первозванный пришел в местность, где впоследствии возник Новгород, то «тамо жезл свой водрузи в веси, нарицаемей Грузино, идеже ныне есть церковь во имя святаго апостола Андрея Первозваннаго».¹¹ Перед нами, по всей видимости, отражение устного новгородского предания, появление которого в Житии Ольги следует объяснить влиянием Жития Михаила Клопского, так как данное предание впервые зафиксировано именно там.¹² От этого сообщения, частного и малодостоверного по своей сути, автор при помощи изощренной историософской метафоры переходит к фундаментальному вопросу о происхождении древнерусской государственности: «Прообразоваше же божественным крестом в Русьстей земли священное чиноначалие, жезлом же прообрази в Руси самодръжавное царское скипетроправление...».¹³ Таким образом, Киев выступает в качестве центра церковной иерархии, а Новгород — как колыбель царской власти. Эта мысль была чрезвычайно важна для идеологов царства в середине XVI в., когда Киев еще не входил в состав русского государства. Дальнейшее изложение построено на рассказе Воскресенской летописи о призвании Рюрика с братьями, их смерти и правлении Олега с малолетним Игорем. Далее в Житии помещен рассказ, не возводимый ни к какому письменному источнику — о встрече Игоря и Ольги. Перед нами, по всей видимости, устное предание об Ольге-перевозчице, которую увидел князь Игорь, переправляясь через реку. Резкая отповедь, которой Ольга ответила на недостой-

¹¹СКДС 4.

¹²См.: Усачев А. С. Источники Степенной книги по истории домонгольской Руси // Средневековая Русь. М., 2006. Вып. 6. С. 318; Околович Н. Ф. Жития святых, помещенные в Степенной книге / Вступ. статья, публ. и коммент. А. С. Усачева. М.; СПб., 2007. С. 104.

¹³СКДС 4.

ные намерения князя, имеет аналог в другом памятнике агиографии XVI в., также наполненном фольклорными мотивами — Сказании о Петре и Февронии Муромских.¹⁴ И все же можно предположить, что нравоучительные слова, вложенные в уста Ольги, адресованы также юному Ивану Грозному: «Дондеже юн еси — блюди себе, да не одолеет ти неразумие и да не постражеши зло некое. Останися и всякого безакония и неправды: аще сам уязвен будеши всякими студодеянии, то како можеши инем неправду возбранити и праведно судити державе твоей?».¹⁵ Такая проповедь государственнической морали совсем не проистекает из описываемого сюжета, когда героиня предпочитает смерть бесчестию, о чем и заявляет своему обидчику. Однако Сильвестр, видимо, не желал упускать любой возможности для нравоучений в адрес Грозного. Дальнейшее изложение построено исключительно на летописном материале. Рассказ о походах Игоря на Византию совместил известия Никоновской и Воскресенской летописей.¹⁶ Следующее известие Жития повествует об убийстве Игоря древлянами. Здесь текст ближе к известию Воскресенской летописи, поскольку в Никоновской об убийстве Игоря сообщено одной фразой.¹⁷ В Житии по сравнению с летописным рассказом смягчается характеристика Игоря, который, согласно летописи, вторично пришел за данью к древлянам. В Житии же указано, что Игорь, взяв увеличенную по сравнению с обычной дань (это соответствует летописному рассказу), отправил свою дружину в Киев, а сам остался «не со множеством людей».¹⁸ Воспользовавшись этим, древляне «злое умысливше». Житие не сообщает о размышлении древлян относительно непомерно возрастающих притязаний Игоря, не приводит сравнение его с волком, повадившимся в овечье стадо. Без этих объяснений

¹⁴На это обратил внимание В. В. Кусков (см.: *Кусков В. В. Степенная книга как литературный памятник XVI века: Дис. ... канд. филол. наук.* М., 1951. С. 88).

¹⁵СКДС 5—6.

¹⁶В Никоновской летописи это известие кратко, отсюда взяты только слова «дать ему дань выше первая Ольговы» (ПСРЛ. СПб., 1862. Т. 9. С. 29). Околович отметил, что эти же слова присутствуют и в Хронографе (*Околович Н. Ф. Жития святых, помещенные в Степенной книге.* С. 26).

¹⁷«Убиша Игоря древляне у Коростеня града» (ПСРЛ. Т. 9. С. 28)

¹⁸СКДС 7.

древляне предстают коварными изменниками, убившими своего князя, воспользовавшись его беззащитностью.¹⁹ Такой взгляд автору Жития был нужен для дальнейшего повествования о мести древлянам со стороны Ольги, которая оказывается хоть и жестокой, но справедливой мстительницей за вероломное убийство своего мужа. В повествование вставлены два плача Ольги по мужу (при получении известия о его смерти и над его могилой), составленные на основе анонимного Сказания о Борисе и Глебе и помещенного в Воскресенской летописи плача жены Дмитрия Донского Евдокии.²⁰ По сравнению со своими источниками во втором плаче Ольги по Игорю появляется тезис о правомерности жестоких действий по отношению к взбунтовавшимся древлянам: «И что ныне успеем, косяще господоубийцам врагом, ненавидящим над ними царския власти? И того ради да примут мечь и да престанет дерзость в Русьстей земли помышляющих злое на самодержавных. Да и прочии не навькнутъ убивати государствующим ими в Руси, но со страхом да повинуются величию царства Руския державы начальником». ²¹ Таким образом, действия Ольги трактуются не только как личная месть за убийство мужа, но и как необходимые действия правителя, направленные на сохранение государства. Эта же мысль повторена ниже, после слов о возвращении Ольги в Киев: «Убийцам же супруга своего мечь возда, яко же властодержатели обычай имеяху; печаше бо ся исправити и доброприбытно устроить скипетродержание Руския земли, отеческое наследие сынови своему». ²²

Далее в Житии Ольги рассказывается о принятии ею христианства: поездке в Константинополь, крещении, беседах с патриархом и императором, возвращении в Киев. Здесь основным источником явилась Никоновская летопись. Житие стилистически перерабатывает летописное повествование. Особенно существенному изменению подвергся рассказ летописи о сватовстве императора Цимисхия. Здесь и Ольге,

¹⁹Ср.: Околович Н. Ф. Жития святых, помещенные в Степенной книге. С. 26.

²⁰Там же. С. 27.

²¹СКДС 10.

²²СКДС 11.

и императору приписаны пространные речи, что, впрочем, обычно для произведений агиографического жанра. Характерна заключительная речь Цимисхия, источником которой стала одна фраза летописи: «Упремудри мя Ольга словесы своими». ²³ В Житии в пространной речи Цимисхий не просто признает свое поражение, но и подчеркивает, что Ольга действовала по указанию свыше: «Истинно глаголати, яко Святыи Дух вселися в душу ея и научи ю тако мудръствовати, не точию земное царство управляти, но и Небеснаго Царства желати вразуми ея». ²⁴ Так летописный текст приспособлялся автором к житийному повествованию. Подобные черты характерны и для дальнейшего изложения биографии княгини Ольги в Житии, на них нет нужды останавливаться подробно. Отметим, что автор Жития эпизодически привлекал и другие источники. ²⁵ Из них для нас имеет особенное значение один. Возвращение Ольги в Киев в летописи прокомментировано так: «Се же таково же бысть, якоже при Соломоне царе; прииде царица Ефиопскаа к Соломону, слышати хотяща премудрость Соломоню многую и знамениа видети; тако и си блаженнаа Ольга искаше добра, и мудрости Божиа, и славы нетлеюща, она бо человеческиа, а си Божиа». ²⁶ В Житии царица Эфиопская заменена на Сивиллу, «царицу Южскую». Эта в общем-то синонимическая замена, как представляется, имеет весьма необычный источник. На золоченых дверях Благовещенского собора, датируемых началом XVI в., представлена композиция, на которой изображен Иерусалим с фигурой Христа над городскими стенами, перед Иерусалимом стоит женская фигура в царских одеждах с надписью «Сивилла», а над ней помещен следующий текст: «Царица Южская прииде видети мудрость Соломонову, и се боле Соломона zde». ²⁷ Аналогичная композиция имеется и в росписях самого Благовещенского собора, исполнением которых, как известно,

²³ ПСРЛ. Т. 9. С. 30.

²⁴ СКДС 19; см.: *Околович Н. Ф.* Жития святых, помещенные в Степенной книге. С. 31.

²⁵ Так, Околович отметил заимствование из Палеи и Жития св. Феклы (Там же. С. 32).

²⁶ ПСРЛ. Т. 9. С. 30.

²⁷ *Чернецов А. В.* Золоченые двери XVI в.: Соборы Московского Кремля и Троицкий собор Ипатьевского монастыря в Костроме. М., 1992. С. 58, 173.

руководил Сильвестр.²⁸ По-видимому, помещенный в росписи сюжет с Сивиллой Южской был заимствован из композиции на золоченых дверях.²⁹ То обстоятельство, что в Житии Ольги именование царицы было изменено, причем предпочли вариант, известный по золоченым дверям Благовещенского собора и повлиявший на его росписи (а Сильвестр был священником этого храма и осуществлял руководство живописными работами), вполне согласуется с предположением о написании Жития именно Сильвестром.

К Житию примыкают Слово о перенесении мощей Ольги и Похвальное слово. В Слове о перенесении мощей повествуется о выборе веры князем Владимиром, о крещении Руси, о страдании Бориса и Глеба. После этого помещена похвала Ольге, написанная в стиле литургических текстов («Радуйся всеблаженная Олго, богоизбранныи сосуде целомудриа...»³⁰ и т. д.). Здесь же приведен знаменательный пассаж, объединяющий прославление Ольги, Владимира и Бориса с Глебом на том основании, что все эти святые почитаются в одном месяце — июле. Переход от одного праздника к другому автор уподобил лестнице, ведущей молящегося к Богу: «Едино празднество ко единому когождо празнеству близ привнесе Господь и дарова нам, яко лествицу от земля до небеси утвержену, ей же глава Христос, к Нему же восход имеем, яко златыми степенями преславными и честными памяти вашей деньми».³¹ Именно этот образ лестницы, ступенями которой являются правления русских «самодержцев», был положен в основу композиции Степенной книги. Но в Житии Ольги данный образ первичен. Здесь речь идет о календарном следовании дней памяти первых святых князей: «...преже память блаженная Олги в 11 день. Потом же того же месяца приснопамятнаго Владимира в 15 день. По сих же того же месяца правед-

²⁸ Вообще следует отметить влияние иконографии золоченых дверей на росписи Благовещенского собора.

²⁹ Отметим, что на дверях Иерусалим представлен в плане многоугольным, а на росписи — квадратным, как и на иконе «Аллегория небесного Иерусалима». Правда, иконографической близости здесь нет, поэтому отмеченное совпадение вполне может оказаться и случайным.

³⁰ РНБ, Соф. 1424, л. 186 об.

³¹ Там же, л. 188—188 об.

ных страстотерпець Бориса и Глеба в 24 день». ³² Переходя от одной памяти к другой, молящийся духовно совершенствуется — в этом проявляется родство рассматриваемого образа со средневековыми Лествицами (например, Иоанна Синайского), которые, без сомнения, являются архетипом.

Слово похвальное тематически перекликается со Словом на перенесение мощей, поскольку там помещена похвала Ольге. Можно предположить, что первоначально его составлять не предполагалось, поэтому похвала Ольге была вставлена в Слово на перенесение мощей. Однако потом Слово похвальное все-таки было написано. При его создании был привлечен Хронограф — источник, использование которого в предшествующих текстах не прослеживается. ³³ Здесь же приведены рассмотренные выше обличения охотничьих забав, сделан экскурс в историю изобретения Кириллом и Мефодием славянской азбуки, и др. Отметим, что в своем большинстве исторические сюжеты, представленные в Житии Ольги, но непосредственно не связанные с ее биографией, так или иначе отражены в монументальной живописи Кремля середины XVI в. — в росписях Золотой палаты и галерей Архангельского собора. Это сюжет с выбором веры князем Владимиром, его крещением и др. ³⁴ В целом, Похвальное слово представляется наименее продуманной частью составленного Сильвестром житийного цикла. Так или иначе, оно завершило агиографическое повествование об Ольге.

Почитание Ольги в русской позднесредневековой культуре неотделимо от почитания Владимира, поскольку Ольга воспринималась как русская Елена, а ее внук Владимир — как русский Константин. Таким образом, в древнерусской культуре крестителям Византии соответствовали крестители Руси.

³²РНБ, Соф. 1424, л. 188 об.

³³Околович Н. Ф. Жития святых, помещенные в Степенной книге. С. 38.

³⁴Опись стенописных изображений (притчей) в Золотой палате Государева дворца, составленная в 1672 году // Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы / Собр. и изд. И. Забелиным. М., 1884. Ч. 1. Стб. 1238—1255; Сизов Е. С. Русские исторические деятели в росписях Архангельского собора и памятники письменности XVI в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 266; Флайер М. К семиотическому анализу Золотой палаты Московского Кремля // Древнерусское искусство. Русское средневековое искусство позднего Средневековья. XVI век. СПб., 2003. С. 185.

Эти параллели к XVI в. были закреплены во множестве литургических и житийных текстов. Учитывая приведенные соображения, решимся предположить, что, помимо написанного в 50-е гг. XVI в. Жития Ольги, требовалось создать еще и Житие Владимира. У нас есть основания утверждать, что работа над составлением этого Жития в 50-е гг. была начата. Прежде чем перейти к его рассмотрению, обратимся к личности его автора, которым, на нашему мнению, является протопоп Благовещенского собора Андрей — будущий митрополит Афанасий.

Об Андрее-Афанасии нам известно, что он был жителем Переславля-Залесского. Андрей был духовным сыном архимандрита переславского Троицкого монастыря Даниила — самой яркой и известной личности в Переславле XVI в. Можно думать, что, еще живя в Переславле, Андрей проявил себя на литературном поприще: исследователи полагают, что ему принадлежит вторая редакция Жития Никиты Переяславского.³⁵ В созданном им Житии Даниила Переяславского Андрей называет себя священником переславского соборного храма.³⁶ Речь идет, по всей видимости, о Спасо-Преображенском соборе, одном из древнейших белокаменных храмов Северо-Восточной Руси. Построенный в середине XII в., Спасо-Преображенский собор до настоящего времени сохранил первоначальные архитектурные формы. В соборе сохранились и княжеские погребения XIII—XIV вв. Таким образом, уже в XVI в. этот храм мог рассматриваться как своего рода достопримечательность, особенно учитывая интерес новопоставленного царя к своим владетельным предкам.

³⁵ *Понырко Н. В.* Житие Никиты Столпника Переяславского // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 307—308.

³⁶ В пространной редакции Жития в рассказе о том, как он подвергся нападению разбойников, автор пишет о себе (в третьем лице) следующее: «Некто же от церковник того ж града Переаславля, и сей знаем бе преподобному Данилу, грядущу же ему некогда от царствующаго града Москвы в Переаславль, с ним же бяху прозвитера два, единослужебни ему...» (Житие преподобного Даниила... С. 51). В краткой редакции, которая была написана для Степенной книги, Андрей-Афанасий приводит это известие в несколько иной формулировке: «Иногда же трие презвитери великиа церкви того же града Переяславля грядуще на конех с Москвы в Переяславль...» (СКДС 730). «Великая» церковь Переславля-Залесского — это, несомненно, Спасо-Преображенский собор.

Судя по сообщениям Никоновской летописи, первый раз Иван Грозный посетил Переяславль весной 7053 (1545) г.: «от Троицы поехал по чудотворцем молиться в Переславль».³⁷ Внимание царя к Переяславлю объясняется тем, что его восприемником при крещении был Даниил Переяславский. По прибытии в Переславль Иван Грозный неизбежно должен был посетить Спасо-Преображенский собор, главный храм города, и встретиться с его клиром. Следовательно, в факте знакомства будущего митрополита с царем нет ничего необычного. К тому же Андрей был из числа учеников покойного Даниила, и это обстоятельство могло обратить на него внимание Грозного. Так или иначе, переславский священник юному царю пришелся по душе. Именно этим можно объяснить резкий взлет в карьере Андрея: он становится протопопом придворного Благовещенского собора и, соответственно, царским духовником. Нам неизвестна точная дата этого назначения. Предыдущий благовещенский протопоп Федор Бармин принял монашеский постриг в 1548 г. Нельзя исключить, что после него и до Андрея в Благовещенском соборе был еще протопоп, о котором не сохранилось известий. Возможно, эта должность, как крайне важная в царском обиходе, исключая случайные назначения, некоторое время оставалась вакантной.³⁸ Во всяком случае, в 1552 г. во время взятия Казани Андрей в качестве царского духовника присутствовал в окружении Грозного под стенами осажденного города. Тогда же ему явилось видение, описанное им впоследствии в Степенной книге. Андрей увидел своего учителя Даниила Переяславского, который предсказал победу русского оружия, а персонально Андрею — монашеский клобук. Здесь знаменательно удивление Андрея по поводу второго предсказания, поскольку на момент видения он был женатым человеком и имел детей. Это единственное упоминание о семье благовещенского протопопа. Какова последующая судьба его близких — неизвестно.

Вскоре после казанского взятия в семье Грозного умирает единственный наследник, царевич Дмитрий. Знаменательно,

³⁷ПСРЛ. Т. 13. С. 446.

³⁸Сведения о царских духовниках XVI в. собраны С. И. Смирновым (Смирнов С. И. Древнерусский духовник: Исследование по истории церковного быта. М., 1913. С. 251).

что царская чета обращается за молитвенной помощью к переславским чудотворцам. Здесь нужно видеть непосредственное влияние духовника. Известна царская жалованная грамота в переславский Данилов монастырь на два села Загорья и деревню Оникиеву, которая датируется 15 апреля 1554 г. В тексте грамоты есть одно важное уточнение: «да и отец наш духовный протопоп Ондрей нам о том бил же челом».³⁹ Рождение царевича Ивана, а через некоторое время и Федора, современниками трактуется как помощь Никиты и Даниила Переяславских. Значение этих событий для политической жизни страны того времени переоценить трудно. Отсутствие прямого наследника престола обрекало страну на династический кризис, каковой и разразился по этой же причине полвека спустя, и ввергнул Россию в пучину Смуты. Этим временем, т. е. 50-ми гг. XVI в., датируется вторая редакция Жития Никиты Переяславского. Первая редакция оканчивается событиями, случившимися непосредственно после смерти святого. Во второй редакции к этому тексту присоединены чудеса святого, происшедшие в более позднее время. По предположению Н. В. Поньрко, их автором был царский духовник Андрей.⁴⁰ Если это так, то перед нами еще один текст, непосредственно предшествовавший составлению Степенной книги. Рассмотрим подробнее добавления к тексту первоначальной редакции Жития Никиты Переяславского. Первое чудо было явлено святым при попытке митрополита Фотия обрести его мощи. Повествование о нем начинается так: «Некогда слышавом повесть дивну и памяти достойну от старца честнаго Данила, составльшаго честный монастырь...».⁴¹ Далее обстоятельно указывается, что Даниил слышал о чуде во время пребывания в Никитском монастыре от игумена Ионы, которому когда-то о нем рассказали очевидцы. Следовательно, автор рассматриваемой редакции лично знал Даниила. Одно из чудес, появившихся в новой редакции, рассказывает об исцелении сына Ивана Грозного царевича Ивана. В этом эпизоде идет речь о чуде во время молитвы об исцелении заболевшего

³⁹ Цит. по: Житие Даниила Переяславского... С. X.

⁴⁰ Поньрко Н. В. Житие Никиты Столпника Переяславского. С. 307—308.

⁴¹ БАН, П. I. А. 37, л. 10.

годовалого царевича. Обращает на себя внимание обстоятельство, с которой описано моление царской четы и приближенных, происходившее в спальне царевича: «столом в ложницы его поставленным, на них же поставлены блюда серебряные со честными мощми святых многое множество и воды освященные в честных сосудах, и Никиты Переяславского чудотворца вериги⁴² и кресты честныя, и вода освященная в сосуде мраморяне, сиречь во фляге. Царь же и царица в велице печали зряще отрочати своего стражюща zelно. Иоан же царевичь некоею болярынею носим бе на руках». ⁴³ Отмечена характерная черта, что вокруг царя и царицы «стояше блаженни приятели государевы мужи и жены...», ⁴⁴ причем они не названы боярами, поскольку, видимо, их социальный состав был пестрым. Это были, можно думать, люди, составлявшие ближайшее окружение молодого Грозного в 50-е гг. Далее рассказывается о том, что, пока пели молебен Никите Переяславскому, боярыня носила царевича рядом со столом, на котором стояли мощи и другие реликвии святого. «Отроча же от zelныя болезни внезапно руку на освященную чудотворцеву воду простре, и в том часе воскипе вода освященная чудотворцова в сосуде, яко от огненаго в[а]рения». ⁴⁵ После этого, по свидетельству Жития, царевич стал выздоравливать. Обратим внимание на подробность описания сцены, имевшей место в спальне царевича, куда посторонние не могли попасть, да еще в столь ответственный момент. Наиболее вероятным автором рассматриваемого текста следует признать, соглашаясь с Н. В. Понырко, царского духовника Андрея, который знал лично Даниила Переяславского и наверняка присутствовал во время молебна в спальне царевича. Как видим, он активно вводил почитание Никиты Переяславского в царский обиход.

При участии протопопа Андрея складывалось почитание и Даниила Переяславского, который был восприемником Ивана Грозного и являлся учеником Пафнутия Боровского, как и митрополит Макарий. Поэтому нет ничего удивительного

⁴²В рукописи ошибочно «веригиги».

⁴³БАН, П.І.А.37, л. 25—25 об.

⁴⁴Там же, л. 25 об.

⁴⁵Там же, л. 25 об.—26.

в том, что у царя и митрополита возникла мысль о необходимости составить Житие Даниила Переяславского. Понятна и кандидатура на роль автора — благовещенский протопоп Андрей. В предисловии к Житию Андрей писал: «у самого самодержца благочестиваго и великаго князя Ивана Васильевича, внука же великаго князя Ивана Васильевича стараго, такоже и у пресвященнейшаго митрополита Макария воспоминаемо бяше житие его, и писати намо повелеваху».⁴⁶ Андрей вспоминал, что три года не мог решиться и приступить к написанию Жития, но наконец Житие было написано.⁴⁷ В нем Андрей проявил себя талантливым рассказчиком, который, не злоупотребляя средствами агиографического жанра, сумел написать обстоятельную биографию своего героя.

Видимо, после завершения работ над Житием Даниила Переяславского или одновременно с ними Андрей принялся за создание Жития князя Владимира, которое впоследствии составило ядро I грани Степенной книги. В отдельном виде (независимом от Степенной книги) Житие неизвестно, поэтому можно думать, что оно не было завершено. Как показывает изучение черновика Степенной книги, его основу изначально составляло Житие Владимира. Его заголовок («Месяца июлиа в 15 день повесть известна в мале явленна о велицей Русстей земли и о начале царствующих в ней. И житие и похвала блаженнаго и достохвалнаго и равноапостолнаго царя и великаго князя, святаго и праведнаго Владимира, нареченнаго в святом крещении Василиа, всея Руския земли самодръжца: како взыска православныя веры и како взем Корсунь град, в нем же и святое крещение получи, им же и всю Рускую землю просвети, и како правоверно поживе и всю дръжаву свою бла-

⁴⁶ Житие Даниила Переяславского... С. 5.

⁴⁷ Хронологические выкладки Жития страдают неконкретностью. Так, автор пишет, что «летом треманадесять минувшим, отнеле же старец к Богу отъиде, и нигде же ни от кого же ниже видех, ниже слышах, идеже бы было написано о житии его» (Житие... С. 4). Далее следует указание на три года, в течение которых Андрей колебался перед тем, как взяться за перо. До конца не ясно, входят ли эти три года в число тринадцати, т. е. в 1553 г. (через 13 лет после кончины святого) или в 1556 г. (через 13 лет и 3 года) было написано его Житие. По-видимому, все же следует предпочесть вторую дату, так как создание Жития более вероятно было бы ожидать после рождения наследника, которое имело место в 1555 г.

гочестно упасе и веру православную непоколеблему утверди, и о прочих праведницех святого сродства его») ⁴⁸ оказывается близок к заголовку Жития Ольги: «Месяца иуля 11 день житие святыя блаженныя и равноапостольныя и в премудрости пресловущиа великиа княгини Ольги, нареченныя во святом крещении Елены, иже бысть предитеча русьскаго рода во благочестие к Богу, и о мужественном ея подвизе, и како в Царствующем граде получи святое крещение, и о преставлении ея, и о пренесении многочисудесных и нетленных мощей ея, и отчасти похвала». ⁴⁹ Таким образом, первоначальный вариант текста Степенной книги назывался Житием князя Владимира. Можно предположить, что он таковым и являлся. Это Житие начинается с изложения обстоятельств его написания. И здесь близость с Житием Даниила несомненна. В обоих текстах рассказ начинается упоминанием уже существующих произведений на эту тему. В Житии Даниила читаем: «Многажды же в повестех глаголанно бе о сем старце...», в Житии Владимира: «О нем же преже сего обретаеми суть многы повести глаголемы и пишемы и похвалами довьлно украшены, но обаче не в едином месте, но на многы части особь каждо...». Далее указывается побудительный мотив написать житие, который исходит от верховной власти: в Житии Даниила — от царя и митрополита, в Житии Владимира — от митрополита. В обоих случаях при упоминании царя сделан генеалогический экскурс. Следующий сюжет — сомнения автора в своем праве написать житийный текст, причем в обоих случаях автор пишет о своем «недостойнстве». В Житии Даниила указываются еще нехватка времени и запрещение самого Даниила, которое он дал своим ученикам относительно написания его жития «самохотением», т. е. по своему произволу. В Житии Владимира «недостойнство» оказывается практически единственной причиной сомнений автора в своем праве братья за перо. Правда, в обоих случаях автор ссылается еще на свое неумение («недоумение» в Житии Даниила и «не имый учения» в Житии Владимира). Впрочем, это обычные агиографические топосы, их присутствие само по себе ничего не доказывает. Заключительная часть рассматривае-

⁴⁸СКДС 70.

⁴⁹СКДС 3.

мого фрагмента посвящена следующему сюжету: автор принимается за текст, будучи убежден известной евангельской притчей о рабе, который неправильно распорядился данными ему деньгами, а также боясь гибели от непослушания. В Житии Даниила этот пассаж выглядит следующим образом: «И тогда вспомянух осужение онаго лениваго раба, скрывшаго талант и прикупа им не сотворша; и сего вины убояхся, паче же и от преслушания смерти ужасохся и помышлением, яко бурею пореваем». В Житии Владимира текст несколько иной: «Но обаче убояхся лениваго раба осуждения и смръти от преслушания, и не собою уповающе, но ради богоподражателнаго послушания повеленное нам без разсужения писати дръзнухом, уповающи на молитвы сего Божиа избраннаго съсуда, святаго и равноапостолнаго царя и великаго князя Владимира, наре-ченнаго в святом крещении Василия, яко да испросит у Бога ослабу многим моим съгрешением». Здесь характерны совпадения формулировок: «осужение онаго лениваго раба» — «лениваго раба осуждения», «от преслушания смерти» — «смръти от преслушания». Конечно, в этих текстах мы не найдем свидетельств непосредственного родства, так как при составлении Жития Владимира автор не пользовался текстом Жития Даниила. Но отмеченная близость встречается в разных текстах одного автора, которые составлены независимо друг от друга. Мы сопоставили единственный текст, в котором повествуется об одной теме — в остальном оба жития тематически далеки друг от друга, так как слишком непохожи биографии их героев: князя X—XI вв. и монаха XV—XVI вв. Замечательно, что в единственном близком по теме месте наблюдается единая логика повествования и даже, можно сказать, совпадает формуляр в изложении обстоятельств создания текста.

Дальнейший текст Жития Владимира во многом ориентирован на Житие Ольги и использует его в качестве своего образца. Следованием Житию Ольги объясняется и логика повествования, и выбор основных сюжетов биографии Владимира. После прославления Ольги в начале ее Жития рассказывается о ее происхождении: «Юже произведе Плесковская страна, иже от области царствия великия Русьския земля, от веси, именуемая Выбутыцкая, близ предел немеческия власти жителей, от языка варяжска, от рода же не княжьска,

ни вельможеска, но от простых людей». ⁵⁰ В Житии Владимира автор задается соответствующим вопросом: «Кто же и откуда, и от коего сродства бысть сий Божий избранный съсуд, сугубо царскоимянитый самодръжець, владычьское и царско звание имея, сий преименитый самодръжавный царь и великий князь Владимир». ⁵¹ Для ответа на этот вопрос излагается августианская легенда, причем первые слова этого текста напоминают приведенный выше рассказ о происхождении Ольги: «Не худа же рода бяху и не незнаема, но паче преименита и славна». ⁵² Источником текста августианской легенды послужила та же Воскресенская летопись, которая была использована и в аналогичном месте Жития Ольги, однако в Житии Владимира изложение более подробное. Следующая, третья глава, повествующая о призвании Рюрика, основана на Никоновской летописи. ⁵³ Составитель от себя прибавил к чтению источника весьма характерные слова: «Аще тогда и нечестиви бяху новгородци, но обаче по проречению их, паче же благоволением Божиим и доньне царствуют ими от Рюрикова семени благородное изращение, яко же преже в нечестии повиновахуся им и до сего блаженнаго Владимира. Наипаче же егда от святаго сего Владимира сподобишяся познати сущаго Бога и просвещени быша святым крещением, и сияху благочестием, и неподвижно и неотступно веру Христову дръжаще и непременно обладаеми Владимировыми благородными чяды и внучаты и в роды и роды». ⁵⁴ Дальнейший текст составлен на основании Никоновской летописи и других источников: Окружного послания патриарха Фотия, Слова о законе и благодати митрополита Илариона, Чудес Димитрия Солунского, Поучения на память Владимира и др. ⁵⁵ При этом оказываются включенными в текст и получают развитие исторические экскурсы Жития Ольги. Так, в главе 11 подробно рассказывается о чуде с Евангелием,

⁵⁰СКДС 4.

⁵¹СКДС 72.

⁵²СКДС 73.

⁵³Околович Н. Ф. Жития святых, помещенные в Степенной книге. С. 52.

⁵⁴СКДС 74. См.: Околович Н. Ф. Жития святых, помещенные в Степенной книге. С. 52.

⁵⁵См.: Околович Н. Ф. Жития святых, помещенные в Степенной книге. С. 52—82; Кусков В. В. Степенная книга как литературный памятник XVI века. С. 92—111.

которое по требованию русов положил в огонь присланный к ним архиерей. Источником этого известия явился Хронограф редакции 1512 г. (со слов «Роди же, нарицаемии руси...» до слов «...и вси крестися») Характерно, что в Житие Владимира оно попало не из Хронографа, а из Жития Ольги:

Хронограф	Житие Ольги	Житие Владимира
<p>Роди же, нарицаемии руси, иже и кумани, живяху во Еккисинопонтe и начаша пленовати страну Римлянскую <i>и хотяху поити и в Коньстянтин град. Но възбрани сим вышний Промысл</i>, паче же приключися им гнев Божий, и тогда возвратишася тщи князя их Оскалд и Дир.⁵⁶</p>	<p>По нем же Киевьстии князи Асколд и Дир, и сии пленяху Римлянскую страну, с ними же бяху роди, нарицаемии руси, иже и кумани живяху во Еккисинопонтe...⁵⁷</p>	<p>Яко же выше явленно о Асколде и Дире, Рюриковых мужех, иже воеваста Римлянскую страну <i>и хотяху воевати на Царьград, и възбрани им вышний Промысл.</i> А иже бяху с ними тогда русы, иже и кумани, живущии в Еккисинопонтe...⁵⁸</p>

Как видим, основным источником Жития Владимира послужило Житие Ольги, однако в Житии Владимира есть и одно первичное чтение (оно выделено в таблице курсивом), восходящее к общему источнику — Хронографу. Едва ли следует допускать, что при составлении Жития Владимира автор пользовался некими подготовительными материалами Жития Ольги. Скорее, он ориентировался на Житие Ольги, но привлекал к своей работе и его источники. Это свидетельствует о единой интеллектуальной среде, одном круге книжников, в котором были составлены оба Жития. Для нас важно подчеркнуть и то обстоятельство, что Житие Ольги служило для Жития Владимира литературным образцом.

⁵⁶Русский хронограф // ПСРЛ. СПб., 1911. Т. 22. Ч. 1. Хронограф редакции 1512 г. С. 353.

⁵⁷СКДС 49.

⁵⁸СКДС 78.

Следующий текст, заимствованный из Жития Ольги, посвящен обличению охотничьих забав. В отличие от своего источника Житие Владимира помещает обличительный памфлет в исторический контекст. Здесь идет речь об убийстве братом князя Владимира Олегом Люта, сына воеводы Свенельда, который служил у третьего брата — Ярополка. Убийство, как известно, произошло на охоте и положило начало усобице между братьями. Автор Жития Владимира заключает: «в ловитвах животным начася братоубийственная злоба в русских самодръжателях».⁵⁹ Здесь важно отметить, каким образом в Житии Владимира используется соответствующий фрагмент Жития Ольги. Он занимает довольно много места и призван пояснить, в чем причины ссоры, разгоревшейся между сыновьями умершего Святослава: «По смърти же Светослави въздвижеса братоубийственная крамола в Руси по образу древниа злобы пръваго Каинова братоубийства. Како же и откуду начася братоубийство в русских самодръжателях? Начало же бяше таковыя брат[о]ненавистныя вражды от ловитвы животных».⁶⁰ Помещенный далее текст развивает тезис о губительности охоты с приведением примеров из всеобщей истории. Первый пример о легендарном создателе Вавилона гиганте Невроте как основоположнике звериных «ловов» мог быть заимствован из Толковой Палеи или, что менее вероятно, из Хроники Георгия Амартола.⁶¹ Затем помещен дословно заимствованный текст из Жития Ольги с обличением забав и ссылкой на святоотеческие правила.⁶² Далее после краткой нравоучительной сентенции продолжено дословное заимствование из Жития Ольги. Кратко перечислив все примеры гибели на охоте, автор Жития Владимира добавил три своих примера, один из которых продолжает ряд из всеобщей истории: «И нечестиваго царя Диоклитиана безаконный игемон, иже мучивый святую Парасковгию, изыде на лов и спаде с коня в дебрь, и съкрушишися вся кости его, и ту испусти окаанную

⁵⁹СКДС 83—84.

⁶⁰СКДС 81.

⁶¹См.: *Околович Н. Ф.* Жития святых, помещенные в Степенной книге. С. 55.

⁶²Ср.: Соф. 1424, л. 193 об.—195 об. и СКДС 81—82.

свою душу».⁶³ Второй пример касается истории русской и рассказывает о гибели Мстислава, сына князя Владимира: «аще велми боголюбив бе, но обаче и тѣм некогда изыде на позорныя ловы, и тамо разболеся и преставися».⁶⁴ Третий пример, рассказывающий о «спадении змия с небеси», которое произошло во время охоты князя Всеволода Ярославича, выписан, вероятно, из Воскресенской летописи.⁶⁵ Составитель Жития Владимира прибавил, что «оттоле нача удалятися великий князь Всеволод от таковых потешениих».⁶⁶ Он, таким образом, наметил положительную тенденцию в отношении русских князей к охоте. Итак, в Житии Владимира использовано обличение охотничьих забав из Жития Ольги, но ряд примеров продолжен, а нравоучения получили развитие. Сюжет с осуждением княжеской охоты в Степенной книге появляется еще раз, в 5-й главе VIII грани, при характеристике князя Андрея Ярославича, брата Александра Невского. Эта отрицательная характеристика князя, которому в вину вменяется в числе прочего и то, что он «на ловитвы животных упражняся»,⁶⁷ считается уникальным известием Степенной книги, поскольку не встречается в других источниках. Не касаясь вопроса о причинах ее появления в Степенной книге, отметим, что здесь сказывается отрицательное отношение автора к охотничьим «потехам», превращаясь в своего рода сквозную тему для Жития Ольги и Степенной книги.⁶⁸ Это обстоятельство, однако, не доказывает, что оба произведения написал один автор. Пристрастие юного Грозного к охоте могли осуждать и его наставник Сильвестр, и духовник Андрей.

К Житию Ольги как источнику автор Жития Владимира обратился и при рассказе о посещении русских земель Анд-

⁶³СКДС 83.

⁶⁴Там же.

⁶⁵Летопись по Воскресенскому списку // ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 7. С. 4; в Никоновской летописи не указано, что охота была на зайцев (ПСРЛ. Т. 9. С. 118). Ср.: *Околович Н. Ф.* Жития святых, помещенные в Степенной книге. С. 56—57.

⁶⁶СКДС 83.

⁶⁷СКДС 334.

⁶⁸Это обстоятельство отметил А. С. Усачев (Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. С. 340).

реем Первозванным,⁶⁹ а также дальнейшего текста — пророчества княгини Ольги о крещении Руси:

Житие Ольги	Житие Владимира
<p>Бог милосердый по Своей Ему милости, яко же весть, Сам един своим благоволением и щедротами мощен есть помиловати рода моего и вся люди сиа рускиа.</p> <p>И яко же хочет Бог, и обратит сердца их к разумению благочестия и во время благопотребно сподобит их и просвещенным быти и совершенным в вере, яко же и о моем недостойнстве божественый Его промысл благосодействова.⁷⁰</p>	<p>Бог милосрьдый, яко же мене недостоиную не отрину, но помилова и святаго крещения сподоби, тако мощен есть Бог помиловати и рода моего и вся люди сиа рускиа.</p> <p>И яко же хочет благостию Своею, тако да обратит сердца их к разумению благочестия и всех просветит святым крещением.⁷¹</p>

К Житию Ольги в Житии Владимира восходит также рассказ об обретении ее мощей.⁷²

Кроме того, явно родственным Житию Ольги в Житии Владимира оказывается повествование «О праведном сродствии святаго Владимира». В этом рассказе одна его часть посвящена перечислению добродетелей, которыми были отмечены потомки Владимира. Подобный же текст встречаем и в Предисловии к Степенной книге, и в рассмотренных выше обличениях охотничьих забав. Это знаменательно, поскольку демонстрирует, насколько удачным показался автору Жития Владимира и составителю Степенной книги этот литературный прием Жития Ольги. Причем в Житии Ольги и во фрагменте Жития Владимира, обличающем охотничьи забавы, выражается негативная оценка описываемых явлений (охоты), а в рассказе о «праведном сродствии» и в Предисловии к Степенной книге перед нами панегирик, восхваляющий потомков Владимира. Так, в Житии Ольги (и в соответствующую

⁶⁹ А. С. Усачев допускает возможность использования здесь не Жития Ольги, а Жития Михаила Клопского (Усачев А. С. Источники Степенной книги по истории домонгольской Руси. С. 318, 336). Представляется, что здесь следует отдать предпочтение все же Житию Ольги, поскольку дальнейший текст, о пророчестве Ольги, извлечен из него.

⁷⁰ РНБ, Соф. 1424, л. 174.

⁷¹ СКДС 89—90.

⁷² СКДС 147—148.

щем месте Жития Владимира, где осуждаются охотничьи забавы) читается: «и сих ради многыя беды мнозем случася, опальством и продажами и всякими проторы и лишением имениа и узами и темницами и зелным на стражбах истомлением, от нестерпимаго мраза на полянах на ясне и в лесех, и в блатах, всячески озлобляеми, снегом и студению и голодом и ранами, и мнози многими виды живота лишаеми, от зверей уязвляеми, овии же умершвляеми и в воде скончаеми и дресвы убиваеми и ины многи напасти соделовахуся таковыми злыми стремленьми в ловитвах, их же и в грех непщеваху и о сем вины на ся не полагаху».⁷³ Осуждая охотничьи забавы в Житии Владимира, его автор прибавляет: «...место таковых худых прибытков от ловитвы мнози отщетишася не токмо многого своего имениа, но вкупе и живота своего, с ним же и душевнаго прибытка, и вместо веселиа и малосладостныя утехы въсприимаху с плачем гръким и многоразличное уязвление и нелепотную смрътию незапное животу пременение, а по смръти вечное мучение».⁷⁴ В разделе «О праведном сродствии святаго Владимира» встречаем следующий текст:⁷⁵ «Инии же в пленении в многообразных злостраданиях веру Христову съблюдше и течение съвършивше... Овии же от межюусобных крамолы узами обложени... Инии ж в темницах дръжими... Прочии же и очию лишаеми... И в иных различных нуждах многиа беды претръпевше, конец житию приаша, и вместо земныя славы Небесное Царство получиша».⁷⁶ Данный текст получил развитие в Предисловии к Степенной книге: «[и] на бранех храбростию, и благодарным те[рпе]нием во пленениях, и в нуждах, и в[о] узах, и в темницах, и в межеусоби[ных] крамолах озлоблением, и лишениемъ очию, и заточением; инии же сам[ово]лною нищетою, и странствиемъ, и [бого]мудростным притворения уродством».⁷⁷ Итак, образ бедствий, заимствованный из Жития Ольги («узы», темницы, лишения), был в Житии Владимира переосмыслен, развит и в дальней-

⁷³РНБ, Соф. 1424, л. 194 об.—195.

⁷⁴СКДС 81.

⁷⁵В цитате не приводим заголовков, поскольку они появились позднее основного текста.

⁷⁶СКДС 165.

⁷⁷СКДС 2.

шем использован в столь концептуальном для понимания идеи Степенной книги тексте, как Предисловие.

Последнее заимствование из Жития Ольги в Житии Владимира также знаменательно. В нем речь идет о крещении останков Ярополка и Олега — братьев Владимира. В Житии Ольги об этом сказано вскользь, при повествовании о том, как Ольга воспитывала своих внуков: «Братия же его, Ярополк и Олег, прежде крещения братоубииственною кровию скончашся. По многих же летех при великом князи Ярославе Владимеричи выгребоша кости их и, крестивше, положиша их в церкви Святыя Богородицы, в Володимери».⁷⁸ В Житии Владимира этот сюжет получил развитие. Там согласно Житию Ольги изложена история о ее крещении, возвращении в Киев и безуспешных попытках обратить в христианство своего сына. Упомянуто и о воспитании Ольгой внуков. Затем, после известия о гибели Ярополка и Олега язычниками и крещении Владимира, сказано о эксгумации останков братьев Владимира и их крещении. Далее в Житии оговорена неоднозначность с канонических позиций подобного крещения: «Сие же необычное действо неции дивящесе в зазор полагаху, инии же разсуждающе глаголаху, яко не без Божия промысла сие сѣдеся, ни без воли новопросвещеннаго самодержьзца Ярослава, ни кроме совета и благословения и действия святителска ради усерьднаго желания и прилежнаго к Богу моления и с дерзновением прошения и благонадежного в збытие пророчения святыя и великия княгини Ольги и уверения ради людьска новопознавших истиннаго Бога».⁷⁹ Вслед за этим приведен пример с крещением костей философа Платона: «...в лета греческаго царя Костянтина и матере его Ирины обретены быша кости во гробе Платона Еллина. О нем же глаголют неции, яко и крестишя кости ты словеси ради, еже написа он в своей философии сие: „Аполон несть Бог, но жрецъ: есть убо Бог на небеси, Ему же снити на землю и воплотитися от Девы Чистыя, в него же и аз верую“».⁸⁰ Этот факт, разумеется, не имеет подтверждения в истории древнегреческой фи-

⁷⁸РНБ, Соф. 1424, л. 176 об.

⁷⁹СКДС 199.

⁸⁰СКДС 199—200.

лософии. Откуда могла прийти в голову составителю Степенной такая фантазия? Г. Ленхофф удалось найти источники этого текста.⁸¹ Основным источником оказалось произведение XV или начала XVI в. «Пророчества еллинских мудрецов», в котором, однако, пророчество о воплощении истинного Бога приписано Аристотелю, а крещение костей — другому лицу, имя которого якобы осталось неизвестным.⁸² Платон упомянут в этом произведении совсем в другой связи. Образ Платона и посмертное крещение за пророчество соединились в клейме золоченых врат придворного Благовещенского собора Московского Кремля. Уже здесь была допущена путаница при заимствовании из текста «Пророчеств еллинских мудрецов». На клейме изображен Платон, сидящий у своего гроба, отвергающий языческих богов и предсказывающий крещение своих останков. Столь сложный путь прошел сюжет о древнегреческом философе, пока не попал в Степенную книгу. Прибавим, что пресловутое клеймо с изображением Платона помещено на воротах как раз на уровне замка. Запирая и отпирая собор, современники Степенной книги невольно натыкались взглядом на это клеймо, которое и сейчас вызывает недоумение. Видимо, поэтому данный сюжет предварен в Степенной книге нехарактерной для этого памятника оговоркой: «глаголют неции...». Подобный же случай использования сюжета с золоченых врат Благовещенского собора отмечен выше применительно к составлению Жития Ольги.

Основная часть Жития Владимира — это составленный с привлечением разных источников рассказ о выборе веры и крещении Руси. Этот сюжет в редакции, близкой к Житию, изложен в росписях галерей Архангельского собора и Золотой палаты. По-видимому, именно он является композиционно и, соответственно, идеологически главным в Житии Владимира. Однако была ли работа над Житием завершена — неизвестно. В настоящее время в Житии Владимира присутствует Житие Бориса и Глеба. В таком сочетании данные тексты составляют

⁸¹ *Lenhoff G.* How the Bones of Plato and Two Kievan Princes were baptised... S. 313—330.

⁸² *Казакова Н. А.* «Пророчества еллинских мудрецов» и их изображения в русской живописи XVI—XVII вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 358—368; *Чернецов А. В.* Золоченые двери XVI в. С. 91—92.

первую грань Степенной книги. Можно думать, что присоединение Жития Бориса и Глеба произошло в то время, когда автор, благовещенский протопоп Андрей, отказался от мысли завершить Житие Владимира и решил превратить его в более масштабное литературное произведение. Чем вызвана такая идея?

Исследователи неоднократно пытались найти аналоги Степенной книги в историографии других народов. К. Н. Бестужев-Рюмин в качестве образца для составления Степенной книги указал памятник сербской историографии XIV в. «Животи кралева и архиепископа српских» или Цароставник, составленный сербским архиепископом Даниилом.⁸³ Цароставник является важнейшим произведением сербской исторической письменности XIV в., он оказал большое влияние на сербскую историографию.⁸⁴ В 1553 г. список Цароставника был вложен в Хиландарский монастырь, с которым именно в 50-е гг. XVI в. у окружения Ивана Грозного завязалось общение, вызванное заинтересованностью Москвы в официальном признании вселенскими патриархами правомерности венчания на царство и законности царского титула на Руси.⁸⁵ Интерес же братии Хиландарского монастыря к Цароставнику был не случаен, поскольку его автор архиепископ Даниил в 1305—1311 гг. был настоятелем Хиландарского монастыря, а в более позднее время, в 1314—1316 гг., жил там и занимался

⁸³ *Бестужев-Рюмин К. Н.* Русская история. СПб., 1872. Т. 1. С. 34. К. Н. Бестужев-Рюмин писал о «Родослове» Даниила, под которым, без сомнения, имел в виду вышеназванное произведение (*Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. СПб., 1904. Ч. 1. С. 30—31). См. об этом: *Гаврюшина Л. К.* К проблеме исторического развития жанра жития в средневековых литературах Сербии и Руси (сравнительный аспект) // Славянские литературы. XI международный съезд славистов. Братислава, сентябрь 1993. Доклады российской делегации. М., 1993. С. 49; *Турилов А. А.* Древнейшая история славян и Руси в «Книге Степенной царского родословия» (хронология, круг источников, их отбор и использование) // Славяне и их соседи. Миф и история. Происхождение и ранняя история славян в общественном сознании позднего Средневековья и раннего Нового времени: Тезисы 15 конференции. М., 1996. С. 51—52.

⁸⁴ *Гаврюшина Л. К.* К проблеме исторического развития... С. 49.

⁸⁵ *Хорошкевич А. Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 187—189, 200, 224—227 и др.

литературными трудами. В 1549—1550 гг. хиландарский проигумен Геннадий обратился к Ивану Грозному с грамотой, в которой описывалось бедственное положение монастыря, а также содержалась просьба о милостыне и заступничестве перед турецким султаном.⁸⁶ 28 августа 1550 г. игумен Паисий и три монастырских старца приехали к царю с дарами: иконой Саввы и Симеона Сербских и крестом-энколпионом святого Симеона.⁸⁷ Дары были благосклонно приняты,⁸⁸ турецкому султану отправлена соответствующая грамота с просьбой об облегчении дани и защите Хиландарского монастыря.⁸⁹ В 1556 г. монастырю была выдана жалованная грамота на двор в Китай-городе, которая сопровождалась требованием заупокойных молитв по членам царского рода.⁹⁰ В начале 1557 г. Иван Грозный сделал в Хиландарский монастырь следующие вклады: расшитую золотом, серебром и драгоценными камнями катапетазму (завесу) и 300 рублей милостыни.⁹¹ Царевич Иван Иванович тогда же пожертвовал позолоченную панагию из серебра. Брат царя князь Юрий Васильевич дал вкладом 50 рублей.⁹² Самый значительный вклад, катапетазма, представляет собой замечательное произведение лицевого шитья. На ней изображен Христос в иконографическом изводе «Великий архиерей», благословляющий преп. Анастасию и Иоанна Предтечу — тезоименитых святых Ивана Грозного и его жены. На полях помещены изображения святых, среди которых для нашей темы особенно значимы император Константин и расположенный параллельно ему Владимир Киевский, а также святые князья Борис и Глеб, митрополиты Петр, Алексей, Иона.⁹³ Отметим это сочетание — русские святые князья и митрополиты, — которое стало организующим для текста Степенной книги. В мае 1559 г. царь пожаловал

⁸⁶ Россия и греческий мир в XVI веке. М., 2004. Т. 1. С. 182—186.

⁸⁷ Там же. С. 181.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же. С. 187.

⁹⁰ Там же. С. 199—203.

⁹¹ Там же. С. 210, 225.

⁹² Там же. С. 226

⁹³ Кондаков Н. П. Лицевой иконописный подлинник. СПб., 1905. Т. 1. Иконография Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. С. 88. Ил. 30. Вложенная Иваном Грозным завеса и ныне хранится в Хиландарском монастыре (Петковић С. Хиландар, 1989. С. 47).

еще 300 рублей.⁹⁴ Все эти вклады сопровождались требованием молиться о царской семье и поминать отца, мать, деда и «всех родителей» Ивана Грозного. Это требование, обычное в практике общения Москвы и восточных церквей для того времени, надо думать, предполагало какой-либо историко-генеалогический экскурс, по крайней мере, должно было пробуждать интерес к этой теме. В начале 1557 г. архимандрит Феодорит, развозивший по кафедрам и монастырям восточных патриархов милостыню Ивана Грозного, получил в секретной памяти такое поручение: «... заехати во Святую гору и посмотрити Хилондаря монастыря чину церковного и всего строенья монастырского, и которым обычаем анхимарит и старцы живут, и все ли у них идет по чину церковному. Да что розсмотрит, и Феодориту то себе записати памяти для, да сказати царю и великому князю».⁹⁵ Таким образом, о Хиландарском монастыре у царского окружения была подробная и достоверная информация. В библиотеке Хиландарского монастыря оказалась рукопись из собрания автора Жития Ольги попа Сильвестра — Толковая Псалтирь в двух переплетах.⁹⁶ Полагаем, что общение окружения царя и митрополита с монахами Хиландарского монастыря в 50-е гг. XVI в. привело к тому, что в Москве стало известно и о существовании Цароставника. Перед царскими идеологами стояла задача обосновать исконность, наследственность на Руси царского титула. В Цароставнике проводится идея симфонии светской и духовной властей, причем сделано это весьма своеобразно. В первой половине Цароставника помещены жития сербских королей из династии Неманичей, а во второй — жития глав сербской церкви. Своей композицией Цароставник оказывается близок к первоначальному варианту Степенной книги, которая представляла собой сборник княжеских житий. Однако таковых в арсенале русской книжности на середину XVI в. было немного. Из княжеских житий, кроме Житий княгини Ольги, князя Владимира, двух сказаний о Борисе и Глебе (из которых автор Степенной книги составил одно Житие), можно

⁹⁴Россия и греческий мир в XVI веке. Т. 1. С. 253.

⁹⁵Там же. С. 222.

⁹⁶*Богдановић Д.* Каталог ћирилских рукописа манастира Хиландара. Београд, 1978. Т. 1. С. 86—87. № 116, 117.

указать Жития псковского князя Всеволода-Гавриила, полоцкой княжны Евфросинии, Михаила Черниговского, ярославского князя Федора Черного и Александра Невского. В Киево-Печерском патерике читается Житие князя Николы-Святоши. Митрополичьих житий известно еще меньше: Жития Петра, Алексия и Ионы. Кроме этого, были известны еще обширные Сказания о чудотворных иконах — новгородской иконе Богоматери Знамение и Владимирской иконе Богоматери. Отдельные памятники агиографического жанра были посвящены князьям Даниилу Московскому (позднее эта Повесть вошла в состав Пискаревского летописца⁹⁷), Дмитрию Донскому («Слово о житии и преставлении Димитрия Ивановича, царя русского») и Василию III (Слово похвальное) и др. Материал, как видим, не охватывал всего периода древнерусской истории, к тому же перечисленные произведения по своему объему и даже стилю существенно разнятся. Для того, чтобы создать ряд однотипных агиографических текстов, требовалось провести редакторскую обработку имевшегося в наличии материала. Возможно, в связи с такими работами была создана новая редакция Жития митрополита Ионы. А. С. Усачев установил, что так называемая третья редакция Жития митрополита Ионы была составлена после 1556 г. и послужила источником Жития Ионы в составе Степенной книги. Она имеет заголовок «Месяца марта в 31 день. Повесть имат сказание собрано отчасти и чудотворения иже во святых отца нашего Ионы митрополита всея Руси, в нем же нечто имат о уложении праздника русских чудотворцов, о прочих знаменосных митрополитех, о великих князех, и яко въскоре Божий суд постиже отступников истиннаго православия, греческаго царя и патриарха, иже латынскому собору приобщашиа, и како благоразумный великий князь Василей Васильевич от ереси латынские державу свою свободи, и о подвизе его, иже показа о православии».⁹⁸ В Степенной книге это заглавие было подвергнуто изменению: «Сказание отчасти иже в святых отца нашего Ионы митрополита всея

⁹⁷ Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. С. 316—325.

⁹⁸ Повесть имат сказание, собрано отчасти жития и чудотворения иже во святых отца нашего Ионы митрополита всея Руси // Вестник церковной истории. 2 (6)/2007. С. 17.

Русии».⁹⁹ В первоначальном варианте оно напоминает заглавия Житий Ольги и Владимира, где также подробно расписано основное содержание Жития. В начальных строках Жития Ионы, также сокращенных при включении в Степенную книгу, есть переключки с началом Жития Владимира, в котором автор о себе говорит: «*зазрех* своему *недостойнству*».¹⁰⁰ В Житии Ионы фигура авторской скромности выражена такими же словами: «выше силы нашае понудисте *недостойнство* наше..., да никто же вас *зазрит* нам без ухищрения славу...»¹⁰¹ (совпадающие слова выделены курсивом. — А. С.). Следующий пассаж Жития Ионы содержит уникальную информацию о святых, канонизированных на соборах 1547 и 1549 гг. Далее следует «Зачало». Оно начинается так же, как и соответствующий раздел в Житии Даниила Переяславского. В Житии Ионы читаем: «В лета благочестиваго и христоролюбиваго самодръжца великого князя Василья Дмитриевича бысть сий святыи великий во святителех Иона».¹⁰² В Житии Даниила Переяславского — сходный текст: «В лета благочестиваго и христоролюбиваго и человеколюбиваго государя царя и самодръжца великого князя Ивана Васильевича... В сего благоденственное царствие бысть сей преподобный Данил».¹⁰³ Рассматриваемая редакция Жития Ионы содержит подробно, к его герою прямого отношения не имеющие (например, обстоятельный рассказ о канонизационных соборах в 40-е гг. XVI в. с перечнем канонизированных святых), и в этом оно также сближается с Житиями Ольги и Владимира. Насколько вероятно авторство протопопа Андрея относительно рассматриваемой редакции Жития Ионы — этот вопрос требует отдельного исследования. Однако можно предположить, что Житие Ионы было создано во второй половине XVI в. наряду с Житиями Ольги и Владимира для составления сборника княжеских и митрополичьих житий. Возможно, со временем будут выявлены и другие памятники этого круга. Тематически к Степенной книге близки еще два текста, послужившие

⁹⁹СКДС 587.

¹⁰⁰СКДС 70.

¹⁰¹Повесть имат сказание, собрано отчасти житиа и чудотворения иже во святых отца нашего Ионы митрополита всея Русии. С. 18.

¹⁰²Там же. С. 22.

¹⁰³Житие Даниила Переяславского... С. 6.

ее источниками — Похвальное слово Василию III и Повесть о новых чудесах Владимирской Богоматери. Последнее из этих произведений обнаружил и опубликовал А. А. Зимин, причем он воспринял Повесть как два независимые произведения: Повесть о нашествии на Москву Магмет-Гирея в 1521 г. и Повесть о московском пожаре 1547 г. Однако в рукописи эти тексты составляют единое целое. В тексте Повести есть указание на митрополита Макария как инициатора ее создания.¹⁰⁴ Вполне возможно поэтому, что Повесть создавалась не специально для Степенной книги, но несомненно относится к тем произведениям, которые составляют историко-культурный контекст Степенной книги. Похвальное слово Василию III, известное в двух дефектных списках XVI—начала XVII в., не имеет заглавия, от которого сохранились только последние слова «похвальное великому князю Василию».¹⁰⁵ В тексте Слова можно отметить близость к Житию Владимира. О Василии III в Слове сказано: «Не в худей бо и не в неведомей

¹⁰⁴Зимин А. А. Повести XVI века в сборнике Рогожского собрания // Записки Отдела рукописей [ГБЛ]. М., 1958. Вып. 20. С. 189.

¹⁰⁵Впервые связь Слова со Степенной книгой отметил М. А. Дьяконов (Власть московских государей: Очерки из истории политических идей Древней Руси до конца XVI в. СПб., 1889. С. 105). Н. Н. Розов полагал, что в рукописи конца XVI в. РНБ, F.XVII.13 осталась ненаписанной первая строка заглавия, которую предполагалось исполнить вязью (Розов Н. Н. Похвальное слово великому князю Василию III // АЕ за 1964 год. М., 1965. С. 280—281). В таком случае заголовок не должен быть пространным. Однако с этим наблюдением нельзя согласиться. Дошедшая строка заглавия является первой строкой на первой странице рукописи (F.XVII.13, л. 1). Предшествующая же часть заглавия была написана на предыдущей странице. Номер тетради на нижнем поле нынешнего первого листа рукописи, 60, указывает на то, что изначально в кодексе было еще около 472 листов (59 тетрадей по 8 листов каждая). Таким образом, предшествующая страница существовала. На ней и было написано начало заглавия. Каким оно было, кратким или пространным, — неизвестно. Второй список, РНБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря 131/1208, датируется серединой XVI в. (филигрань Тиара — вид: Piccard G. Die Kronen-Wasserzeichen. Stuttgart, 1961. V. 1. № 85—91 (1532—1554 гг.), 105 (1543—1556 гг.)). Это несколько тетрадей в конволюте, они исписаны аккуратным полууставом середины XVI в., причем первая и последняя страницы, а также некоторые страницы в середине массива (л. 230 об.—231 и др.) загрязнены. Видимо, данный список долгое время бытовал без переплета, что позволяет поставить вопрос, не использовался ли он в качестве подготовительного материала для какого-либо литературного произведения.

земли царствовавшая, но в сей Русской, яже всеми слышима и видима концы земля».¹⁰⁶ Этот же прием применен в начальной части Жития Владимира: «Не худа же рода бяху и не незнаема, но паче преименита и славна».¹⁰⁷ О происхождении Владимира в Слове читаем: «Обаче же рода реку велика и преименита, от благородных и благочестивых родителей чядо...».¹⁰⁸ В Слове с особенным почтением охарактеризован Даниил Переяславский: «в многих летех предстоя олтарю Господню и от основания въздвиже великую обитель всех святых, еже есть в Переславли, всех святых прилежай добродетелем, всех странных и беспомощных погребаше и упокоиваше достойно. И многыя его ради добродетели избран быв в таковое служение. Бяше же по всему тих и кроток, яко же речеса: „Душа проста благословенна от Бога“».¹⁰⁹ Как видим, Похвальное слово Василию III также оказывается близко идеям и стилю Степенной книги. Однако настаивать на том, что оно было написано специально для сборника княжеских и митрополичьих житий, который впоследствии превратился в Степенную книгу, нет оснований. Согласно аргументированному предположению Д. М. Буланина, Слово похвальное Василию III создано Ф. И. Карповым, который был близок к книжникам Иосифо-Волоколамского монастыря и умер до 1545 г.¹¹⁰ Обращает на себя внимание то обстоятельство, что и другие непосредственные источники Степенной книги — Похвала князю Владимиру и Повесть о чудесах Владимирской иконы Богоматери, возможно, происходят из Иосифо-Волоколамского монастыря.¹¹¹ На одной из волоцких рукопи-

¹⁰⁶Розов Н. Н. Похвальное слово... С. 282.

¹⁰⁷СКДС 73.

¹⁰⁸Розов Н. Н. Похвальное слово... С. 283.

¹⁰⁹Там же. С. 284—285.

¹¹⁰Буланин Д. М. Античные традиции в древнерусской литературе XI—XVI вв. München, 1991. С. 201—202.

¹¹¹Сказание о Владимирской иконе Богоматери в редакции, близкой к Степенной книге, также известно только в двух волоцких списках, которые имеют филигранные, тождественные филиграммам Патриаршего списка Никоновской летописи (Клосс Б. М. Избранные труды. М., 2001. Т. 2. Очерки по истории русской агиографии XIV—XVI веков. С. 133—134). Наконец, Поучение на память князю Владимиру дошло в единственном списке также волоколамского происхождения (См. об этом: Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. С. 370—373).

сей, Апостоле РГБ, ф. 113 (собр. Иосифо-Волоколамского монастыря) 426, читается библиотечная запись «...дан на список благовещенскому протопопу Ондрею» (л. 1).¹¹² Как отмечает А. С. Усачев, говорить о составлении Степенной книги в Иосифо-Волоколамском монастыре не приходится. Вероятнее предположение, что рукописи из ее библиотеки привозились в Москву и привлекались для составления Степенной книги.¹¹³ И все же с сожалением отметим недостаточную исследованность нашей темы в этом отношении. Идейная же и стилистическая близость Похвального слова Василию III и Степенной книги свидетельствует о традиционности Степенной книги в этом отношении. Соответственно, не стиль и не идеи выдвигают Степенную книгу из ряда подобных ей произведений середины XVI в. Уникальность Степенной книги в другом.

Итак, можно предположить, что составляемый протопопом Андреем свод житий включал в себя агиографические тексты, расположенные по хронологии. Первоначальный слой черновика Степенной книги и представляет собой подобный текст. Информация о том, какие княжеские жития должны составить сборник, могла быть почерпнута, например, из росписей Золотой палаты Московского Кремля, которые относятся также к середине XVI в. Согласно дошедшей до нас их описи, предпринятой во второй половине XVII в. Симоном Ушаковым, на парусах сводов были изображены следующие русские князья: Михаил Ярославич Тверской, Борис, Владимир Киевский, Глеб, Андрей Боголюбский, Александр Невский, Иван III (или Иван Грозный) и Василий III. Среди сонма канонизированных князей древнерусского периода несколько неожиданным выглядит присутствие Андрея Боголюбского, который был канонизирован как местночтимый святой только в 1701 г. Однако в середине XVI в. уже существовало Житие Андрея Боголюбского.¹¹⁴ Кроме того, в оконных проемах были написаны поясные портреты Всеволода Ярославича, Владимира

¹¹²Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980. С. 263.

¹¹³Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. С. 372—373.

¹¹⁴Оно известно нам в одном списке, созданном в новгородском Николо-Дворищенском соборе в 1560 г., РГАДА, ф. 181 (собр. МГАМИД) 694/1204, л. 454—457 об.

Мономаха, Василия Темного, Дмитрия Донского, Ивана Красного, Даниила Московского, Феодора Черного с сыновьями.¹¹⁵ Получается, что в росписях Золотой палаты представлены почти все герои граней Степенной книги. Отсутствуют Ярослав Мудрый, Юрий Долгорукий, Всеволод Большое Гнездо (есть, правда, его брат Андрей Боголюбский), Ярослав Всеволодович (но есть его современник Феодор Черный), Иван Калита (но есть его современник Михаил Тверской), Василий Дмитриевич и Иван III (по описанию непонятно, кто изображен: он или его внук Иван Грозный). Таким образом, представлены почти все поколения Рюриковичей. То обстоятельство, что не полностью выдержан генеалогический принцип, т. е. изображены не только прямые предки Ивана Грозного, а также есть пропуски в поколениях, может указывать на неразработанность схемы царской генеалогии в момент работы над росписями Золотой палаты, либо на отсутствие в то время необходимости этот аспект подчеркивать.¹¹⁶

Организация исторического материала — важная задача, которая была решена на этапе переделки Жития Владимира в житийный сборник. В основу был положен генеалогический принцип. Как известно, 1555 г. датируется создание первой официальной редакции родословной книги — так называемого Государева родословца.¹¹⁷ Обратим внимание на то обстоятельство, что один из вариантов родословной книги носит название: «Книга Степенная». Ее первоначальный текст читается в рукописи XVII в. РГАДА, ф. 196 (собр. Ф. Ф. Мазурина) 240 (далее — Мазур. 240) и шести списках, которые содержат компиляцию первой половины XVIII в. — «Подробную летопись от начала России до Полтавской баталии». Эта редакция родословной книги начинается следующим заглавием: «Книга Степенная, в ней же писаны роды великих князей киевских и владимирских и московских от первого князя Рюрика и до нынешняго царя и великаго князя Ивана Васильевича

¹¹⁵Опись стенописных изображений (притчей) в Золотой полате Государева дворца, составленная в 1672 году // Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы, собр. и изд. И. Забелиным. М., 1884. Ч. 1. Стб. 1245, 1249.

¹¹⁶Подобедова О. И. Московская школа живописи при Иване IV: Работы в Московском Кремле 40—70-х гг. XVI в. М., 1972. С. 59—68.

¹¹⁷Лихачев Н. П. «Государев родословец» и род Адашевых. СПб., 1897.

всёя Руси. Выписано ис подлиннаго летописца царьствующаго града Москвы». ¹¹⁸ Именованіе Ивана Грознаго «нынешним» и «царем» датирует этот текст временем после 1547 г. и до 1584 г. Списки, правда, более поздние. ¹¹⁹ После заглавія в тексте помещено оглавліеніе, типичное для списков Патриаршей редакціи. Далее следуют несколько росписей великокняжескаго родословія от Рюрика до Ивана Грознаго, восходящих и нисходящих. Их данные, таким образом, повторяются. После этого помещен текст, близкій к Патриаршей редакціи родословной книги. Характерно, что самый ранній список Патриаршей редакціи, РГБ, ф. 256 (собр. Н. П. Румянцева) 349 (далее — Румянц. 349), 80—90-х гг. XVI в., ¹²⁰ содержит все эти тексты, кроме заглавія, так как в нем текст родословной книги начинается с оглавліенія. В остальном в своей начальной части Румянц. 349 идентичен Мазур. 240.

Несмотря на явную близость Румянц. 349 и Мазур. 240, тексты этих списков не идентичны. Исследователи склонны даже не относить Мазур. 240 к Патриаршей редакціи, а рассматривать его отдельно. Есть в Румянц. 349 и Мазур. 240 разночтенія и в первой, интересующей нас части. Во-первых, в Румянц. 349 отсутствует заглавіе. Во-вторых, в Румянц. 349 помещено шесть росписей, а в Мазур. 240 — только пять, там отсутствует третья роспись Румянц. 349, перечисляющая поколения от Рюрика до Ивана Грознаго. В Румянц. 349 есть еще два текста, отсутствующие в Мазур. 240. В конце подборки великокняжеских родословій в Румянц. 349 помещены хронологическая выкладка от Адама до Владимира Киевскаго и рассказ о призваніи варягов: «придоша к варягам Русь, чудь, словене, кривичи. Реша им варяги: „Земля наша добра и обильна“. И собрашася с родми своими и старый Рю-

¹¹⁸Цит. по: Мазур. 240. Об этом тексте см.: *Веселовскій С. Б.* Исследования по исторіи класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 14; *Бычкова М. Е.* Родословные книги как исторический источник. М., 1975. С. 114.

¹¹⁹Мазур. 240 датируется 40-ми гг. XVII в., а списки «Подробной летописи» относятся к середине XVIII в.

¹²⁰Рукопись указана нам А. В. Кузьминым. Как отмечено М. Е. Бычковой, в родословных росписях всюду после Ивана Грознаго вписан царь Федор Иванович — основным почерком, но явно после написанія основного текста. Это указывает на созданіе рукописи в 80-е гг. XVI в.

рик, и сиде Рюрик пруский, прадед Володимеров Киевской в Новегороде Великом». ¹²¹ Далее в обоих текстах следует упоминание о братьях Рюрика, его сыне Игоре и племяннике Олеге. Вслед за этим читается текст о первых князьях, общий для всех списков Патриаршей редакции (там он помещен непосредственно после оглавления). Этот текст, содержащий и легенду о происхождении Рюрика от Августа, оказывается близок к вступительным статьям Воскресенской летописи, к первым статьям Летописной редакции родословной книги и Государева родословца. ¹²² Можно утверждать, что все эти тексты имеют своим источником основной текст Воскресенской летописи. В данном случае важно, что текст Патриаршей редакции восходит не к Летописной редакции и не к Государеву родословцу, т. е. не к более ранним редакциям родословной книги, а к их общему источнику — основному тексту Воскресенской летописи. Как указано выше, оригинальный текст рассматриваемого предисловия к родословной книге состоит из пяти (в Мазур. 240) или шести (в Румянц. 349) родословных росписей. В них расписан по поколениям род Рюриковичей от Рюрика до Ивана Грозного. Иван Грозный назван «нынешним» царем, что датирует текст временем между 1547 и 1584 гг. Упоминание Астрахани в титуле Ивана Грозного («государь Казанской и Астраханской») позволяет сузить датировку рассматриваемого текста до 1556—1584 гг. Важно, что эти росписи никак не связаны с последующим текстом родословной книги. Об этом свидетельствует следующее указание, которое читается в одной из них: «А великие князи дяди и братия отставлены, и бездетные и удельные князи, и тем имена писаны в родословце в столпе. А туто написано, которой от которого пошел и которой которого сын, от Рюрика и до нынешняго царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси». Ниже это указание сформулировано по-другому: «уделные князи отставлены и иные многие князи и бездетные и уделные и бездетные князи и детные князи, а писаны в столпе и в [л]ествицех оприче». Словом, в данном тек-

¹²¹ Румянц. 349, л. 14 об.

¹²² О проникновении данного сюжета в родословные книги писала Р. П. Дмитриева (*Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских*. М.; Л., 1955. С. 66).

сте речь идет только об одной линии Рюриковичей — о предках Ивана Грозного. Как известно, во всех редакциях родословной книги помещены родословия и других ветвей Рюриковичей, и удельных князей, которые здесь фигурируют как «дяди и братия» московских князей. Следовательно, этот текст изначально рассматривался как самостоятельный, не относящийся к родословной книге. Примечательно упоминание некоего «родословца» «в столпе», который может быть черновиком родословной книги, так как он представляет собой еще не кодекс, а свиток. Учитывая делопроизводственное происхождение первой официальной редакции родословной книги, Государева родословца 1555 г., логично предположить, что его первоначальный текст был записан в столбце, как и все делопроизводственные материалы тех лет. Это соображение также указывает на раннюю датировку рассматриваемых родословий.

Обратим внимание на явно черновой, вспомогательный характер родословных росписей. Все они перечисляют предков Ивана Грозного, но способ подачи материала в каждой росписи свой. Сначала помещен текст под названием «Лествица от Августа кесаря Римского великих князеи руских от роду сущаго царя Августа кесаря», в котором установлено родство Августа и Рюрика через брата Августа Пруса, якобы являющегося предком Рюрика в четвертом колене. Далее следует нисходящее родословие от Рюрика (здесь опять указано, что он потомок Августа) до Ивана Грозного. В Мазур. 240 здесь поколения пронумерованы, а в Румянц. 349 — нет. Далее в Румянц. 349 помещено такое же родословие, но с более краткими характеристиками князей и с нумерацией поколений. Возможно, уже на этапе включения в Мазур. 240 оно было объединено с предыдущим. Следующий раздел — известие о рождении Ивана Грозного, причем показанное здесь точное время рождения («в 5 часу дни») противоречит данным как Воскресенской, так и Никоновской летописей, которые указывают другое время: седьмой час ночи.¹²³ В Степенной книге точное время рождения Ивана Грозного вообще не указано. После известия о рождении приводятся расчеты, сколько поколений отделяет Ивана Грозного от каждого предка

¹²³ПСРЛ. Т. 8. С. 273; Т. 13. С. 48—49; Т. 21. Ч. 2. С. 629.

начиная с Августа и даже с «Августова отца». Далее помещен текст о приходе на Русь Рюрика с упоминанием его братьев и сына Игоря, от которого «повелися... государи великие князи и иные многие князи и уделные князи». Далее опять следует роспись восходящего родословия от Августа до Ивана Грозного, отличающаяся от предыдущей лишь отдельными формулировками. Далее — роспись нисходящего родословия от Ивана Грозного до Рюрика. Кроме повторения одних и тех же имен и фактов, которые переходят из одной росписи в другую, имеют место и текстовые повторы:

Первый князь пришел в Русь з двемы братья да с племянникомъ. И братия его и племянник бездетны.	Сей первый русской князь пришел от Немець из Прусской земли, а у него два брата Синеус да Трувор бездетны. А у Рюрика сын Игорь да племянник у Игоря Олг бездетен.	Первый князь Рюрик пришел от Прусские земли из Немець, да с ним два брата Труфор да Синеус да племянник их Олг.
от Рюрика пошли дети — великие князи Киевские и Владимирские и Московские и уделные и до сего дни ведутся иные многие князи от него пошли.	И повелися от него государи великие князи и иные многие князи и уделные князи.	
А великие князи дяди и братия отставлены, и бездетные и удельные князи, и тем имена писаны в родословце в столпе. А туто написано, которой от которого пошел и которой которого сын, от Рюрика и до нынешняго царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии.	...уделные князи отставлены и иные многие князи и бездетные и удельные и бездетные князи и детные князи, а писаны в столпе и в [л]ествицех оприче. Туто писаны великие князи и детные, которой от которого пошел и которой от которого сын, от Рюрика и до нынешняго государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии самодержца лествица.	

Текст повторяется не полностью, присутствуют существенные разночтения, что больше похоже не на повторное использование одного письменного источника, а на повторение одних и тех же мыслей, которое часто встречается именно в черновом варианте текста.

Итак, перед нами черновые записи, точнее, выписки из летописи. Можно попытаться уточнить их источник. В них приводятся прозвища князей: Большой (о Ярославе Мудром — в Румянц. 349), Долгорукий, Невский, Калита, Донской,

Темный, которые характерны для родословных книг. Поэтому можно предположить, что источником для составления великокняжеских росписей послужил некий источник историко-родословного характера. Видимо, это была все же летопись (на что прямо указывает автор росписей), но сближенная с материалами родословных книг. Более всего такой характеристике соответствует вступительная часть Воскресенской летописи, родственная по тексту родословным книгам. Историко-родословные главы, о которых идет речь, были присоединены к основному тексту Воскресенской летописи уже после ее написания. Как показано выше, они обнаруживают родство с аналогичными материалами родословных книг и наряду с ними восходят к некоему общему источнику. Из этого источника черпали материалы при создании новых редакций родословной книги. Видимо, он хранился в официальном учреждении. Представляется логичным наименование такой летописи «подлинной летописью царствующего града Москвы» — именно так назвал свой источник автор росписей. Можно предположить, что для их создания он обратился к официальному фонду историко-родословных материалов. Какую цель он преследовал?

Автора росписей, безусловно, интересует последовательность поколений Рюриковичей — предков Ивана Грозного, подсчеты количества поколений между Иваном Грозным и каждым из его предков вплоть до Рюрика и его мифического предка Августа. Называется это произведение Степенной книгой. Видимо, перед нами либо материалы для составления Степенной книги, либо составленные на основе Степенной книги материалы для написания какого-то другого произведения, которое нам неизвестно. Первому предположению противоречит то обстоятельство, что в Степенной книге счет поколений начинается не с Рюрика и тем более не с Августа, а с Владимира Киевского, которому и посвящена первая степень-грань. Но Степенная книга не могла быть и источником рассматриваемого произведения (по крайней мере — единственным источником), так как в ней не указано точное время рождения Ивана Грозного, а Олег не определен как племянник Рюрика (эта подробность встречается только в описанном выше комплексе родословных материалов). Можно сказать, что в рассматри-

ваемых родословиях влияние текста Степенной книги вообще не прослеживается. Отмеченное же противоречие между Степенной книгой и родословными росписями в принципе генеалогического счета могло появиться в ходе работы над текстом Степенной. Вполне возможно, что изначально историю рода Рюриковичей в ней планировали начать с Рюрика, так как почти во всех степенях (кроме III, IV и VII) наряду с обязательным указанием на количество поколений от очередного «самодержца» до Владимира Киевского присутствует и расчет поколений до Рюрика. Этот принцип расчета по поколениям применен и в великокняжеских росписях относительно Ивана Грозного: «государь наш царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, от первого князя Рюрика 20, а от Владимира от великого князя Киевского, которой крестил всю Рускую землю 17, а от другаго Владимира Всеволодича Манамаха 14, а от великого князя Александра Невского 10, а от великого князя Дмитрея Донскаго 6, а от великаго князя Василия Васильевича Темного четвертой, и всего от перваго князя Рюрика двадесятой, а от Римского царя Августа 24, а от Августова отца 25 человек. Рюрик 4-го колена от Пруса, а от Пруса был брат Римскому царю Августу кесарю, а от Августова отца пятой человек». Характерно, что генеалогический расчет относительно Ивана Грозного в обоих произведениях, в росписях и в Степенной книге, помещен непосредственно после известия о его рождении. В Степенной книге аналогичные расчеты относительно других князей никак не связаны с известием об их рождении. В этом также наблюдается близость между росписями и Степенной книгой.

Итак, есть основания предполагать, что бытующий в списках родословной книги Патриаршей редакции с конца XVI в. текст под названием «Степенная книга» представляет собой черновые материалы к составлению Степенной книги. Наверняка это не единственные черновики. Их, конечно же, было больше. Но подобные тексты, как правило, не сохраняются, их уничтожают. Эти же росписи уцелели, можно думать, только потому, что оказались в комплексе историко-родословных материалов, который в XVI в. использовали для составления родословных книг. Отметим, что одновременно с созданием Степенной книги в кругах, близких к царю, составлялся Государев родословец — как полагают исследова-

тели, первая официальная редакция родословной книги.¹²⁴ Поэтому обращение составителя Степенной книги к комплексу родословных материалов закономерно. В нем проявилась связь Степенной книги с традицией родословных росписей и вообще — с генеалогией средневековой России. Именно отсюда в Степенную книгу проникли черты генеалогического сочинения, что отразилось даже в наименовании: «Книга Степенная царского родословия». Благодаря обращению к родословным книгам составителю Книги Степенной удалось определить линию потомков Рюрика — прямых предков Ивана Грозного. Изложение их биографий, по мысли составителя, должно было составить магистральную линию изложения исторического материала. Так, после Жития Бориса и Глеба появилось повествование о Ярославле Мудром, далее — о Всеволоде Ярославиче, о Владимире Мономахе. Это краткие рассказы, не отличающиеся к тому же особенными литературными достоинствами. Их источником послужила в основном Никоновская летопись. В дальнейшем княжеские биографии становятся более пространными. В случае с Даниилом Московским, как блестяще показал А. С. Усачев, удалось отыскать краткое Сказание о Данииле Московском, отразившееся впоследствии в Пискаревском летописце.¹²⁵

По нашему мнению, пример сербского Цароставника вдохновил благовецкого протопопа Андрея на составление сборника не только княжеских, но и митрополичьих житий. Для этой цели была создана новая редакция Жития митрополита Ионы, выполненная по той же схеме, что и написанные ранее Жития Ольги и Владимира. Жития других святых митрополитов, Петра и Алексия, решено было взять в том виде, в каком они существовали в рукописной традиции (в редакциях митрополита Киприана и Пахомия Логофета). Использовались и другие памятники древнерусской книжности, повествующие о событиях отечественной истории. Так, Сказание о чудесах иконы Владимирской Богоматери задействовано в Степенной книге дважды — в VI грани при описании дея-

¹²⁴Это предположение высказал Н. П. Лихачев («Государев родословец» и род Адашевых. СПб., 1897).

¹²⁵Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. С. 316—325.

ний Андрея Боголюбского и в XIII грани при описании нашествия Темир-Аксака. При этом отдельные фрагменты Сказания оказались повторенными дословно. Сюжетные повторы, нарушение хронологической последовательности в изложении событий не единожды встречаются в Степенной книге. И это неудивительно. Как выяснено трудами Н. С. Державина, В. В. Кускова и А. С. Усачева, при составлении Степенной книги привлекался широчайший круг источников.¹²⁶ Это летописи (Никоновская, Воскресенская, Софийская I, Новгородская IV, Летописец начала царства), Хронограф редакции 1512 г., Патерики (Киево-Печерский и Иерусалимский), переводные и оригинальные жития (Климента папы Римского, Стефана Сурожского, Владимира, Ольги, Леонтия Ростовского, Евфросинии Полоцкой, Всеволода-Гавриила, Александра Невского, Сергия Радонежского, Кирилла Белозерского, Пафнутия Боровского, Даниила Переяславского, митрополитов Петра, Алексия и Ионы) и многие другие тексты, бытовавшие в XVI в. в рукописной традиции. Большинство известий Степенной книги возводимо к тому или иному источнику, при этом в Степенную книгу вошли как стилистически переработанные тексты, совместившие чтения разных источников, так и крупные и мелкие фрагменты текста источников без всякого изменения.¹²⁷ Немногочисленные уникальные известия, как показало исследование А. С. Усачева, в большей части следует считать результатом домысла.¹²⁸ Некоторые известия Степенной книги представляют собой сопровождаемое комментарием чтение источника, причем комментарий составителя Степенной книги зачастую придает иной смысловой оттенок всему известию. Например, в рассказе о приходе в Киев при Ярославе Мудром трех мастеров церковного пения из Византии Степенная книга использовала известие Никоновской летописи: «Приидоша в Киев трие певцы от грек с роды своими».¹²⁹ Составитель Степенной книги прибавил, что от переселившихся из Византии в Киев трех певцов распространилось на Руси «ангелоподобное пение», «изрядное

¹²⁶ Их наиболее полный обзор см.: Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. С. 357—360, 484.

¹²⁷ См. об этом: Там же. С. 374—415.

¹²⁸ Там же. С. 340—357.

¹²⁹ ПСРЛ. Т. 9. С. 85.

осьмогласие», «трисоставное сладкогласование» и демественное пение. Исследователи древнерусской церковной музыки еще в XIX в. обратили внимание на «уникальность» этого сообщения Степенной книги. Дело в том, что демественное пение появилось на Руси не ранее XV в.¹³⁰ Таким образом, Степенная книга перенесла реалии XV в. в XI в. Составителю Степенной было важно рассказать своим читателям о выдающихся событиях прошлого и охарактеризовать эти события как можно более торжественно и подробно. Важно было создать в воображении читателя зримый образ, и лучшими средствами для этого были современные реалии. Другой пример комментирования летописного известия в Степенной книге связан с почитаемой иконой Димитрия Солунского из Успенского собора московского Кремля. Обратившись к летописному тексту о принесении из Солуны во Владимир «гробной доски» св. Димитрия Солунского, составитель Степенной книги добавляет: «Его же бяше и образ на той дъске написан, иже и доньне видим есть и покланяем в богохранимом граде Москве в велицей съборней церкви Пречистыя Богородици».¹³¹ Таким образом, реликвия домонгольского времени была отождествлена с чтимой в Москве иконой. Эта атрибуция тогда же или в несколько более позднее время была зафиксирована на специальной табличке, укрепленной на стене собора рядом с иконой.¹³²

Процесс составления текста Степенной книги может быть прослежен довольно-таки полно. Такую возможность предоставляет черновик — Волковский список. В его написании деятельное участие принимал редактор, который своим характерным почерком расставлял и переделывал заголовки, переставлял фрагменты текста,¹³³ сокращал и распространял включаемые в Степенную книгу произведения.¹³⁴ Этот про-

¹³⁰Протопопов В. В. Русская мысль о музыке в XVII в. М., 1989. С. 5.

¹³¹СКДС 265.

¹³²Смирнова Э. С. Храмовая икона Дмитриевского собора. Святость солунской базилики во владимирском храме // Дмитриевский собор во Владимире: К 800-летию создания. М., 1997. С. 227—231.

¹³³См. напр., перестановку фрагмента, сопровождаемую характерной редакторской пометой «Писано» для устранения появившегося текстового повтора (л. 310 об.).

¹³⁴См. дополнения, вставленные в текст Жития князя Всеволода Псковского (изначально редактором, а затем перебеленные писцом) (Охотникова В. И.

цесс творческой работы составителя показывает, что композиционные особенности Степенной книги были выработаны и усвоены по мере редактирования текста. Так, на позднем этапе работы над текстом появилось его разделение на грани, главы и титла. При этом поначалу глава разделялась еще на несколько глав (например, 72-я глава I грани, 7-я глава III грани). Отдельные тексты (например, Сказание о чудесах Всеволода Псковского) планировалось поместить «кроме глав», т. е., видимо, в конце текста, после окончания XVI грани, которой первоначально завершался текст Степенной книги. От этих дополнений в окончательном варианте осталось только Сказание о Данииле Переяславском, учителе Андрея-Афанасия — единственное не княжеское и не митрополичье житие в составе Степенной книги.

Уже в то время, когда текст памятника был почти полностью отредактирован, редактор сделал несколько попыток разделить его на обособленные сказания, состоящие из нескольких глав, а также поместить некоторые материалы после окончания основного текста. И только на более позднем этапе появилась идея композиции Степенной книги. Здесь представляется наиболее вероятным влияние традиции Кормчих книг, а именно Кормчей Вассиана Патрикеева.¹³⁵ Она обнаруживает близость с черновиком Степенной книги в части оформления заголовков и колонтитулов. По всей вероятности, был привлечен список РГБ, ф. 224 (собр. Д. В. Пискарева) 39. Эта рукопись написана известным сподвижником Максима Грека Исаком Собакой и была передана Вассианом Патрикеевым великому князю, после чего хранилась в великокняжеской казне.¹³⁶ Весьма вероятно, что разделение текста Степенной книги на грани и главы — следствие знаком-

Псковская агиография XIV—XVII вв. Исследования и тексты. СПб., 2007. Т. 1. С. 123—124). Распространен был и первоначальный рассказ об убиении князя Глеба (л. 232 об.—234).

¹³⁵ Казакова Н. А. К изучению Кормчей Вассиана Патрикеева // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 345—349; Белякова Е. В. Особые редакции Сборника XIV титулов в византийско-славянской традиции // Церковь в истории России. М., 1999. Сб. 3. С. 36—40.

¹³⁶ Судные списки Максима Грека и Исака Собаки / Изд. подгот. Н. Н. Покровский, под ред. С. О. Шмидта. М., 1970. С. 101, 183; Клосс Б. М. Никоновский свод... С. 69.

ства Андрея-Афанасия с этой рукописью. Совмещение двух терминов («степень» и «грань») для обозначения основных разделов Степенной книги представляется явной накладкой, которая вызвана одновременным влиянием двух традиций — родословных и Кормчих книг. На позднем этапе работы над черновиком Степенной книги редактор расставил даты (в первоначальном тексте даты встречались чрезвычайно редко). Следующий этап — составление Гранесования. Отметим, что XVII грань к этому времени еще не была написана. Возможно, во время работы над ее текстом осуществлялась переписка Томского и Чудовского списков, в которых текст этой грани и ее Гранесования выполнен другими почерками. Вопрос о времени создания XVII грани напрямую связан с проблемой адресации Степенной книги. А. С. Усачев показал, что первоначально текст Степенной книги не имел указаний на события позднее 1560 г.¹³⁷ В 1561 г. в Москву доставили грамоту восточных патриархов, подтверждающую царский титул русских самодержцев. Возможно, Степенная книга должна была явиться одним из аргументов, подтверждающих право московских Рюриковичей на царский титул. Однако в тексте Томского и Чудовского списков есть рассказ о взятии Полоцка, которое произошло 15 февраля 1563 г. А. С. Усачев обратил внимание на то обстоятельство, что в тексте Томского списка в соответствующем месте присутствует кодикологический шов.¹³⁸ Такой же шов, но менее заметный, есть и в Чудовском списке. Оба списка, видимо, передали здесь структуру своего протографа, черновика Степенной книги, в котором известие о взятии Полоцка было вставлено позже написания основного текста XVII грани. Из этого следует, что работа над текстом XVII грани продолжалась по меньшей мере до второй половины февраля 1563 г. Списки Томский и Чудовский были созданы не позднее 31 декабря 1563 г., когда умер митрополит Макарий, упоминающийся в тексте обоих списков как здравствующий глава русской церкви. В заголовке XVII грани (как в основном тексте, так и в Гранесовании) в списках Томском и Чудовском после имени Макария оставлено пустое место для написания имени следующего митрополита, однако

¹³⁷Усачев А. С. К вопросу о датировке Степенной книги // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 4 (22). Декабрь 2005 г. С. 33—40.

¹³⁸Там же. С. 38—39.

оно осталось незаполненным. Из этого можно заключить, что окончательное формирование рассматриваемых списков происходило с середины февраля до конца декабря 1563 г. Работа над текстом черновика продолжалась, поэтому можно предположить, что завершение беловых было приурочено к некоему мероприятию. Таковым в 1563 г., скорее всего, было триумфальное возвращение Ивана Грозного из Полоцка в Москву, которое произошло 21 марта.¹³⁹ Возможно, именно тогда Томский список был поднесен царю, а Чудовский список — митрополиту. На это указывает поспешность, с которой работали над завершением Томского списка. В то время, когда списки Томский и Чудовский были уже полностью написаны, в текст Степенной книги одновременно (поскольку одним почерком) вставили два заимствования: рассказ о посмертном крещении из Печерского патерика в 75-й главе I грани¹⁴⁰ и справку о происхождении мироточивого образа Николы чудотворца в 16-й главе XIII грани.¹⁴¹ Обе вставки были сделаны в текст черновика и его беловых копий.

Как указывалось, редактирование Степенной книги после торжественного акта представления Томского и Чудовского списков не было прекращено. В черновик внесли похвалу роду Владимира (в 72-ю главу I грани). Этот текст вписан и в Чудовский список. Томский список, видимо, был в это время недоступен редактору, и данную вставку в его текст не внесли. Однако несколько позднее сюда были внесены тексты с расчетами сроков святительства митрополитов, причем сделано это было одним из почерков Чудовского списка,¹⁴² т. е. писец, принимавший участие в создании Чудовского списка, в более позднее время имел доступ и к Томскому списку. Приписки с расчетом сроков святительства митрополитов помещены в начале каждой грани. В большинстве случаев приписка лаконично указывает количество лет святительства того или иного митрополита. Иногда от составителя приписки требовались более пространные комментарии. Так, по поводу святительства митрополита Киприана он написал сле-

¹³⁹См. его описание: ПСРЛ. Т. 13. СПб., 1904. С. 365.

¹⁴⁰СКДС 200/в—в.

¹⁴¹СКДС 481/в—в.

¹⁴²Покровский Н. Н., Журавель О. Д., Сиренов А. В. Археографическое предисловие // СКДС. Т. 1. С. 14. Данное наблюдение сделано О. Д. Журавель.

дующее: «Сии два митрополита: Киприан, еще при Алексее чудотворце четыре лета в Киеве святительствова, и по Алексее чудотворце прииде Киприан на Москву, и пребысть 3 лета, отъиде в Киев, и тамо бысть 6 лет. Тогда же бысть на Москве Пимин митрополит, и поиде Пимин третее в Царьград и преставися в Халкидоне. В та же лета и Дионисий митрополит из Царяграда иды на Москву, его же поима в Киеве князь Владимир Олгердович, и седел в нятстве 2 лета, и преставися, и положен бысть в пещере киевской. Тогда Киприану митрополиту бывшу в Киеве, и потом Киприан паки бысть на Москве во святительстве 17 лет. И всего бысть на митрополии Киприан в Киеве и на Москве лет 30 без полутретья месяца». ¹⁴³ Подобные же, хотя и не столь пространные объяснения автору приписок пришлось давать по поводу митрополитов Исидора, смещенного с митрополичьего престола, и Спиридона-Саввы, который был литовским митрополитом, однако окончил свои дни в Ферапонтове монастыре. ¹⁴⁴ Следует отметить, что для составления рассматриваемых приписок недостаточно было пользоваться только текстом Степенной книги, нужно было обратиться к летописям. Таким образом, эту работу вполне можно расценить как редакторскую, которая окончательно оформила Томский извод Краткой редакции. Можно довольно точно датировать составление приписок. В Томском списке не сохранился первый лист заключительной, XVII грани и, соответственно, утрачена последняя приписка с расчетом сроков святительства митрополитов — современников Ивана Грозного. Однако текст этой приписки донесли две копии Томского списка, сделанные во второй половине XVII в. — списки БАН, П.І.В1 и РГБ, ф. 205 (собр. ОИДР) 252. Там она читается следующим образом: «Сии митрополиты быша на Москве: Иоасаф 3 лет и остави, Макарей 22 лет без полутретья месяца, Афанасей 2 лет и 3 месяца и остави, Филипп». ¹⁴⁵ Не указан срок святительства митрополита Филиппа Колычева, что свидетельствует о составлении приписок

¹⁴³СКДС 446/5.

¹⁴⁴СКДС 527/1, 614/6.

¹⁴⁵Сиренов А. В. Краткая редакция Степенной книги // Рукописная книга Древней Руси и славянских стран: от кодикологии к текстологии. СПб., 2004. С. 132.

во время пребывания Филиппа на митрополии, т. е. в 1566—1568 гг.

Формирование текста Степенной книги на создании двух беловых списков не завершилось. Как свидетельствует восходящий к черновику Пискаревский список, черновик оставался объектом редактирования и после завершения работ над Томским и Чудовским списками. Отметим, что приемы редактирования остались прежними. Так, редактор сделал несколько вставок. Во-первых, вставлены две вводные статьи, первая из которых, представляющая собой перечень епархий русской митрополии, является заимствованием из Патриаршего списка Никоновской летописи — того самого, который привлекался при составлении основного текста Степенной.¹⁴⁶ Во-вторых, вставлено дополнительное оглавление «Новые чудотворцы», помещенное перед главным — Гранесованием, которое в свое время также было вставлено в уже написанный основной текст памятника. В-третьих, вставлено Сказание о чудесах митрополита Алексия: оно помещено после его Жития в XI грани. Это Житие, как показано выше, также было вставлено на одном из поздних этапов редактирования текста. Таким образом, редактор к одной вставке прибавил другую. Подобное добавление он сделал и в тексте 9-й главы XII грани. В списках Томском и Чудовском к концу этой главы редакторским почерком приписано известие о чудесах от иконы Тихвинской Богоматери. В Пискаревском списке вслед за этим известием (оно помещено уже в основном тексте) читается другое — о чудесном образом раздавшемся колокольном звоне в Нижнем Новгороде.¹⁴⁷ Обе вставки касаются чудесных явлений, и появились они в одном месте текста. Наконец, в числе позднейших редакторских изменений черновика — унификация заголовков. В значительной их части именительный падеж был изменен на предложный. Характерно, что некоторые заголовки в Волковском списке первоначально написаны в именительном падеже и в процессе редак-

¹⁴⁶Об использовании Патриаршего списка Никоновской летописи при составлении основного текста Степенной книги см.: *Клосс Б. М. Никоновский свод... С. 193.*

¹⁴⁷СКДС 456/в—в, 53.

торской работы в них появляется предложный падеж.¹⁴⁸ Нечто подобное встречаем и в Житии Даниила Переяславского — другом произведении Андрея-Афанасия. Здесь текст также разделен множеством заголовков, большинство которых написано на полях. Почти все заголовки сформулированы в предложном падеже, например: «О путном шествии»,¹⁴⁹ «О послании к митрополиту»¹⁵⁰ и др. В некоторых случаях предложный падеж введен искусственно: «О еже не быти баням в монастыри»¹⁵¹ и др. В некоторых случаях (в 12-ти из 62-х) подзаголовки сформулированы в именительном падеже: «Зачало»,¹⁵² «Изшествие»¹⁵³ и др. В Волковском списке большинство подзаголовков изначально были сформулированы в именительном падеже. Часть их исправлена на предложный падеж на раннем этапе и в таком виде отразилась в Томском и Чудовском списках, а часть была исправлена позже и отразилась в Пискаревском списке.

Общие черты в приемах редактирования черновика Степенной книги до написания Томского и Чудовского списков, а также после создания этих списков свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что в обоих случаях работал один редактор. Характерно, что позднейшая правка черновика не была учтена не только в царском Томском списке, но и в митрополичьем Чудовском списке. Видимо, редактор к тому времени утратил доступ к митрополичьей библиотеке. Поскольку, по нашему мнению, редактором был митрополит Афанасий, то это могло произойти после его удаления в 1566 г. на покой. Некоторые черты его позднейшей редакторской работы (упоминание Марии Темрюковны и митрополита Антония) позволяют предположить, что он работал над черновиком Степенной книги на протяжении 60-х—начала 70-х гг. XVI в. — видимо, до самой своей смерти, поскольку в 1575 г. имя

¹⁴⁸ Например, на л. 171 об. заглавие 37-й главы I грани «О крещении сыновей Владимирех» исправлено из «Крестишася сынове Владимири», и т. п.

¹⁴⁹ Житие преподобного Даниила, переяславского чудотворца, Повесть о обретении мощей и Чудеса его / Издание С. И. Смирнова. М., 1908. С. 22.

¹⁵⁰ Там же. С. 23.

¹⁵¹ Там же. С. 39.

¹⁵² Там же. С. 6.

¹⁵³ Там же. С. 11.

митрополита Афанасия было включено в составленный в этом году синодик Троице-Сергиева монастыря,¹⁵⁴ т. е. к этому времени он был уже мертв. Если предложенная здесь реконструкция составления Степенной книги верна, то Андрея Афанасия можно назвать одним из наиболее выдающихся отечественных историков, а созданный им историографический труд — главным делом его жизни.

¹⁵⁴Клосс В. М. Никоновский свод... С. 263.

Глава 3

СТЕПЕННАЯ КНИГА И ЛИЦЕВОЙ ЛЕТОПИСНЫЙ СВОД

Лицевой летописный свод — крупнейший иллюстрированный кодекс русского Средневековья — в числе своих источников имел и Степенную книгу. До настоящего времени исследователи не имеют точного представления об объемах этого масштабного мероприятия. Уже в XVII в. Лицевой свод бытовал в виде разрозненных томов, а то и кип отдельных листов. Почти на каждом листе присутствует миниатюра, но не все они в XVII в. были расцвечены, некоторые содержали только прорись композиции. В 1677 г. по специальному царскому указу иконописцы Оружейной палаты раскрашивали такие незавершенные миниатюры.¹ Однако и эта работа не была доведена до конца, так как до настоящего времени некоторые миниатюры остались нераскрашенными. Видимо, так случилось потому, что к моменту работы иконописцев Оружейной палаты им была доступна только часть листов некогда единого комплекса. Во второй половине XVIII в., когда началось деятельное собирание русских летописей с целью изучения на их основе русской истории, тома и листы Лицевого свода были распылены в еще большей степени. Поэтому долгое время исследователи не воспринимали отдельные тома Лицевого свода как части одного произведения. Из комплекса текстов свода, как правило, выделяли повествование о русской исто-

¹ Богданов А. П., Пентковский А. М. Сведения о бытовании Книги Царственной («Лицевого свода») в XVII в. // Исследования по источникововедению истории СССР дооктябрьского периода: Сб. ст. М., 1983. С. 69.

рии и, поскольку основным источником здесь была Никоновская летопись, эту часть Лицевого свода называли лицевым списком Никоновской летописи. Разновременность работы над миниатюрами (т. е. отмеченный выше факт раскраски отдельных миниатюр в XVII в.) породила разноречивые мнения относительно времени создания Лицевого свода. Так, многие исследователи XIX—начала XX в. считали его памятником исключительно XVII в. Только изучение филиграней Лицевого свода, проведенное Н. П. Лихачевым, показало со всей очевидностью, что данный памятник древнерусской историографии был создан в 70-е гг. XVI в.² Среди более поздних исследований Лицевого свода следует выделить работы Б. М. Клосса, А. А. Амосова и В. В. Морозова. Для решения вопроса о происхождении свода существенным представляется наблюдение Б. М. Клосса, который зафиксировал использование в рукописях Лицевого свода той же бумаги, что и в печатной Псалтири, изданной в 1577 г. в Александровой слободе.³ Развитое впоследствии А. А. Амосовым, это наблюдение легло в основу не только датировки Лицевого свода, но и наших представлений об авторстве этого уникального памятника отечественной историографии.⁴ Несомненна близость автора Лицевого свода к царскому окружению. Об этом свидетельствуют и приписки на полях одного из томов — так называемой Царственной книги. Как показал Д. Н. Альшиц, их автор проводил идеи Ивана Грозного.⁵ Теперь появились и кодикологические доказательства в пользу того, что Лицевой свод вышел из ближайшего окружения Ивана Грозного. Весьма возможно, что создавался он в опричной Александровой слободе.

Первым выделил заимствования в Лицевом своде из Степенной книги А. Е. Пресняков;⁶ этот перечень был дополнен

² Подробный историографический обзор см.: Амосов А. А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного. Комплексное кодикологическое исследование. М., 1998. С. 32—119.

³ Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С. 246—249.

⁴ Амосов А. А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного. С. 206—222.

⁵ Альшиц Д. Н. 1) Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени // Исторические записки. М., 1947. Т. 23. С. 251—289; 2) Источники и характер редакционной работы Ивана Грозного над историей своего царствования // Труды Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1957. Т. 1 (4). С. 119—146.

⁶ Пресняков А. Е. Московская историческая энциклопедия XVI в. // Известия ОРЯС. СПб., 1900. Т. 5. Кн. 3. С. 858, 861, 863—866.

В. В. Морозовым.⁷ Таким образом, в настоящее время известен 21 случай привлечения Степенной книги в качестве источника при создании текста Лицевого свода. Это рассказ о чуде от новгородской иконы Знамение и походе на Новгород Андрея Боголюбского, вставки в биографию Александра Невского, известие о смерти Варлаама Хутынского, Повесть о Михаиле Черниговском и его боярине Федоре, Повесть о Темир-Аксаке, Сказание о великой княгине Евдокии, жене Дмитрия Донского, фрагменты 4-й главы XV грани, повествующей о присоединении Новгорода при Иване III, Повесть о чудесном рождении Василия III, фрагменты Повести о пришествии Ахмата на Угру в 1480 г. с посланием Вассиана Рыло, известие о посылке воевод на вогуличей под 1483 г., фрагмент рассказа о соборе на новгородских еретиков в 1491 г., чудеса Александра Невского (явление в 1380 г., пожар во Владимире в 1491 г. и исцеление духовника Ивана Грозного), известие о поимке Андрея Ивановича Углицкого, Повесть о нашествии на Москву Магмет-Гирея в 1521 г., Повесть о чудесном рождении Ивана Грозного, Похвала Василию III (известна по тексту Александро-Невской летописи), Повесть о болезни и смерти Василия III, прорицание казанской царевны Ковгоршад, пять рассказов о знамениях перед Повестью о поставлении Свяжска, рассказ о чудесном прокормлении русского войска на пути к Казани, четыре рассказа о чудесах, предзнаменовавших падение Казани.

Прежде чем перейти к подробному рассмотрению перечисленных заимствований, остановимся на вопросе, какой именно список Степенной книги был привлечен при создании Лицевого свода. В. В. Морозов полагает, что это был Чудовский список,⁸ и с этим нельзя согласиться.⁹ Гораздо ближе и

⁷ Морозов В. В. Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века. М., 2005. С. 121—122.

⁸ Морозов В. В. 1) Царственная книга и книга Степенная царского родословия // Конференция по истории средневековой письменности и книги 25—27 октября 1977 г.: Тезисы докладов. Ереван, 1977. С. 58—59; 2) Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века. С. 102.

⁹ Есть несколько чтений Лицевого свода, сближающих его с Чудовским списком Степенной книги. Так, в Житии Михаила Черниговского в чтении «Батыеви же разумна бысть вся доблесть святаго», также заимствованном из Степенной книги, в Лицевом своде читается не «доблесть», а «добле»

текстуально, и кодикологически к Лицевому своду оказывается Томский список Степенной книги. Приведем случаи совпадающих чтений Лицевого свода и Томского списка относительно Чудовского (совпадения орфографических особенностей и явные, легко исправимые описки Томского списка во внимание не принимаются). В рассказе о чуде от новгородской иконы Знамение в 1170 г. новгородский архиепископ Иоанн в Томском списке и Лицевом своде ошибочно назван епископом;¹⁰ в Томском списке в результате гаплографического пропуска отсутствуют слова «свой. И бысть им тяжек путь» — их нет и в Лицевом сводe.¹¹ В Житии Михаила Черниговского при передаче слов Степенной книги «Да не погибнеша, — рече, — зле» в Лицевом сводe повторена ошибка Томского списка — вместо слова «зле» написано «зде».¹² В чтении Степенной книги «скверными своими руками» в Томском списке и Лицевом сводe отсутствует слово «своими».¹³

Наибольшее число свидетельств использования в Лицевом сводe именно Томского списка Степенной книги приходится на текст Сказания о чудесах иконы Владимирской Богоматери, поскольку это одно из самых пространств заимствований из Степенной книги, к тому же не претерпевшее в Лицевом сводe существенных редакторских изменений. В первую группу выделим орфографические разночтения. Двух заголовков, отсутствующих в Томском списке, нет и в Лицевом сводe: «Молитва»¹⁴ и «О человеце, како спасен бысть от реки».¹⁵ Некоторые заголовки в Томском списке и Лицевом сводe находятся не в тех местах, что в Чудовском списке. Заголовок «О видении на воздухе Владимирския церкви Богома-

(ПСРЛ. СПб., 1885. Т. 10. С. 243) — это, возможно, отражение чтения Чудовского списка, где буквы «добле» расположены в конце л. 319, а буквы «сть» — в начале л. 319 об. В Томском списке это слово находится в середине строки (л. 307 об.).

¹⁰ ПСРЛ. СПб., 1862. Т. 9. С. 242; СКДС 274/47.

¹¹ ПСРЛ. Т. 9. С. 243; СКДС 275/12—12.

¹² ПСРЛ. Т. 10. С. 241; СКДС 317/17.

¹³ ПСРЛ. Т. 10. С. 244; СКДС 320.

¹⁴ ПСРЛ. СПб., 1897. Т. 11. С. 244; СКДС 487/32.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 11. С. 245; СКДС 488/24—25. Это заголовок 7-го титла. Его отсутствие в Томском списке можно объяснить только пропуском, так как там есть заголовки и 6-го и 8-го титл.

тери» в Чудовском списке написан после слов «месяца августа 1 день», а в Томском и Лицевом своде — после слов «дань имати на них»,¹⁶ заголовок «О прилежном молении Киприана митрополита» в Чудовском написан после слов «внука Иванова Калиты Даниловичя», а в Томском и Лицевом своде — после слов «у реки Оки»,¹⁷ заголовок «О всенародном благонадежном молении пред образом Богоматери» в Чудовском написан после слов «образ Иисус Христов», а в Томском и Лицевом своде — после слов «не плачущася».¹⁸ Из всех списков Степенной книги только в Томском списке и его копиях есть заголовок «О иконе Владимирской» — есть он и в Лицевом своде.¹⁹ Заголовок «О Темире Аксаке» в Томском списке написан как «О Темире» (его продолжение «же Аксаке» приписано скорописью XVIII в.) — такое же чтение и в Лицевом своде.²⁰ Можно указать несколько случаев, когда пропущенные в Томском списке слова отсутствуют и в Лицевом своде: в заголовке «О послании по чудотворную икону Богоматери во град Владимирь» пропущены слова «во град Владимирь»;²¹ в чтении «Он же от страха ничто же можаше проглаголати, точию трясашеся и стеньаше, и много время яко безгласен пребысть» пропущены слова «и много время яко безгласен пребысть».²² В нескольких случаях замена синонимов Томского списка отразилась в тексте Лицевого свода: в обращении к Богородице «О, Пречистаа Госпоже» вместо «Госпоже» читается «Госпоже Дево»;²³ в чтении «егда от иконы Богородичины огненныя луча сияху» вместо «Богородичины» читается «Владычны»;²⁴ в чтении «с Святым Благим и Животворящим Духом» вместо «Святым» читается «Пресвятым и».²⁵ Можно указать и случаи зависимости чтений Лицевого свода

¹⁶ ПСРЛ. Т. 11. С. 245; СКДС 490/22—22.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 11. С. 249; СКДС 496/20—20.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 11. С. 250; СКДС 499/8—9.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 11. С. 253; СКДС 503/21.

²⁰ ПСРЛ. Т. 11. С. 246; СКДС 491/г—г.

²¹ ПСРЛ. Т. 11. С. 249; СКДС 497/7—8 (в Томском списке слова «во Владимир» приписаны скорописью XVIII в.).

²² ПСРЛ. Т. 11. С. 252; СКДС 502/31—31.

²³ ПСРЛ. Т. 11. С. 244; СКДС 487/33.

²⁴ ПСРЛ. Т. 11. С. 245; СКДС 490/14.

²⁵ ПСРЛ. Т. 11. С. 251; СКДС 501/10.

от расположения текста Томского списка. Вместо заголовка «Чюдо во Златых вратех» в Томском списке (л. 471) в строке сначала было написано «Чюдо о победе на болгары», затем в строке и над строкой исправлено редакторским почерком на «Чюдо во вратех Златых»,²⁶ получилось: «Чюдо о вратех златых еде на болгары». Именно такое чтение встречаем в Лицевом своде.²⁷ В чтении «Благодать моя с тою» в Томском списке последнее слово первоначально было написано как «тобою», что впоследствии исправлено — слог «бо» зачеркнут. В Лицевом своде это исправление не заметили или проигнорировали — там читается «Благодать моя с тобою».²⁸ Наконец, в Лицевом своде отражено произведенное в Томском списке исправление: при описании мора в войске Темир-Аксака первоначальное количество опустевших шатров «100 и десять» в Томском списке исправлено на «120», 120 шатров указано и в Лицевом своде.²⁹ В Послании архиепископа Феофила новгородцам во фразе «преслушания ради святых пророк» в Томском списке и Лицевом своде пропущено слово «святых»;³⁰ в словосочетании «закона отец своих» вместо «своих» в Лицевом своде и Томском списке читаем «ваших».³¹ При описании военного похода Ивана III на Новгород во фразе Степенной книги «Тако же и zde показа Господь» в Томском списке и Лицевом своде последнее слово читается как «Бог».³² В разделе «О брани на Двине» во фразе «с ними же быша устюжане» в Лицевом своде и Томском списке после слова «быша» читается слово «тогда».³³ В рассказе о возвращении Ивана III из новгородского похода в Москву в Лицевом своде и Томском списке к его титулу «великий князь Иван Васильевич, Владимиръский» прибавлено «и Московский».³⁴ В Повести о чудесном рождении Василия III в Лицевом своде

²⁶СКДС 489/в—в.

²⁷ПСРЛ. Т. 11. С. 245; см. в рукописи: БАН, 31.7.30, л. 487 об.

²⁸В издании эта ошибка исправлена без какой-либо оговорки (ПСРЛ. Т. 12. С. 246), см. рукопись: БАН, 31.7.30, л. 485; СКДС 491/6.

²⁹ПСРЛ. Т. 11. С. 254; СКДС 505/15—15.

³⁰СКДС 621/1; ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12. С. 128.

³¹СКДС 621/18; ПСРЛ. Т. 12. С. 128.

³²СКДС 627/15; ПСРЛ. Т. 12. С. 134.

³³СКДС 630/50; ПСРЛ. Т. 12. С. 138.

³⁴СКДС 632/6; ПСРЛ. Т. 12. С. 140.

неоднократно повторяется довольно редкая форма слова — «княиня», причем в этих же местах подобная особенность имеет место только в Томском списке.³⁵ В Послании Вассиана Рыло на Угру в Лицевом своде и Томском списке Угра называется «Югрой».³⁶ В Томском списке и Лицевом своде пропущены слова «и всем призывающим И».³⁷ После слов «страдати за веру» в Лицевом своде и Томском списке прибавлено «Христову».³⁸ В словосочетании «иже до смерти» Лицевой свод и Томский список дают чтение «даже и до смерти».³⁹ В чтении «Аще ли же еже пришися любо» вместо «еже» в Томском списке и Лицевом своде стоит «еще».⁴⁰ В чтении «Все убо тогда и ныне» вместо слова «все» в Томском списке и Лицевом своде читается «и се».⁴¹ В обоих рукописях пропущены слова «Той же»;⁴² во фразе «Се твердое, и честное, и крепкое царство» вместо «се» читается «и»;⁴³ в словосочетании «молитвою Богу» пропущено слово «Богу»;⁴⁴ в чтении «Сим бо образом, владыко» пропущено слово «владыко»;⁴⁵ в чтении «Леонтия, и Исаия, и Игнатия, Ростовьских чюдотворец» пропущено слово «чюдотворец».⁴⁶ В заимствовании из 21-й главы XV грани, посвященной чудесному спасению мощей Александра Невского в пожаре в 1491 г., заголовок «О явлении на воздухе святаго и великаго князя Александра Невского и о пожаре» продолжен словом «володимерском».⁴⁷ Это следствие использования Томского списка, где против заголовка на правом поле скорописью написано «во Владимире» (л. 639).⁴⁸ В основном тексте этой главы в Лицевом своде повторено

³⁵ ПСРЛ. Т. 12. С. 190—191; СКДС 644/53, 57, 65, 67, 89.

³⁶ ПСРЛ. Т. 12. С. 203; СКДС 647/43, 48.

³⁷ ПСРЛ. Т. 12. С. 206; СКДС 651/4—4.

³⁸ ПСРЛ. Т. 12. С. 207; СКДС 651/57.

³⁹ ПСРЛ. Т. 12. С. 207; СКДС 652/19.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 12. С. 208; СКДС 653/16.

⁴¹ ПСРЛ. Т. 12. С. 209; СКДС 653/52.

⁴² ПСРЛ. Т. 12. С. 209; СКДС 653/58—58.

⁴³ ПСРЛ. Т. 12. С. 211; СКДС 655/49.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 12. С. 211; СКДС 655/54.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 12. С. 211; СКДС 656/20.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 12. С. 211; СКДС 656/27.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 12. С. 229.

⁴⁸ СКДС 663. Возможно, эта помета принадлежит составителю Лицевого свода.

индивидуальное чтение Томского списка: «яко к небеси взимаяся» (вместо «яко к небеси изимаяся, яждзаца» остальных списков).⁴⁹ В рассказе о нашествии Магмед-Гирея вместо слов Степенной книги «женут по нас», относящихся к врагам на поле боя, в Лицевом своде приведено ошибочное чтение Томского списка «женут на нас», которое в окончательном варианте было исправлено на «женут нас».⁵⁰ В рассказе о крещении Ивана Грозного в Лицевом своде повторена описка Томского списка: «благоговенно» вместо «благоговейно».⁵¹ В Повести о болезни и смерти Василия III в нескольких местах, где составителем Лицевого свода сделаны вставки, в Томском списке поставлены отметки (о них см. ниже). В Томском списке в чтении «свыше от Вседръжительноя руки милосердаго Господа» слово «руки» исправлено на «десница»⁵² — в Лицевом своде читается «свыше от вседержителныя десница милосердаго Господа».⁵³ Можно предположить, что данное исправление Томского списка, сделанное почерком, похожим на редакторский почерк Лицевого свода, сделано составителем Лицевого свода. В той же Повести о смерти Василия III в чтении «ведяше еа» в Томском списке после слова «ведяше» редакторским почерком вписано слово «бо» — в Лицевом своде читается «ведяше бо ея».⁵⁴ В тексте 8-го титла 10-й главы XVII грани «Диво о рыбной ловитве» в Томском списке в чтении «извлекоша мрежу, в ней же видеша человека жива» вместо слов «ней же» читается «неже» — та же ошибка присутствует и в Лицевом своде.⁵⁵ В заголовке 22-го титла 10-й главы XVII грани в Томском списке читается «О видении святых апостол и прочих святых» (в остальных списках слово «святых» отсутствует) — такое же чтение видим и в Лицевом своде.⁵⁶ В тексте 24-го титла 10-й главы XVII грани в Томском списке вместо «святой» написано «святы» — эта же ошибка

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 12. С. 229; СКДС 663/49—50.

⁵⁰ ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13. Ч. 1. С. 43, примеч. 1; СКДС 705/46.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 50; СКДС 710/19.

⁵² СКДС 718/32; Томский список, л. 687. В издании отмечено, что исправление сделано более поздней скорописью.

⁵³ ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 124; Т. 13. Ч. 1. С. 415.

⁵⁴ СКДС 719/2; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 416.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 463; СКДС 750/4.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 502; СКДС 754/13.

присутствует и в Лицевом своде.⁵⁷ Итак, приведенные данные сопоставления текста Лицевого свода и древнейших списков Степенной книги позволяют утверждать, что при составлении свода использовался Томский список.

Теперь обратимся к текстуальным заимствованиям из Степенной книги в Лицевом своде и попытаемся определить их характер. В первую группу можно выделить уникальные известия Степенной книги, информацию о которых составитель Лицевого свода не мог извлечь из какого-либо другого источника. Их немного. Во-первых, это известие о посылке воевод на вогуличей, под 1484 г. Оно заимствовано из 17-й главы XV грани (со слов «Воевод же своих великий князь послал...» до слов «устрои его дань даяти себе»⁵⁸). Этого текста нет в других источниках Лицевого свода, поэтому мотивы привлечения Степенной книги в данном случае ясны — Степенная содержала уникальное для составителя Лицевого свода известие. Второе заимствование из Степенной книги — рассказ о ликвидации Иваном III удела, принадлежавшего его брату Андрею Угличскому: «А на Угльч и в Можаяск посла великий князь своих наместников, тогда бо бысть Можаяск за князем Андреем. Брата же своего князя Бориса Василиевича Волотцкаго и детей его, неухыщреннаго их ради нрава, не вреди ничим же».⁵⁹ Этого известия нет в основном источнике Лицевого свода, используемом в рассматриваемой части свода — Никоновской летописи; нет его и в других источниках Лицевого свода. Поэтому, видимо, рассматриваемое известие точно соответствует тексту Степенной книги, в него не было сделано никаких вставок. Следующее заимствование — Похвала Василию III. Этот текст дошел в составе Александро-Невской летописи, которая, как известно, отразила некоторые, в том числе не дошедшие до нас, части Ли-

⁵⁷ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 503; СКДС 755/25.

⁵⁸ПСРЛ. Т. 12. С. 215; СКДС 658. В Лицевом своде в этот текст вставлено два заголовка: «О посылке воевод на Ясыку и Юшана» и «О челобитьи Юшанове и как пожаловал его князь великий». В. В. Кусков полагал, что данное известие было заимствовано из Никоновской летописи (Кусков В. В. Степенная книга как литературный памятник XVI века: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1951. С. 256, примеч. 5), но это не так. Исследователь ошибочно принял за чтение Никоновской летописи чтение Лицевого свода.

⁵⁹СКДС 665; ПСРЛ. Т. 12. С. 231—232.

цевого свода. Похвала Василию III читается там не с начала, а со слов «архиереом же и всему священному собору благо-разумный согласник».⁶⁰ Начало этого текста утрачено, поэтому можно только установить, что в данном случае использована 24-я глава XVI грани Степенной книги, однако остается неизвестным, с начала главы заимствован текст в Лицевой свод или нет. Заимствование оканчивается словами «всячески тщашеся вместо земнаго царствия Небесное получитьи»⁶¹ и представляет собой агиографическую похвалу Василию III, которая оканчивается известием о его скорой кончине. В текст Степенной книги сделана только одна незначительная вставка: после слов «многим тщанием подражая богомудрому житию святаго и праведнаго своего прародителя достохвалнаго великаго князя Дмитрея Ивановича» в Лицевом своде читается «во всем тому подобяся житием»,⁶² которая является распространением предшествующего текста. По расположению рассматриваемого отрывка в Александро-Невской летописи нельзя понять, где он находился в Лицевом своде.

Уникальными известиями Степенной книги, полностью использованными в Лицевом своде, являются описания чудес, которые предшествовали взятию Казани — титла 5, 6—9, 11, 12, 19, 22—25 из 10-й главы XVII грани. Они имеют источником, по-видимому, устные предания.⁶³ Первое из них, прорицание казанской царевны Ковгоршад о скором падении Казанского ханства от русского оружия (5-е титло), в состав Лицевого свода вошло полностью (со слов «Сия же Ковгоршад царевна, сестра Маагмед-Аминя царя, иже грамоте татарстей научена бысть...» до слов «...еще живу сущу царю их Сафа-Кирею»)⁶⁴. Наряду с рассказом о прорицании царевны Ковгоршад в Степенной книге описаны еще четыре пророчества о взятии Казани: о юродивом татарине, о рожденном от коровы человеке, о выловленном в Волге старике и о появлении в Казани православных монахов, обладающих чудесной непри-

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 29. С. 217.

⁶¹ Там же; СКДС 716.

⁶² ПСРЛ. Т. 29. С. 217, примеч. е, ж; СКДС 716.

⁶³ Кусков В. В. Степенная книга как литературный памятник XVI века. С. 285—286.

⁶⁴ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 440; СКДС 749.

косновенностью и неуловляемостью (титла 6—9, 11 10-й главы XVII грани). Все они полностью помещены в текст Лицевого свода несколько ниже (под заглавием «О знаменях во граде Казани», со слов «Некто татарин в Казани уродив...» до слов «...но обаче глумляхуся»⁶⁵). Отсутствует только указание на номера титл, и в тексте 11-го титла опущены слова «По умертвии же поганого царя Сафа-Гирея», поскольку в текст Лицевого свода не вошло 10-е титло, в котором повествуется о смерти Сафа-Гирея. Текст 11-го титла в Лицевом своде поэтому начат словами «Многажды же видаху татарове...». В Степенной книге частицы «же» нет. Однако в Томском списке она вписана неосновным почерком над строкой.⁶⁶ Вполне возможно, перед нами еще одно свидетельство работы составителя Лицевого свода над текстом Степенной книги. Текст 12-го титла «Знамение на Свяяге» полностью помещен в Лицевом своде под 7059 (1551) г., перед известием о строительстве Свяжска.⁶⁷ Здесь идет речь о видении татарами инока и слышании церковных песнопений на месте будущего Свяжска. Неудачная формулировка Степенной книги «Иногда же видешя яко стреляюща инока того» в Лицевом своде заменена на более понятный текст: «и начаша стреляти его, он же невидим бысть от них».⁶⁸ Вывод, сделанный татарами после созерцания видений, выраженный в Степенной книге как «быти на том месте православию и церквам христианским, и жительствовати ту руским людем», в Лицевом своде несколько скорректирован. Так, вместо слова «православию» читается «Руси».⁶⁹ Таким образом, акцент смещен из области конфессиональной в область государственно-этническую. Рассказ о чудесном прокормлении русского войска на пути к Казани представляет собой текст 19-го титла без начальных строк, в которых повествуется о сборах Ивана Грозного в казанский поход. В Лицевом своде заимствован текст со слов «А от града Мурома государь шел частым лесом и чистым полем...» до слов «...и все бесчисленное воинство всякими потре-

⁶⁵ПСРЛ, т. 13. ч. 1. с. 463; СКДС 749—750.

⁶⁶СКДС 750/56.

⁶⁷ПСРЛ, т. 13. ч. 1. с. 465—466; СКДС 750—751.

⁶⁸ПСРЛ, т. 13. ч. 1. с. 465; СКДС 750.

⁶⁹ПСРЛ, т. 13. ч. 1. с. 466; СКДС 750—751.

бами изобиловаху»,⁷⁰ в нем говорится об изобилии пропитания для русского войска на пути от Мурома до Казани. В Лицевом своде этот рассказ помещен после подробного летописного известия о дороге от Мурома и, таким образом, эмоционально и образно дополняет сухое, фактографичное летописное повествование. Текст титл 22—25 («О видении святых апостол и прочих святых», «О видении святого Николы», «О видении преподобнаго Даниила», «О слышании звону во граде Казани») также приведен в Лицевом своде полностью, кроме 25-го титла. Здесь заимствованы только начальные строки, в которых говорится о колокольном звоне в Казани, и, соответственно, не приведены завершающие слова заголовка титла: «и о приступе къ граду и взятие града».⁷¹ Текст 22—25-го титл, содержащий известия явно легендарного характера, в Лицевом своде помещен непосредственно перед описанием штурма Казани.

Ко второй группе заимствований можно отнести такие случаи, когда пространный текст Степенной книги заменяет краткое известие основного источника Лицевого свода — летописи Никоновской или Воскресенской. Представляется важным выяснить, что именно заставило составителей Лицевого свода предпочесть рассказ Степенной книги, отказавшись в данном месте следовать своему основному источнику. Первая по хронологии повествования вставка из Степенной книги — рассказ о походе войск Андрея Боголюбского на Новгород и чуде от иконы Знамение. Это фрагмент 13-го титла 12-й главы VI грани Степенной книги со слов «И оттоле великий князь Андрей разгневался на Новъград...» до слов «...наведе на них Бог казнь сию и смири их до зела рукою великаго князя Андрея».⁷² Это подробное описание неудачного новгородского похода, который в 1170 г. предпринял владимирский князь, заменило собой краткий рассказ о нем, содержащийся в Никоновской летописи.⁷³ Степенная книга в данном случае, как определил Л. А. Дмитриев, использовала Слово о знаменнии Богородицы в Новгороде, дополнив его рядом известий, извле-

⁷⁰ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 496; СКДС 752—753.

⁷¹ПСРЛ, Т. 13. Ч. 1. С. 503; СКДС 755.

⁷²СКДС 274—276.

⁷³ПСРЛ. Т. 9. С. 241—242.

ченных из разных летописей.⁷⁴ В Лицевом своде оказалась заимствована та часть повествования Степенной книги, источником которой было Слово о знамени.⁷⁵ В заимствованный текст сделаны две вставки из Никоновской летописи: «а в Новгороде бяше тогда князь Роман, сын Мстиславль, внук Изяславль, правнук Мстиславль, праправнук Владимира Маномаша»⁷⁶ и «посадник же бяху тогда Андрей Якуновичь»,⁷⁷ содержащие, как видим, фактические дополнения. Таким образом, в данном случае краткий летописный рассказ о новгородском походе был механически заменен на пространный агиографический.

Подобное заимствование из Степенной книги, а точнее, несколько таковых встречаем в биографии Александра Невского. Повествование об Александре Невском в Лицевом своде начинается с похвалы князю и рассказа о Невской битве. Это первое заимствование из Степенной книги, представляющее собой полный текст 1-й главы и начало 2-й главы VIII грани: со слов «Сей благоверный и благородный, Богом преудобренный и хвалам достойный великий князь Александр Ярославичь...»⁷⁸ до слов «...Преже бо их пришествиа прииде весть, яко sweи идут к Ладозе».⁷⁹ Здесь в Лицевой свод, помимо подзаголовка «Краль» и отметки «Глава 2»,⁸⁰ не попали еще даты татаро-монгольского нашествия («в лето 67[45]») и прихода к Александру Невскому Андреаса Вельвена («Андрияша») («в лето 6749»). Первая из них, правда, в Томском списке написана на поле.⁸¹ Однако это едва ли случайный пропуск составителя Лицевого свода. Скорее, дату не включили сознательно, как и в случае с посольством Андреаса, поскольку

⁷⁴Дмитриев Л. А. Житийные повести... С. 139.

⁷⁵При всех почти заимствованиях из Степенной книги в Лицевом своде отсутствуют заголовки Степенной книги. Исключения из этого правила будут отмечены особо.

⁷⁶ПСРЛ. Т. 9. С. 241.

⁷⁷Там же. С. 242. Здесь допущена ошибка, так как в Никоновской летописи имя посадника — Андрей Якунович (ПСРЛ. Т. 9. С. 241).

⁷⁸ПСРЛ. Т. 10. С. 118; СКДС 323.

⁷⁹ПСРЛ. Т. 10. С. 120; СКДС 326.

⁸⁰Само заглавие 2-й главы в Лицевом своде приведено полностью, за исключением слов «и прочая победы» (СКДС 325; ПСРЛ. Т. 10. С. 119).

⁸¹СКДС 325/а—а; ПСРЛ. Т. 10. С. 119.

в Лицевом своде, согласно с летописной традицией, дата, как правило, указана в начале годовой статьи. Данный же текст помещен в состав статьи 6749 г. По этой же причине в текст Лицевого свода оказалось не включено известие о венчании Александра Невского в Торопце, поскольку оно датировано 6747 (1239) г.⁸² В целом, текст Степенной книги перенесен в Лицевой свод без изменений,⁸³ однако в одном случае, при описании посольства Андреаса, чтение Степенной книги дополнено чтениями основного источника — Никоновской летописи:

Никоновская летопись	Степенная книга	Лицевой свод
Придоша неции от западных стран, иже нарицаются слуги Божии, видети великого князя Александра Ярославичя, внука Всеволожа, правнука Юрья Долгорукаго, праправнука Владимира Мономаха, преправнука Всеволожа, пращура Ярославля, прапращура великого Владимира» ⁸⁴	...быша неции живуци в западных странах, иже по писанию Мефодиа Патаромьскаго нарицаются слуги Божиа, от них же прииде муж славен именем Андриашь ⁸⁵	...придоша нецыи от западных стран, иже по писанию Мефодиа Патаромскаго нарицаются слуги Божиа, от них же прииде муж славен именем Андриашь, хотя видети мудрость, и мужество, и дивный возраст блаженнаго Александра Ярославичя, внука Всеволожа, правнука Юрья Долгорукаго, праправнука Владимира Маномеха, преправнука Всеволожа, пращура Ярославля, прапращура великаго Владимира ⁸⁶

В результате соединения чтений Никоновской летописи и Степенной книги в Лицевом своде появилась путаница: в Никоновской летописи сказано, что на Русь пришли люди, на-

⁸²СКДС 325; ПСРЛ. Т. 10. С. 119.

⁸³Следует отметить вставку, сделанную в Лицевом своде неосновным почерком. При изложении планов немецких завоеваний слова «хотя восприяти Ладогу, и Великий Новъград и всю область Новоградскую» дополнены глоссой «до Валама» (ПСРЛ. Т. 10. С. 120. Стб. 2, примеч. 1). В издании указано, что эти слова приписаны другим почерком позднее, однако скорее всего они принадлежат редактору Лицевого свода.

⁸⁴ПСРЛ. Т. 10. С. 119.

⁸⁵СКДС 325.

⁸⁶ПСРЛ. Т. 10. С. 119.

зывающие себя Божиими слугами, а в Степенной книге идет речь о том, что на Русь пришел Андреас послом от этих людей. В Лицевом же своде в результате механического соединения текстов получилось, что на Русь пришли Божии слуги, от которых к Александру Невскому пришел Андреас.

Следующее заимствование из Степенной книги касается известия о преставлении Варлаама Хутынского. В предыдущей части текста Лицевой свод следует не Никоновской, а Воскресенской летописи и, соответственно, краткое известие своего источника «В лето 6751. Преставися Варлам Хутынский»⁸⁷ заменяет на пространный рассказ об этом событии, извлеченный из Степенной книги.⁸⁸ Однако в Воскресенской летописи известие о преставлении Варлаама Хутынского помещено до описания чуда мироточения в Пскове, а в Лицевом своде — после него. В Степенной книге последовательность сюжетов совпадает с Лицевым сводом. Здесь также представление Варлаама Хутынского описано после мироточения в Пскове, что, по-видимому, и повлияло на составителя Лицевого свода. При передаче известия Степенной книги в Лицевом своде опущена одна деталь: мирское нехристианское имя Варлаама Хутынского (христианское имя «Алекса Михайлович» указано) — «по реклу же Вячеслав Прокшиничь».⁸⁹ В остальном известие передано полностью, включая название главы.

Следующее заимствование — рассказ о хождении Александра Невского в Орду — представляет собой полный текст 3-й главы VIII грани Степенной книги, начиная с названия главы («Хожение Александрово... честь велию воздаде») до ее окончания («...еже стыдетися и почитати их»)⁹⁰. Единственное добавление в Лицевом своде, имя Батгя во фразе Степенной книги «прииде к цареви, и везде благодать Божиа осиаваше его»,⁹¹ можно объяснить стилистическими соображениями. Труднее объяснить пропуск в Лицевом своде фразы «и с великою честию отпусти его»,⁹² тем более, что в Чудов-

⁸⁷ ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 7. С. 152.

⁸⁸ СКДС 322. Этот рассказ представляет собой 16-ю главу VII грани.

⁸⁹ СКДС 322; ПСРЛ. Т. 10. С. 128.

⁹⁰ СКДС 332—334; ПСРЛ. Т. 10. С. 134—135.

⁹¹ СКДС 333; ПСРЛ. Т. 10. С. 135.

⁹² СКДС 333; ПСРЛ. Т. 10. С. 135.

ском списке эти слова написаны на нижнем поле и знаком вставлены в основной текст,⁹³ в Томском же списке они читаются в основном тексте, причем расположены они таким образом, что гаплографический пропуск маловероятен (л. 332). Это единственное место в Лицевом своде, несомненно близкое к Чудовскому списку; при этом текст рассматриваемого заимствования из Степенной книги ближе к Томскому списку, чем к Чудовскому. Поэтому полагаем, что пропуск данной фразы в Чудовском списке и Лицевом своде — случайное совпадение.

Последнее заимствование из Степенной книги в биографии Александра Невского — рассказ о Неврюевой рати — начало 5-й главы VIII грани с заглавия «Пленение Неврюево» до слов «его же ради Богу попустившю».⁹⁴ Данный текст заменил собой повествование Никоновской летописи — основного источника Лицевого свода в этой части. Причина замены — рассказ Степенной книги о неспособности Андрея Ярославича к управлению княжеством, послужившей причиной Неврюевой рати. Этот рассказ входит в число уникальных известий Степенной книги: «Он же, аще и преудобрен бе благородием и храбростию, но обаче правление дръжавы яко поделие вменяя, и на ловитвы животных упражняся, и съветником младомумным внимаю».⁹⁵ Повествование о Неврюевой рати представляет собой соединение двух источников — Никоновской летописи и Степенной книги, в результате чего был создан наиболее пространный текст:

Никоновская летопись	Степенная книга	Лицевой свод
Того же лета прииде из Орды Невруй царевич, и князь Катиак и князь Алыбуга храбрый ратью	...царь Сартак посла воеводу своего Неврюя и с прочими татари. ⁹⁶	Того же лета царь Сартак посла воеводу своего Неврюя и князя Катиака и князя Алыбугу

⁹³СКДС 333/а—а.

⁹⁴СКДС 334; ПСРЛ, Т. 10. С. 138.

⁹⁵СКДС 334. См.: Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009. С. 340—342. Единственное изменение, которое было сделано составителем Лицевого свода — замена первых слов этого фрагмента «При нем же» на «Того же лета» (СКДС 334; ПСРЛ, Т. 10. С. 138), которая позволила более органично включить рассматриваемое известие в летописный текст свода.

⁹⁶СКДС 334.

<p>на великого князя Андрея Ярославича Суздальскаго, внука Всеволожа, правнука Юрья Долгорукаго, и на всю землю Суздальскую.⁹⁷</p>		<p>храбраго и с прочими татары ратью на великого князя Андрея Ярославича Суздальскаго, внука Всеволожа, правнука Юрья Долгорукаго.⁹⁸</p>
---	--	---

Следующее по хронологии заимствование из Степенной книги — Житие Михаила Черниговского. Здесь, положив в основу повествование Степенной книги,⁹⁹ составитель Лицевого свода дополнил его вставками из других источников. Так, первые слова представляют собой заимствование из Воскресенской летописи: «В то же лето убиен бысть князь Михайло Всеволодичь Черниговъский, внук Святославль Олговича, от оканнаго царя Батыя в Орде, и с ним боярин его Феодор».¹⁰⁰ Далее следует фраза, открывающая в Степенной книге Житие Михаила Черниговского («Богу сице попустившю»¹⁰¹), а затем — эмоциональное описание Батыева нашествия, которое заимствовано из Воскресенской летописи (со слов «бысть нахождение безбожных татар на Русскую землю...» до слов «ови убо затворяхуся в градех...»¹⁰²). Далее Лицевой свод исправно следует Степенной книге (со слов «яко егда злочестивый царь Батый...»¹⁰³). Правда, отдельные вставки из других источников в этот массив все же были сделаны. Так, чтение Степенной книги «Сего же хвалам достойнаго великаго князя Михаила кто может многиа его добродетели изглаголати прежняя и настоящая, мужество же и доблести, и еже от самого того възраста чистоту телесную, и душевное незлобие, и кротость нрава, и милостивное к нищим, и любовь к Богу»¹⁰⁴ за-

⁹⁷ ПСРЛ. Т. 10. С. 138.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Текст Степенной книги передан точно, сделаны лишь единичные лексические замены: «досяже» (СКДС 312) на «доиде» (ПСРЛ. Т. 10. С. 239), «повредиша» (СКДС 313) на «погубиша» (ПСРЛ. Т. 10. С. 239), «рече» (СКДС 318) на «глагола» (ПСРЛ. Т. 10. С. 242). В нескольких случаях имеет место незначительная стилистическая правка.

¹⁰⁰ ПСРЛ. Т. 10. С. 237; Т. 7. С. 152.

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. 10. С. 237; СКДС 309.

¹⁰² ПСРЛ. Т. 7. С. 153; Т. 10. С. 237.

¹⁰³ ПСРЛ. Т. 10. С. 237; СКДС 309—310.

¹⁰⁴ СКДС 310.

менено на сходный текст Воскресенской летописи «Сей блаженный великий князь Михаил от уныя версты Бога възлюби и Пречистую Его Матерь, и ум свой к Нему вперив кротостию и милостынею ко убогим, и вся пустошная мира сего отвръг, богатство и славу суетную, иже есть хуждыше паучины».¹⁰⁵ Причина подобной замены непонятна, так как оба текста идентичны по содержанию. Следующая замена чтения Степенной книги чтением Воскресенской или Никоновской летописи вполне объяснима: в Степенной книге сказано, что герой Жития бежал от Батыя в Угры, послав вперед своего сына («Сына же своего посла в Угры. По нем же и сам тамо же бежа з домашними своими»¹⁰⁶), в указанных же летописях о сыне князя речи нет, и это известие составитель Лицевого свода предпочел версии Степенной книги («Сам же князь великий Михаил побеже в Угры и со домочадными своими»¹⁰⁷). Далее, в Лицевой свод оказались включены буквально вкрапленные в текст Степенной книги отсутствующие в ней подробности рассказа о походе Батыя на Киев, навеянные изложением Воскресенской летописи (в Лицевом своде: «иныя же крыяхуся в пещерах земных, а инии затворишася во граде: то те со слезами и покаанием Богу молящеся», «и затворившихся в граде немилостивно изби», «а иже крыяхуся в пещерах, и в горах и в лесех, мало тех остася»;¹⁰⁸ в Воскресенской летописи: «иныя же крыяхуся в пещерах земных, а инии затворишася во градах: то те со слезами и покаанием Богу молящуся, ти тако отъ поганыхъ немилостивно избиени быша, а иже крыяхуся в пещерах, и в горах и в лесех, мало тех остася»¹⁰⁹). При описании наиболее драматического события, когда князь Михаил и его боярин отказались исполнить языческие обряды, в текст Лицевого свода вставлена фраза из Воскресенской летописи: «потом глагола боярину своему Феодору: „Луче ны есть не кланятися, ему же си скверни кланяются“».¹¹⁰ Это решение русского князя «волхвы» передали Ба-

¹⁰⁵ПСРЛ. Т. 10. С. 237; Т. 7. С. 152—153.

¹⁰⁶СКДС 310.

¹⁰⁷ПСРЛ. Т. 10. С. 130; Т. 7. С. 153; СКДС 310.

¹⁰⁸ПСРЛ. Т. 10. С. 237—238.

¹⁰⁹ПСРЛ. Т. 7. С. 153.

¹¹⁰ПСРЛ. Т. 10. С. 240. Т. 7. С. 154.

тью, согласно Степенной книге, таким образом: «[поведаша ему] вся реченная от князя Михаила, яко „сквозе огонь не идем, — реша, — и богом вашим не поклоняемся, имамы бо на небесех Творца всяческим, Ему же мы кланяемся“». ¹¹¹ В Лицевом своде вместо этого текста помещен соответствующий фрагмент из Воскресенской летописи: «великий князь Михаил русский повеления твоего не слушает, сквозе огонь не идет, а богом твоим не кланяется, а глаголет тако: не достоин христианом ходити сквозе огонь, ни кланятися твари, ни солнцу, ни идолом, но кланятися створшему вся Отцу и Сыну и Святому Духу». ¹¹² В чем причина такой замены — непонятно. В обращении к Михаилу Батыя после слов «Аще повеление мое сотвориши, и проидеши сквозе огонь, и поклонишися богом моим, кусту, солнцю же и идолом, то живъ будеши и великому княжению своему господин будеши» в Лицевом своде вставлена фраза «и во всей Русской земли славна ты сотвори», ¹¹³ которой в Степенной книге нет. В отповедь Михаила Елдеге в Лицевом своде вставлена цитата из Послания апостола Павла: «учить бо мя апостол Павел, глаголя сице: „Не бывайте обещницы неверным; кое бо причастие правде к безаконию, кое же общение свету со тмою, и кое согласие Христови с диаволом, и кая часть верному с неверным, и кое сложение церкви Божии со идолы, и како имам оставити Бога жива и поклонитися твари?». ¹¹⁴ Далее в Лицевой свод включено уточнение, что князя Михаила принять требования Батыя просили не только его внук ростовский князь Борис Василькович, но и бояре последнего («бояре же Бориса Василковича глаголаше великому князю Михаилу» ¹¹⁵), чего в Степенной книге нет. ¹¹⁶ Из Воскресенской летописи восстановлена сокращенная в Степенной книге библейская цитата в устах боярина Феодора (в Степенной книге «И что дасть человек измену на души своей?», ¹¹⁷ в Воскресенской летописи «...что дасть человек измену на души своей? Иже бо постыдится Мене и словес

¹¹¹СКДС 315.

¹¹²ПСРЛ. Т. 10. С. 240; Т. 7. С. 154.

¹¹³ПСРЛ. Т. 10. С. 240.

¹¹⁴Там же. С. 241.

¹¹⁵Там же.

¹¹⁶СКДС 317.

¹¹⁷Там же.

Моих в роде сем...»¹¹⁸). Окончательный ответ Михаила Елдеге и последующие события изложены также с обращением к Воскресенской летописи, поскольку в Степенной книге соответствующие подробности отсутствуют: «Князь же Борис Василковичь моляше блаженнаго великаго князя Михаила, да послушает их и сотворит волю цареву. Великий же князь Михаил глаголаше к ним: „Не слушаю вас, ни душу свою погублю“; тогда сойма с себе кочь свой и врьже к ним, глаголя: „Приимете славу света сего, а аз не хочу“»;¹¹⁹ «тогда еха Елдега ко царю поведати, еже глагола ему великий князь Михаил. Стоящима же има на месте том множество христиан и поганых слышахом словеса сиа, яже отвеща великий князь Михаил царю. Тогда блаженный сий князь Михаил и боярин его Феодор начаста пети себе; по отпетии же взяста себе причастие, еже бе дал им отец их духовный и благословив я на тя, иже пострадати за Христа».¹²⁰ К Никоновской летописи восходит беседа Михаила со своим внуком Борисом Ростовским: «...та же рече: „Чядо мое Борисе! Христианом подобает верою и дела почитати Господа Бога, вера бо без дел мертва есть по апостолу, и инде пророческими усты о таковых рече Господь: „Сии людие усты чтут Мя, сердце же далече отстоит от Мене, всуе же чтут Мя“. Глагола же ему внук его Борис: „Тебе убо имамы на земли сей наказателя и утешителя вси“. Рече Михаил: „Земная убо ничто же есть, но и мимо течет, и скоро погыбает и яко сон и яко дым; небесная же благая, и присносущная и бесконечная“».¹²¹ Далее вставлен фрагмент из Воскресенской летописи с известиями, также отсутствующими в Степенной книге: «И глаголаху ему предстоящи: „Княже Михаиле! идут от царя убити ваю, поклонитася и сътворита волю цареву, и жива будета“. Великий же князь Михаил и боярин его Феодор, яко единеми усты, отвещаста: „Не кланяемся, ни слушаем вас, а славы света сего не хотим“».¹²² Из Воскресенской летописи заимствована и после-

¹¹⁸ПСРЛ. Т. 7. С. 155; ср.: ПСРЛ. Т. 10. С. 242.

¹¹⁹Этот текст в Степенной книге помещен ниже; в Лицевом своде он изъят (СКДС 318; ПСРЛ. Т. 10. С. 242).

¹²⁰ПСРЛ. Т. 10. С. 242; ср.: Т. 7. С. 155.

¹²¹ПСРЛ. Т. 10. С. 242; ср. с. 132.

¹²²ПСРЛ. Т. 10. С. 242; ср.: Т. 7. С. 155.

дующая молитва святых, которая заменила собой чуть более краткую, содержащуюся в Степенной книге:

Воскресенская летопись	Степенная книга
«Мученицы Твои, Господи, не отвергошася Тебе, ни отступиша от заповедей Твоих»; и паки: «Страдавшие Тебе ради, Христе, многиа муки претерпеша»; и прочаа мученичны. ¹²³	«Мученицы Твои, Господи, многиа муки претръпеша и любовию Твоею душа съединивше святии» и прочая. ¹²⁴

В рассказе о прославлении мощей святых Михаила и Феодора встречаем весьма редкое для Лицевого свода немеханическое соединение чтений Степенной книги и Никоновской летописи:

Никоновская летопись	Степенная книга	Лицевой свод
И повржѣны быша святаа телеса их псом на снѣдь, и на многи дни лежаще ничим же неврежени. И явися столпъ огнен над телесы их, сияя пресветлыми зарями, и многи свечи горящи, и гласы аггелския поюща... ¹²⁵	Священная же телеса святых и добropобедных мученик суровии варвары в пустая места повржгоша, яко да зверие и птици снѣдят их, мучителю тако повелевшю. На многи же дни лежащим, и ничто же их не прикоснуса, но тако благодатию Христовою неврежена пребыста. На многи же нощи всем явишися столпове огненный над святыми телесы их сияюще пресветлыми зарями, и свѣща многи горящи. Тако Бог славящих Его прославляет. ¹²⁶	Святая же телеса их повржена бысть псом на снѣдение; на многы дни лежащима има, Божию благодатию сохранени быста неврежени телеси ею, но человеколюбец Бог милосердый Господь наш прославляя Своя угоднику, пострадавшие Его ради за правоверную веру христианскую, столп огнен явися надъ телесех ею сияющъ пресветлыми зарями, свѣща горяща, и пения аггелская слышаху на утверждение христианом и на обличение тем, еже оставше Бога истиннаго и поклоняхуса твари, и на устрашение поганым. ¹²⁷

Авторской вставкой составителя Лицевого свода, видимо, следует считать последние слова, обличающие язычников.

¹²³ПСРЛ. Т. 7. С. 155; ср.: Т. 10. С. 242.

¹²⁴СКДС 318.

¹²⁵ПСРЛ. Т. 10. С. 133.

¹²⁶СКДС 321.

¹²⁷ПСРЛ. Т. 10. С. 244.

Следующее заимствование из Степенной книги, Повесть о Темир-Аксаке, полностью соответствует тексту Томского списка и заменяет собой краткий вариант Повести, читающийся в Никоновской летописи.¹²⁸ Ниже в Лицевом своде следует Сказание о Евдокии, жене Дмитрия Донского, которое представляет собой сокращенный текст 14—15-й и 18—19-й глав XII грани. В Лицевом своде сохранен заголовок 14-й главы «Вмале сказание о блаженной великой княгини Евдокии, во инокинях Евфросинии, супружницы достохвалнаго великаго князя Дмитриа Ивановичя Донскаго».¹²⁹ Единственное разночтение с текстом 14-й главы — неправильно указанный срок пребывания княгини в супружестве: 23 года вместо 22-х в Степенной книге.¹³⁰ От 15-й главы, посвященной основанию княгиней Вознесенского монастыря, в Лицевом своде не осталось почти ничего, кроме моральной характеристики героини (со слов «по Бозе трудолюбезно пребываше...» до слов «...житие исправляя кроме всякого тщеславиа»¹³¹). Далее после авторской вставки составителя Лицевого свода «ими же възможно естъ Богу угодити» повествование переходит к 18-й главе XII грани, пропуская таким образом рассказы о перенесении в Москву иконы Владимирской Богоматери (это можно объяснить тем, что подробная Повесть о Темир-Аксаке помещена выше) и о заповеди княгини сыновьям. Здесь трудно объяснить, почему составитель Лицевого свода не включил в свое повествование сюжеты с церковным строительством Евдокии и заповедью сыновьям. Они в равной степени пригодны для иллюстрирования. Можно предположить, что на такое решение повлиял гендерный аспект: возведением храмов и монастырей, а также наставлением наследников престола на страницах Лицевого свода занимаются исключительно сами правители, а не их жены или вдовы. Далее текст 18-й и 19-й глав XII грани, где речь идет о явлении ангела Евдокии и ее посмертных чудесах, приведен без изменений.¹³² Все это довольно обширное повествование

¹²⁸ПСРЛ. Т. 11. С. 243—254; СКДС 485—506.

¹²⁹ПСРЛ. Т. 11. С. 198; СКДС 465.

¹³⁰ПСРЛ. Т. 11. С. 199; СКДС 465.

¹³¹ПСРЛ. Т. 11. С. 199; СКДС 466.

¹³²ПСРЛ. Т. 11. С. 199—201. Единственно, допущена ошибка в дате смерти Евдокии — 6908 г. вместо 6915 г. (ПСРЛ. Т. 11. С. 201; СКДС 469). Эта

заменило краткое известие Никоновской летописи о преставлении княгини Евдокии и погребении ее в основанном ею Вознесенском монастыре.¹³³

Широко использована Степенная книга в повествовании Лицевого свода о присоединении Новгорода Иваном III — всего насчитывается 11 случаев заимствования. Источником здесь стала 4-я глава XV грани Степенной книги. Первое известие этой серии — рассказ о преставлении новгородского архиепископа Ионы. Он заменил краткое известие Никоновской летописи и представляет собой начало 1-го титла 4-й главы (с заголовка «О преставлении блаженаго Ионы...» до слов «...По преставлении же сего прозорливаго и святейшаго архиепископа Ионы людие новоградстии»¹³⁴). В повествовании Степенной книги, в отличие от Никоновской летописи, об Ионе сказано, что он «пророчествова с митрополитом Ионою чудотворцем великому князю Василию Василиевичю, яко сий благородный сын его великий князь Иван разорит вся самовольная обычая людей новоградских и во всю свою волю приведет их, еже и збысться». Видимо, это привлекло внимание составителя Лицевого свода и послужило причиной, по которой чтение Степенной книги предпочли чтению Никоновской летописи. Правда, в Никоновской летописи указано место погребения Ионы: «И положиша тело его в его монастыри в Отни пустыни», чего нет в Степенной. Это чтение в Лицевом своде оказалось вставлено в текст, заимствованный из Степенной книги.

Чуть ниже в Лицевом своде встречаем заимствованный из Степенной книги рассказ о послании в Новгород митрополита Филиппа и поучении новгородцам претендента на новгородскую кафедру Феофила — это помещенный полностью текст 4-го титла 4-й главы XV грани. Рассматриваемый весьма пространный текст двух святительских поучений непокорным новгородцам с призывом подчиниться московскому князю в Лицевом своде помещен после аналогичного обра-

ошибка могла произойти от неправильного прочтения даты SICEI. При своеобразном написании предпоследней цифры, которое встречаем в Чудовском и Томском списках, дату можно прочесть как SICI, т. е. 6908.

¹³³ ПСРЛ. Т. 11. С. 198.

¹³⁴ ПСРЛ. Т. 12. С. 125; СКДС 617.

ния к новгородцам Ивана III, источником которого была Никоновская летопись. В ней далее читается концовка этого сюжета: «То же слышавше новгородстии людие, бояря их и посадници и тысяцкие и жытии люди, котории не хотяше первого своего обычаа и крестнаго целования преступати, ради быша вси сему и правитися хотяще к великому князю».¹³⁵ Вместо этого текста в Лицевом своде и помещено указанное заимствование из Степенной книги, которое оканчивается сходными словами: «Боляре же новгородстии, и посадници, и тысяцкие, и прочии гражане, иже не хотяху первого обычая изменить и крестнаго целования преступити, слышавше словеса послон великаго князя и митрополиче благословение и поучение и своего нареченнаго на владычество Феофила поучение и възбранение, мнози възрадовашся радости великою и по древнему исправитися хотяху к великому князю».¹³⁶ Таким образом, целью включения рассматриваемого пассажа в Лицевой свод представляются два святительских поучения новгородцам покориться великокняжеской власти. Видимо, эта тема была весьма актуальна во время составления Лицевого свода, когда еще были живы воспоминания об опричном походе на Новгород 1570 г. и, можно думать, существовала необходимость актуализировать тему новгородского непокорства и его усмирения.

Следующее заимствование из 4-й главы XV грани — повествование о походе Ивана III на Новгород. Это конец 6-го титла и начало титла 7-го (со слов «Бяше же земля Новоградская...» до слов «...на брезе у озера Илменя»¹³⁷), где повествуется о трудных подступах к новгородской земле, о получении новгородцами известия, что на них движется с ратью сам великий князь, и о посылке ему навстречу их рати. Этот фрагмент вставлен между известиями Никоновской летописи о прибытии войск Ивана III в новгородскую землю и появлении новгородского войска в расположении войск великого князя. Таким образом, текст Степенной книги в данном случае не распространяет текст основного источника Лицевого свода, а дополняет его. Следующее заимствование — фрагмент

¹³⁵ ПСРЛ. Т. 12. С. 127.

¹³⁶ СКДС 621.

¹³⁷ ПСРЛ. Т. 12. С. 133—134; СКДС 626—627.

со слов «И поидоша скоро со многими силами на тех же воевод великого князя...» до слов «а сии ускориша приити».¹³⁸ Эти слова представляют собой переработку соответствующего места Никоновской летописи, предпринятую в Степенной книге, целью которой было риторическое распространение текста Никоновской летописи. Лишь в одном месте Степенная книга несколько сократила текст своего источника. Так, вместо слов Никоновской летописи «аще и в мале беста, — глаголют бо бывшей тамо, яко с пять тысуць их толко бе» в Степенной книге читаем «их же в мале бяше яко тысяць пять». Характерно, что в Лицевом своде читается вариант Никоновской летописи. Это единственная вставка в рассмотренное заимствование из Степенной книги.¹³⁹ Следующий фрагмент — со слов «возвещающе такову преславу, свыше от Бога дарованную ему победу» до слов «и бысть радость велиа во всех».¹⁴⁰ Здесь помимо риторического распространения своего источника, известия Никоновской летописи, которое и заменил рассматриваемым текстом составитель Лицевого свода, автор Степенной книги вставил изречение св. Афанасия о праведности воинов, сражающихся за благочестие, и о том, что их победы следует чествовать. Видимо, поэтому данное заимствование из Степенной книги и попало в Лицевой свод. В его текст была только вставлена дата, отсутствующая в Степенной книге и имеющаяся в Никоновской летописи: «Того же месяца июля в 18 день».¹⁴¹ Далее Степенная книга и Никоновская летопись содержат практически один текст, т. е. в Степенной книге текст Никоновской летописи помещен без изменений — и составитель Лицевого свода следует Никоновской летописи. Однако при первом же существенном разночтении, когда после наименования великокняжеского воеводы Михаила Андреевича относительно Никоновской летописи в Степенной книге имеется дополнительная информация (его фамилия — Верейский), составитель Лицевого свода обратился

¹³⁸ ПСРЛ. Т. 12. С. 135; СКДС 628.

¹³⁹ В Лицевом своде пропущены слова «своего поидоша скороустремительно противу»; этот пропуск можно объяснить галлографической ошибкой при переписке с Томского списка, поскольку там пропущенные в Лицевом своде слова составляют ровно строку (л. 605 об.).

¹⁴⁰ ПСРЛ. Т. 12. С. 136—137; СКДС 629.

¹⁴¹ ПСРЛ. Т. 12. С. 137.

к тексту Степенной книги. Правда, оказалось, что Степенная в данном известии сокращает текст Никоновской летописи. В результате в Лицевом своде оказались совмещены чтения обоих источников, основным из которых все же оставалась Степенная книга (заимствования из Никоновской летописи выделены курсивом):

Никоновская летопись	Степенная книга	Лицевой свод
А князю Михаилу Андреевичу и сыну его князю Василию воеводы новгородские, кои седели <i>в городке в Демону, доби-ли челом и предашася на том, что их головами выпустили, а о ином ни о чем не стоят</i> ; а с города окупа дали 100 рублей новгородскую. ¹⁴²	Князю же Михаилу Андреевичю Верейскому и сыну его князю Василию, стоящю тогда у Великаго Новаграда, им же воеводы новгородские, иже в Новеграде во осаде сидящи, сами с великим молением и поклонением предашася, не радяще ни о чем, но токмо единого живота себе просяще, всего своего имени уступающася, гражане же даша ему с града окупу 100 рублей новгородскую. ¹⁴³	Князю же Михаилу Андреевичю Верейскому и сыну его князю Василию, стоящю тогда у Великаго Новаграда, им же воеводы новгородские, иже в Новеграде в осаде сидящи <i>в городке в Демону, доби-ли челом, сами с великим молением и поклонянием и предашася на том, что их головами выпусти-ти, а они ни о чем не стоят</i> , но токмо единого живота себе просяще, всего своего имени уступающася, гражане же даша ему со града окупу 100 рублей новгородскую. ¹⁴⁴

Из Степенной книги заимствовано также известие о казни лидеров новгородского противостояния: Д. И. Борецкого, В. Губы Селезнева, Е. Сухощюка и К. Арзубьева. В Степенной книге здесь помещено изложение пророчества Зосимы Соловецкого, извлеченное из его *Жития*, так как святой еще при жизни мятежников увидел их обезглавленными. По-видимому, наличие этого пророчества и стало причиной того, что в основу рассматриваемого известия был положен текст Степенной книги (с заголовка «Збытие пророчества преподобнаго Зосимы Соловецкого» до слов «еже и сбысться»¹⁴⁵). Правда,

¹⁴²ПСРЛ. Т. 12. С. 137.

¹⁴³СКДС 629—630.

¹⁴⁴ПСРЛ. Т. 12. С. 137.

¹⁴⁵Там же. С. 137—138; СКДС 630.

в отдельных случаях предпочтение отдано варианту Никоновской летописи. Так, один из казненных назван не Василием Селезевым, как в Степенной книге, а Василием Губой Селезевым — это чтение Никоновской летописи. Другой мятежник назван Еремеем Сухощокком, как в Никоновской летописи, хотя в Степенной книге он — Еремей Сухощекков. Следующее известие, о расправе с другими новгородцами, заимствовано из Никоновской летописи. Однако имя одного из новгородцев, по-разному указанное в Никоновской летописи (Федор Табазин) и в Степенной книге (Федот Базин), приведено в редакции Степенной книги, дальнейший текст опирается на Степенную книгу, дополненную некоторыми подробностями из Никоновской летописи,¹⁴⁶ включая изложение битвы на Двине, причем в последнем случае Степенная книга (а следовательно, и Лицевой свод) содержит текст, идентичный по содержанию, но меньший по объему, чем Никоновская летопись. Здесь налицо противоречие, так как Степенную книгу составитель Лицевого свода привлекал именно для распространения текста. Видимо, переходя от одного источника к другому, от Никоновской летописи к Степенной книге и наоборот, составитель Лицевого свода не всегда мог вовремя переключиться и иногда помещал в своей компиляции краткое известие вместо пространного.

Дальнейшее повествование об исходе битвы на Двине, почти одинаковое в обоих источниках, в Лицевом своде изложено по Никоновской летописи. Далее рассказ о приходе новгородцев к Ивану III с челобитьем заимствован из Степенной книги (с заголовка «О нареченном владыце...» до слов «много пред ним согрешшим»¹⁴⁷), соответствующий текст которой является всего лишь незначительным риторическим распространением известия Никоновской летописи. Слова Никоновской летописи «их деяя пожаловал велел тому нареченному чернцу Феofilу и посадником и тысяцким и прочим и», отсутствующие в Степенной книге, в Лицевом своде вставлены в заимствование из Степенной книги. В последующем тексте Степенной книги о сборе войск в Усть-Шелони сказано кратко:

¹⁴⁶Таковы чтения «на Усть-Шелоны» и «в субботу» (ПСРЛ. Т. 12. С. 138; СКДС 630).

¹⁴⁷ПСРЛ. Т. 12. С. 139; СКДС 631.

«И посла великий князь по всех воевод своих, и по все воинство свое, и по псковичь, идеже кто послан пленити земли новгородския, всем повеле к себе возвратитися». ¹⁴⁸ Никоновская же летопись рассказывает об этом более пространно. Неудивительно поэтому, что в Лицевом своде предпочтен вариант Никоновской летописи. Мирный договор Ивана III с новгородцами изложен также по Никоновской летописи, поскольку там повествование чуть более подробное. ¹⁴⁹ Однако описание возвращения великого князя в Москву дано по Степенной книге, поскольку там оно описано с особенной пышностью: «Богомудрый же благочестиа ревнитель, достохвалный супостатом победитель и собратель Богом дарованнаго ему начальнойшаго отечества, великий князь Иван Васильевич, Владимирский, и Новгородский, и всея Руси самодержец возвратися оттуду к Москве с великою победою...» и так далее. ¹⁵⁰

Наконец последнее заимствование из Степенной книги в повествовании о покорении Новгорода в Лицевом своде сделано при описании торжественного въезда Ивана III в Москву (со слов «повиноватися ему жестоковыйных отступников новгородцев...» до заголовка «О новгородцах, како истопоша на озере на Илмени» ¹⁵¹). Причина того, что составитель Лицевого свода предпочел Степенную книгу Никоновской летописи, все в той же витиеватости и пышности повествования, которая, надо думать, по его мнению, больше соответствовала обстоятельствам победного возвращения великого князя. Правда, и здесь в заимствование вставлены отдельные чтения Никоновской летописи, отсутствующие в тексте Степенной книги. Так, в Лицевом своде сказано, что митрополит встретил великого князя «толко с мосту болшого спед каменого до кладязя площаднаго»; ¹⁵² после слов «и бысть радость велиа всем людем дръжавы его» прибавлено «во граде Москве». ¹⁵³

Следующее заимствование из Степенной книги — Повесть «О чудесном зачатии и рождении великого князя Василиа Ивановича всея Руси самодержца», которая заменила крат-

¹⁴⁸СКДС 631.

¹⁴⁹ПСРЛ, т. 12. С. 140; СКДС 631.

¹⁵⁰СКДС 632.

¹⁵¹ПСРЛ, т. 12. С. 141—142; СКДС 632.

¹⁵²ПСРЛ, т. 12. С. 141.

¹⁵³Там же. С. 142.

кое известие Никоновской летописи о рождении и крещении Василия III. Этот текст, представляющий собой часть 15-й главы XV грани Степенной книги, имеет ссылку на устный источник — рассказ митрополита Иоасафа, который слышал его от самого Василия III. Здесь повествуется о явлении матери Василия III Софье Сергия Радонежского, который предсказал ей рождение наследника престола. При передаче этой легенды в Лицевом своде¹⁵⁴ вставлено извлеченное из Никоновской летописи известие об обстоятельствах крещения Василия III, отсутствующих в Степенной книге: «Крещен же бысть у Троицы в Сергиеве монастыри, а крестил его архиепископ Ростовский Васиан да игумен Паисей Троецкий, априля в 4, в неделю».¹⁵⁵ Это известие вставлено вместо аналогичного, но менее информативного, которое читалось в Степенной книге: «Месяца же априля в неделю цветоносную и святым крещением просвещен бысть в церкви во обители Святыя Троица».¹⁵⁶ После упоминания мощей Сергия Радонежского, у которых был совершен обряд крещения, в Степенной книге читается ссылка «о нем же довлеет быти особному сказанию». Перед нами обычная практика для составителя Степенной книги. Благодаря таким ссылкам восстанавливалась последовательность событий, тематическое единство, зачастую нарушенные своеобразной манерой повествования, свойственной Степенной книге как произведению особого жанра.¹⁵⁷ В рассматриваемом же случае эта типичная для Степенной книги ссылка была повторена в Лицевом своде, где она не имеет аналогов и выглядит чужеродно. По-видимому, она попала сюда по недосмотру составителя.

Следующее заимствование из Степенной книги — Послание на Угру Вассиана Рыло. Оно передано в Лицевом своде почти без изменений (со слов, предшествующих Посланию: «Тогда же быша многа размышления...»¹⁵⁸ до слов «...но воз-

¹⁵⁴Текст Степенной книги передан здесь довольно-таки точно, единственное существенное отклонение — ошибочно указано время рождения младенца: «в 8 час ночи» вместо «в 1 час ночи» (СКДС 645; ПСРЛ. Т. 12. С. 191).

¹⁵⁵ПСРЛ. Т. 12. С. 190, 191.

¹⁵⁶СКДС 645.

¹⁵⁷См.: Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. С. 415—424.

¹⁵⁸ПСРЛ. Т. 12. С. 203; СКДС 647.

брани им Божий промысл»,¹⁵⁹ т. е. захватывает фрагмент текста Степенной книги, помещенный после Послания). Предшествующий и последующий текст Лицевого свода следует Воскресенской летописи, где в данном месте также помещено Послание Вассиана Рыло, причем в той же редакции, что и в Степенной книге, поскольку Воскресенская летопись здесь послужила для Степенной книги источником. В чем же причина того, что рассказ Степенной книги был предпочтен повествованию Воскресенской летописи? Видимо, дело в кратком предисловии к Посланию, с которого в Лицевом своде и начато заимствование из Степенной книги. В нем сказано, что в стане Ивана III мнения относительно дальнейших действий разделились: одни «тцахуся и до крови и до смерти с погаными братися», а другие «на бегъство умышляху, своего живота щадяще». При заимствовании этого текста в Лицевом своде сторонники отступления охарактеризованы словами, взятыми из текста Никоновской летописи: «безсерменом норовники».¹⁶⁰ Видимо, заодно с разбираемым фрагментом из Степенной было переписано и Послание Вассиана Рыло,¹⁶¹ несмотря на то, что в Воскресенской летописи содержится точно такой же текст.

Далее, Степенная книга привлечена при описании церковного собора на жидовствующих (использован текст 20-й главы XV грани с заголовка «Собор на Москве на новгородския еретики» до слов «иже есть особна книга его на утвержение православных»¹⁶²). В Никоновской летописи этому мероприятию отведено немного места, зато в Воскресенской летописи собор описан более подробно. Однако в основу повествования о соборе положен все-таки текст Степенной книги. Причина этого, видимо, в обстоятельном рассказе Степенной книги о ереси жидовствующих, которым начинается глава о соборе. Правда, в рассказ Степенной книги вставлены отдельные под-

¹⁵⁹ПСРЛ. Т. 12. С. 212; СКДС 656.

¹⁶⁰ПСРЛ. Т. 12. С. 203; ср.: Там же. С. 203 (чтение Никоновской летописи «норовников бесерменских»).

¹⁶¹О Степенной книге как источнике Послания в составе Лицевого свода свидетельствует заголовок, завершающий рассматриваемое заимствование фрагмент и целый ряд индивидуальных чтений Томского списка (о них см. выше).

¹⁶²ПСРЛ. Т. 12. С. 224—227; СКДС 661—663.

робности из Никоновской и Воскресенской летописей. Таким образом, получился сводный текст. Его начало, как указано выше, полностью соответствует тексту Степенной книги, слова «октября в 17 день повелением благочестиваго и христороубиваго великаго князя Ивана Василиевича всея Руси государя и иных многих самодержца и истиннаго православию поборника соборовали на митрополиче дворе» представляют собой переработку соответствующих мест Никоновской и Воскресенской летописей.¹⁶³ Чуть ниже в текст Степенной книги сделано еще несколько добавлений на основе Воскресенской летописи: еретики названы «развратниками веры христианской»;¹⁶⁴ указано, что еретики хотели развратить христианскую «чистую и непорочную православную» веру, «еже во Христа Бога нашего во Троицы славимаго и погубити Христово стадо православное христианство», но «и не возмогша»,¹⁶⁵ «и вся мудрость их поглощена бысть».¹⁶⁶ Далее, богословская программа еретиков изложена по Воскресенской летописи (со слов «глаголющим же им про Господа нашего...» до слов «...святых апостол и святых отец»¹⁶⁷) и словами, источник которых пока обнаружить не удастся: «но и болшии Ветхаго Закона держажуся, по-иудейски Пасху праздноваху, и в среду и в пяток мяса и млеко ядыху, и иные многи неподобные еретические дела глаголаху и творяху».¹⁶⁸ Следом за этими словами помещена фраза Воскресенской летописи «их же не мощно и писанию предати, и многих простых людей прелстиша своими скверными ересьми», далее — слова Степенной книги «И абие яко во изступлении ума стаха и быша, яко безгласни», а потом опять текст Воскресенской летописи (со слов «и на соборе пред великим князем...» до слов «и усты исповедающе во веки. Аминь»), повествующий о наказании еретиков. Заключается рассказ ссылкой на Просветитель Иосифа Волоцкого, которая выписана из Степенной книги. Здесь налицо опять попытка создать наиболее полный

¹⁶³ ПСРЛ. Т. 12. С. 224; Т. 8. С. 220.

¹⁶⁴ ПСРЛ. Т. 12. С. 224; Т. 8. С. 220.

¹⁶⁵ ПСРЛ. Т. 12. С. 225.

¹⁶⁶ Там же. С. 226.

¹⁶⁷ Там же; Т. 8. С. 220.

¹⁶⁸ ПСРЛ. Т. 12. С. 226.

рассказ, причем текст Степенной книги используется как для пополнения фактических подробностей, так и для придания повествованию эмоциональной окраски.

Из Степенной книги заимствован и рассказ о пожаре во Владимире в 1491 г. Согласно летописной версии, при пожаре выгорел древний собор Рождественского монастыря и погибли покоившиеся в нем мощи Александра Невского. Степенная книга излагает другую версию происшедшего, чему посвящена 21-я глава XV грани. Перед пожаром люди видели, как над куполом древнего монастырского собора «яко облак легкий протязашеся или яко дым тонок изъвиваяся» — это видение имело очертание всадника, устремляющегося к небесам, и было истолковано как явление Александра Невского. После этого начался пожар, однако гробница святого князя осталась неповрежденной. Далее в Степенной книге приводится, видимо, в качестве доказательства, случай, бывший при посещении Владимира Иваном Грозным. Это случилось в 1550 г. Отправляясь в казанский поход, царь посетил Владимир и молился у мощей своего святого сродника Александра Невского. Далее автор Степенной книги рассказывает от своего имени о чуде, в результате которого у него излечился на руке некий «струп». Свою руку автор опустил в «скважню», т. е. расщелину в каменной гробнице Александра Невского, ощутил «яко в масть некую омочих руку мою», после чего язва, бывшая на руке, исчезла. В Лицевой свод текст 21-й главы вошел целиком.¹⁶⁹ В него вставлены точная дата пожара — «мая в 23 день в понедельник» — и описание понесенного владимирцами ущерба: «во граде же 9 церквей, а на посаде 13 церквей згореша; и многа беда тогда бысть градским людем христианом», которое заменило собой неконкретное указание Степенной книги, что сгорели «такоже и посады». Первая вставка могла быть сделана и из Никоновской летописи, и из Воскресенской.¹⁷⁰ Источник второй вставки можно установить более определенно — такое чтение содержится только в Воскресенской летописи.¹⁷¹ Сверх указанных двух вставок, сделанных в текст Степенной книги, в

¹⁶⁹ ПСРЛ. Т. 12. С. 229—230.

¹⁷⁰ Там же. С. 229; Т. 8. С. 221.

¹⁷¹ ПСРЛ. Т. 8. С. 221.

Лицевом своде есть еще одна, отмеченная еще П. Г. Васенко. После слов «случися быти ту у целбоноснаго гроба блаженаго и великаго князя Александра и мне, грешнейшему» в Лицевом своде читается «Афонасию сиггелу Благовещенскому», т. е. назван автор заимствованного из Степенной книги текста. Здесь едва ли имеет смысл подозревать влияние какого-либо письменного источника. Логичнее предположить, что составителю Лицевого свода было известно об авторстве митрополита Афанасия, поскольку с момента написания Степенной прошло немногим более десяти лет. Важнее другое. Составитель Лицевого свода сохранил форму повествования от первого лица, да еще и указал, кем это лицо является. Еще в третьей четверти XVIII в. появилось предположение, что Афанасий принимал непосредственное участие в составлении Лицевого свода. Шумиловский том, содержащий рассматриваемый текст, бывал тогда в районе Холмогор. С него был сделан список (без миниатюр) — РНБ, F.IV.575. На л. II писцовым почерком написан заголовок рукописи: «Деяния князей великих Василия Василиевича, Иоанна Василиевича и Василия Иоанновича Владимирских, Московъских и Новгородских, яже в Москве, Афанасий сиггел Благовещенский списа». ¹⁷² В дальнейшем это предположение (не в столь категоричной форме, но неизменно без аргументации) неоднократно встречалось в исторической литературе. ¹⁷³ На наш взгляд, сохранение первого лица в рассказе об исцелении автора Степенной книги и вставка имени исцеленного не свидетельствуют об участии митрополита Афанасия в составле-

¹⁷²Отметим, что таким же образом М. В. Ломоносов (по случайному совпадению также имевший, как известно, непосредственное отношение к Холмогорам) датировал создание другого тома Лицевого свода — второго Остермановского. Ломоносов обратил внимание на чтение, попавшее в Лицевой свод из «Хождения» в Царьград, автором которого был Игнатий Смолянин: «отпусти Пимин митрополит черньца Михаила к Царюграду, а Михаил епископ Смоленский — мене, Игнатиа» (см.: ПСРЛ. Т. 11. С. 98—99). В результате знакомства Ломоносова с приведенным чтением на обороте последнего листа рукописи появилась его помета: «NB. Сия книга писана Игнатием чернцом Михаила архiereя Смоленского. Смотри стран. 556». В дальнейшем это предположение утвердилось в историографии на долгие годы (Амосов А. А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного. Комплексное кодикологическое исследование. М., 1998. С. 33—34, 36—37).

¹⁷³См., напр.: Клосс Б. М. Никоновский свод... С. 263.

нии Лицевого свода. Автор Степенной книги крайне редко пользовался своими источниками, оставляя их текст без изменений. Составитель же Лицевого свода, как видим, занимался почти исключительно компилированием, заимствуя из Степенной книги тексты так же механически, как и из имеющих в его распоряжении летописей. Таким образом, это едва ли митрополит Афанасий, талантливый писатель, отличавшийся творческим подходом к литературной работе.

Следующее заимствование из Степенной книги — рассказ о нашествии в 7029 (1521) г. на Москву Магмет-Гирея — представляет собой извлечение из 16-й главы XVI грани (с подзаголовка «О лукавном соединении кралеве с Крымским» до слов «...всех погнаша в осаду, боящися русские рати»¹⁷⁴). Это обширное повествование заменило собой два кратких известия Никоновской летописи, которой Лицевой свод следовал до и после рассматриваемого рассказа. В тексте Степенной книги, помещенном в Лицевом своде, сделаны следующие изменения. Во-первых, изъяты некоторые подзаголовки: «О незапном пришествии цареве за реку Оку», «Угреша»,¹⁷⁵ «Чюдотворный образ Богоматери и прочаа святыни».¹⁷⁶ Во-вторых, сокращена типичная для Степенной книги внутренняя ссылка при упоминании побед Магмет-Гирея над литвой, черкасами и ногаями: «от них же последи и сам з детьми и с прочими его потреблени быша, о них же последи речется». Данное сокращение объясняется тем, что в Лицевом своде отсутствует указанный в ссылке текст.¹⁷⁷ В-третьих, в Лицевом своде соединены тексты Никоновской летописи и Степенной книги в тех случаях, когда в них идет речь об одном событии. Таких случаев два. Первый касается сборов Магмет-Гирея в поход на Москву:¹⁷⁸

Никоновская летопись	Степенная книга	Лицевой свод
Того же лета июля	лукавнейший той царь	Лукавнейший

¹⁷⁴СКДС 700—705; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 37—43.

¹⁷⁵СКДС 701; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 38.

¹⁷⁶СКДС 702; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 40.

¹⁷⁷СКДС 700; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 37.

¹⁷⁸Курсивом отмечены родственные фрагменты текста Никоновской летописи и Лицевого свода, которые не удается привести параллельно.

<p>безбожный гордый крымский царь Магмед-Кирей, забыв своя клятвы правду, на ны воинствует: ни дружбы первые, ниже клятв вспомянул, собрася з братьею своею и з своими детми, и с крымскими людми, и Болшия Орды Заволжская, и с ногаи</p>		<p>безбожный гордый крымский царь Магмед-Кирей, забыв своя клятвы правду, на ны воинствует: ни дружбы первые, ниже клятв вспомянул, собрася з братьею своею и з своими детми, и с крымскими людми, и Болшия Орды Заполжская, и с ногаи</p>
	<p>Маагмед-Гирей со всеми своими безбожными воинствы безвестно и скороустремительно достиже в пределы Русьския.</p>	<p>со всеми своими безбожными воинствы безвестно и скороустремительно достиже в пределы Русския</p>
<p>вскоре прииде безвестно на великого князя отчину, <i>иже при брези Окиреки: с воинством пришед, удобь преиде сию, и коломенская места повоевав...</i></p>		<p>на великого князя отчину.</p>
<p>В лето 7030. Прииде весть великому князю, что безбожный царь Магмет-Кирей Крымски, възгордевся, хочет идти на землю его.¹⁷⁹</p>		<p>И прииде весть к великому князю, что безбожный царь Магмет-Гирей Крымский, възгордевся и прииде к русским пределом,</p>
	<p>Суровейшим же напрасством и великую Оку реку преидоша,</p> <p>Богу сице попустившу им грех ради наших, и множество христианства победиша и попле ниша...¹⁸⁰</p>	<p>суровейшим же напрасством и великую Оку реку <i>удобь преиде, и коломенская места повоевав,</i></p> <p>Богу сице попустившу им грех ради наших, и множество христианства победиша и попле ниша...¹⁸¹</p>

¹⁷⁹ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 38.

¹⁸⁰ СКДС 701.

¹⁸¹ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 38.

Во втором случае при описании выдвижения Василия III с войском против татар вместо чтения Степенной книги «сам же поиде на Волок на Ламъский» в Лицевом своде изначально было написано «сам же князь великий Василей поиде ко граду Коломне и с своею братиею». Такое разночтение обусловлено влиянием Никоновской летописи, где читается: «князь же великий Василий поиде сам ко граду Коломне и с своею братьею».¹⁸² Однако затем в рукописи Лицевого свода слова «Коломне» исправили на «Волоку»,¹⁸³ т. е. в окончательном варианте склонились к версии Степенной книги.

Следующее заимствование — рассказ о чудесном рождении Ивана Грозного — представляет собой 22-ю и начало 23-й главы XVI грани Степенной книги (в Лицевом своде отсутствует только известие о рождении младшего брата Грозного, князя Юрия Васильевича,¹⁸⁴ и окончание заглавия 23-й главы¹⁸⁵). 23-я глава посвящена военным действиям с казанскими татарами, но начинается упоминанием недавно родившегося наследника престола. Можно думать, что это и обусловило включение в Лицевой свод не только 22-й главы, но и первых строк 23-й главы XVI грани. Рождение Ивана Грозного в Степенной книге описано с исключительной пышностью и многоречивостью. В Никоновской летописи, напротив, этому событию отведено всего несколько строк. В Лицевом своде, однако, слова Никоновской летописи о рождении Ивана Грозного «И в лето 7038 августа в 25 день на память святых апостол Варфоломея и Тита в седмый час ноци родися великому князю Василию Ивановичю сын от великиа княгини Елены Глинския» вставлены в рассказ Степенной книги (после слов «подобна ему премудростию, и мужеством, и исправлением благочестиа»¹⁸⁶). Далее после слов Степенной книги «ему же нареченно бысть благодатное имя Иван» вставлены слова Ни-

¹⁸²ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 38.

¹⁸³Там же. С. 39, примеч. 1.

¹⁸⁴Там же. С. 53. Правда, это известие в древнейших списках Степенной книги, Чудовском и Томском, написано на нижнем поле со знаком вставки (СКДС 713/б—б). Составитель Лицевого свода мог его не вписать по невнимательности.

¹⁸⁵«и о лукавстве Исламове, и о рязаньской брани» (ср.: ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 53; СКДС 713).

¹⁸⁶ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 49; СКДС 709.

коновской летописи «Усекновение честныя главы. И бысть же во граде Москве, радость велиа о государьской радости и о государьском сыну рождению; такоже и по всей земли возрадовашася людие радостью неизреченною». ¹⁸⁷ После слов «просвящен бысть святым крещением» сделана последняя вставка из Никоновской летописи: «сентября в 4 день, в неделю, на память святого священномученика Вавилы архиепископа Великия Антиохии». ¹⁸⁸ В рассказе Степенной книги о крещении Ивана Грозного есть противоречие с Никоновской летописью. В последней сказано, что крестили младенца Кассиан Босой, Даниил Переяславский и Иов Курцев. В Степенной книге Иов Курцев не упоминается. В Лицевом своде в текст о крещении Ивана Грозного, заимствованный из Степенной книги, при перечислении старцев, участвовавших в крещении, сделано добавление: «Третий же старец Троецкой Иев Курцов», которое впоследствии зачеркнуто. ¹⁸⁹ Ниже при перечислении крестителей Ивана Грозного названы согласно с текстом Степенной книги только двое, Даниил и Кассиан, однако слова «и Касиан» написаны по стертому, изначально там было написано «и Иев, и Касиан». ¹⁹⁰ Таким образом, поначалу составитель Лицевого свода предпочел версию Никоновской летописи, однако потом исправил свой текст в соответствии с версией Степенной книги. Здесь едва ли стоит предполагать, что фигура Иова Курцева ко времени составления Лицевого свода стала неудобной. Скорее, она выглядела менее значительной рядом с такими авторитетными лицами как Кассиан Босой и Даниил Переяславский. Возможно, поэтому Иов и был исключен из крестителей Ивана Грозного. Для нас здесь важно другое: составитель Лицевого свода явно колебался, какую из версий крещения Ивана Грозного предпочесть — ту, что читается в Никоновской летописи, или версию Степенной книги. Знаменательно, что в результате восторжествовала версия Степенной книги.

Пожалуй, единственный случай, когда обращение составителя Лицевого свода к Степенной книге объясняется не со-

¹⁸⁷ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 49.

¹⁸⁸ Там же. С. 50.

¹⁸⁹ Там же. С. 50—51, примеч. 1.

¹⁹⁰ Там же. С. 51, примеч. 2.

ображениями увеличения «листажа», — это Повесть о смерти Василия III. Этот текст, следующий в Степенной книге непосредственно после похвалы Василию III, дословно переписанной в Лицевом своде (см. выше), и являющийся продолжением той же 24-й главы XVI грани, использован в Лицевом своде выборочно. Здесь основным источником стала первоначальная редакция Повести о смерти Василия III, которая читается в летописном сборнике ГИМ, Воскресенское собр. 154 б, Новгородской летописи Дубровского, Успенском и Царском списках Великих Миней четых и некоторых других сборниках XVI—XVII вв. Как доказано С. А. Морозовым, в Лицевом своде использовался Новгородский свод 1539 г., текст которого содержит и Новгородская летопись Дубровского.¹⁹¹ При этом первоначальная обработка Повести составителем Лицевого свода сохранилась в составе Александро-Невской летописи, в Царственной книге мы имеем дело с окончательным вариантом Повести.¹⁹² Сравнив оба текста, приходим к выводу, что заимствования из Степенной книги были включены в текст Повести уже на первом этапе, так как они отразились в тексте Александро-Невской летописи.¹⁹³ Итак, при создании редакции Повести о смерти Василия III для Лицевого свода Степенная книга привлекалась лишь для отдельных вставок, поскольку текст первоначальной редакции Повести гораздо более подробен, чем редакция этого произведения, помещенная в Степенной книге. И все же фрагменты Степенной книги расставлены по всему тексту Повести в Лицевом своде. Редакторская работа составителя Лицевого свода над Повестью о смерти Василия III в целом отличается большей тщательностью, чем редакторская работа над другими текстами, созданными с привлечением Степенной книги. Начинается Повесть словами первоначальной редакции «И от Троицы князь великий поеде и с великою княгинею и з детми в свою отчину на Волок Ламский тешится, поеде же князь великий на Волок на свое село Озерецкое», далее вставлен фрагмент из Степен-

¹⁹¹ Морозов С. А. Повесть о смерти Василия III и русские летописи // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории: Сб. ст. М., 1978. С. 61, 63.

¹⁹² Там же. С. 61—62.

¹⁹³ ПСРЛ. Т. 29. С. 117—127.

ной книги: «и доиде села своего Озерецкого. И тамо, яко неким от Бога посещением», далее — из первой редакции: «нача немощи», затем — из Степенной книги: «и явися на нозе его знамя болезнено», потом — из первой редакции: «мала болячка на левой стране на стегне на изгибе близ нужного места з булавочную голову: верху у нее нет, ни гною в ней нет же, и сама багрова», далее — из Степенной книги: «И тогда наипаче внимаше себе, яко приближается ему пременение от маловременного сего жития в вечный живот и во блаженный покой, и от того времени усерднейше простирашеся умными молитвами к Богу», затем — из первой редакции: «И оттоле поиде князь великий Василей Иванович в Нахабное село. Из Нахабного же поиде нужно, обдержим болезнию, в Покровское в Фуниково, и ту празнова Покрову святей Богородицы. И оттуду поеде в свое село в Покровское и пребысть ту два дни. В третий же день прииде на Волок нужно в болезни велицей в неделю после Покрова», потом — из Степенной книги «Врачеве же велми прилежаху ему и ничтоже успеха».¹⁹⁴ После этого следует обширный фрагмент из первоначальной редакции со слов «И того же дни бысть пир на великого князя у Иоанна Юрьевича у Шигоны...», где говорится о попытках лечить болезнь великого князя, ухудшении его самочувствия и поездке в Иосифо-Волоколамский монастырь, а оттуда — о возвращении в Москву. После слов «И внесоша его в постелные хоромы» следует заимствование из Степенной книги «и тако изволением Божиим, аще и крепче болезнуя, но обаче адамантская его царева душа, крепчайшее благодарение и прилежнныя молитвы иже к Богу непрестанно бяху во устех его».¹⁹⁵ После слов «явствено свящася маслом. И» вставлены слова Степенной книги «повеле отцу своему духовному благовещенскому протопопу Алексею», далее — из первой редакции «да благовещенскому попу Григорью в неделю», затем — из Степенной книги «служити божественную литургию», далее — из первоначальной редакции «у Рожества святыя Богородица». Завершается сюжет словами Степенной книги «и принести к себе святое причастие. Бысть же тогда дивно чудо, еже сотвори Господь по истинно-

¹⁹⁴ПСРЛ. Т. 29. С. 117.

¹⁹⁵Там же. С. 120; Т. 13. Ч. 1. С. 412; СКДС 717.

му его благоверию».¹⁹⁶ Такое же соединение чтений первоначальной редакции и редакции Степенной книги встречаем ниже, при описании благословения Василием III Ивана Грозного (заимствования из Степенной книги отмечены курсивом): «И принесоша к великому князю *Богом дарованнаго ему старейшаго сына его царя и великого князя Ивана* на руках шурин его князь Михайло Глинской, а за ним прииде боярыня его Огрофена Васильева жена Андреевичя, *еще бо ему тогда велми детъску суцу, яко триех лет и триех месяца* от рождения его».¹⁹⁷ Далее встречаем столь же краткие заимствования из Степенной книги: «И великий государь Василей *воскловився мало на одре своем и слезы от очию ако струю испущаше*, и снем с себе крест Петра чудотворца и приложил ко кресту сына своего и *начя благословляти* крестом сына своего и благословив его и возложил на него той крест и рече ему: „Буди на тебе милость Божия и Пречистыя Богородицы и благословение Петра чудотворца, как благословил Петр чудотворец *сим святым и животворящим крестом прародителя нашего великого князя Ивана Даниловича и весь род наш и всех иже от чресл его великих князей Володимирских и всеа Русии* даже и доныне *до нас, тем же благословением благословляю и яз тебя, сына своего старейшаго, сим святым крестом*, да будет тебе сий святыи крест на прогнание врагом и борителей наших; мнози бо иновернии покушахуся на православие, на нашу державу, Богом порученную нам, и разорити хотяще, но не возмогоша одолети крестныя силы, есть бо нам, верным, забрало крест честный и святых молитвы. И буди на тебе благословение Петра чудотворца и на твоих детех и на внучатех от рода и в род, и буди на тебе мое благословение и на твоих детех и на внучатех от рода в род. *Еще же благословляю тя благословением нашего прародителя великого князя Владимира Маномашим честным крестом от самого животворящего древа, на нем же нашего ради спасения волное распятие претерпе Христос Бог наш*“».¹⁹⁸ Далее в Лицевом своде читается текст, отсутствующий как в первоначальной редакции, так и в Степенной книге: «той бо крест прислан

¹⁹⁶ ПСРЛ. Т. 29. С. 121; Т. 13. Ч. 1. С. 413; СКДС 717.

¹⁹⁷ ПСРЛ. Т. 29. С. 123; Т. 13. Ч. 1. С. 415; СКДС 717.

¹⁹⁸ ПСРЛ. Т. 29. С. 123; Т. 13. Ч. 1. С. 415; СКДС 717—718.

из Царяграда от царя Костянтина Манамаха к великому князю Владимеру Маномаху». В Томском списке Степенной книги в этом месте в строке поставлен знак вставки.¹⁹⁹ Едва ли это случайное совпадение, поскольку именно Томский список был использован при составлении Лицевого свода. Далее заимствование из Степенной книги продолжено: «сего же честнаго и животворящего креста непобедимая сила да будет ти твердое оружие и всюду светлая и преславная победа на вся враги видимыя и невидимыя. К сим же приимеши и венец царьский Маномах и диадимы царьские и жезл и прочюю утварь царскую Маномаху», после чего следуют слова «ими же венчан царь Маномах», которых нет ни в Степенной книге, ни в первоначальной редакции, а в Томском списке на этом месте в строке поставлен знак вставки.²⁰⁰ Дальнейший текст следует Степенной книге (со слов «им же мы, великие князи, венчаеми на великое самодержавство Рускаго царствия...» до слов «И тако благослови его, целуя со слезами, и отпусти его во своя ему полаты»²⁰¹), в текст которой внесено одно исправление (слово «рука» исправлено на «десница», это исправление сделано в Томском списке и отразилось в Лицевом своде, о чем сказано выше). После слов «родителское благословение и молитва да поспешествует ти везде во всяко дело благо на многа лета и семени твоему в роды и роды отныне и до века» в Лицевом своде читается оригинальный текст «Также вручая тебе сей скипетр Великия Русия державу великое княжение Володимерское и Московское и Новгородцкое и всеа Русии великое государство, да буди благословен на великом государстве наша державы отныне и до века»;²⁰² вместо этих слов в Томском списке в строку вписан крест (л. 687). Итак, в трех случаях вставки Лицевого свода в текст Степенной книги в Томском списке отмечены особыми знаками. Обратим внимание на тематику этих вставок. В них идет речь о царских инсигниях. По-видимому, инсигнии занимали столь

¹⁹⁹СКДС 718/7; Томский список, л. 686 об. В издании (СКДС) здесь и далее указано, что знаки вставки поставлены редакторским почерком. При ближайшем рассмотрении оказывается, что это не так. Почерк явно не основной, но и не почерк редактора.

²⁰⁰СКДС 718//14; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 415.

²⁰¹ПСРЛ. Т. 29. С. 123—124; Т. 13. Ч. 1. С. 415; СКДС 718.

²⁰²ПСРЛ. Т. 29. С. 124.

важное место в идеологических представлениях составителя Лицевого свода, что он собственноручно отметил в источнике соответствующего текста, Томском списке Степенной книги, места, куда следует вставить упоминания об инсигниях. Подчеркнем, что это единственный случай редакторской разметки составителя Лицевого свода в Степенной книге. После рассмотренных заимствований из Степенной книги рассказ Лицевого свода следует тексту первоначальной редакции Повести. К Степенной книге обратились при описании визита к умирающему Елены Глинской: «Потом же и сама великая княгини прииде к самодержавному си супругу, плачущи горко, огненныя слезы испущая, и умилныя глаголы жалостно вещаше».²⁰³ Слова утешения Василия III к жене, отсутствующие в Степенной книге, переданы по первоначальной редакции. Далее — вставка на основе Степенной книги: «И мало утешив ея краткими словесы и на мал чяс унял, повеле престати ей от плача».²⁰⁴ После этого помещен текст первоначальной редакции, содержащий просьбу Елены к мужу благословить также и младшего сына. Дальнейший текст — соединение чтений первоначальной редакции с чтениями Степенной книги: *«и ту благослови сына своего Георгия крестом, еще бо тогда князь Юрьи мал бе, единолетен, и возлажи на него крест злат Паусеиньской и приказа отнести тот крест по преставлении своем боярину своему Михаилу Юрьевичю; да и вотчиною его пожаловал, и завеща ему в наследие град Угличе поле и прочие города и власти и о вотчине такоже отвечал приказал есми в духовной грамоте написал по достоянию. Вся же правления всего Рускаго царьства завещавает державствовати и по Бозе устраяти и разсужати скипетра Великия Русия с сыном своим со царем и великим князем Иваном, дондеже от младенства устрабися, до взмужания сына своего, матере его, а своей великой княгине Елене; ведяше бо ея великий государь боголюбиву и милостиву, тиху и правдиву, мудру и мужествену, и сердце ея всякаго царьскаго разума исполнено, но от Бога дарованное ей таковое дарование, яко во всем уподобися великой и благочестивой царице Елене и прародителнице русской великой княгине Олге, нареченной*

²⁰³ ПСРЛ. Т. 29. С. 124; Т. 13. Ч. 1. С. 415; СКДС 718.

²⁰⁴ ПСРЛ. Т. 29. С. 124; Т. 13. Ч. 1. С. 416; СКДС 718.

во святом крещении Елене. И князь великий полагает на ней все правление великаго государьства многаго ея ради разума по подобию и по достоинству Богом избранному царьскаго правления. Тогда же великая княгини не хотяше отъити от него. Он же сотвори с нею прощение и отдаст ей последнее целование и абие повеле ю отвести к царским своим чядом. И возлег великий государь Василей болезнуа при смерти. Жалостно же бе тогда видети предстоящим ему, и слез и рыдания исполнено в то время, сам же самодержавный видя себе последне изнемогающа. И тогда князь великий посла по владыку по Васияна и по старца по Мисаила Сукина и повеле ему принести платье чернеческое по прежнему его завещанию. *Вопрошаше же великий государь, аще есть на Москве Кирилова монастыря игумен, понеже тщание его бяше от многа времени, еже бы ему постричься в Кирилове монастыри.* И сказаща ему, что игумена кириловского тогда не бяше на Москве». ²⁰⁵ Дальнейшие заимствования из Степенной книги единичны, они вставлены в ткань повествования первоначальной редакции: «И потом к митрополиту рече: „Что, отче, косниши, время уже настоеит, постригите мя, давно бо того желаю“», «И повеле принести святое причастие и близ себе держати, и начя же рукою креститися и глаголати: „Аллилуия, аллилуия, слава Тебе, Боже!“. Таже глагола от икосов акафиста избирающе словеса», «И паки, прекрестився рукою, глаголаше: „Радуйся, утробо божественаго воплощения!“; к сим же прирече: „Ублажаем тя, преподобне отче Сергие, и чтем святую память твою, наставниче иноком и собеседниче аггелом!“ Велми же изнемогаше, и потом приближашеся конец живота его», «и во иноческа я одеяти ся вялаше», «и повеле начяти службу постригания троецкому игумену Иасафу. Сам же митрополит постриже его и претвори имя ему Варлаам», «бяху же ту инии иноцы, с ними же прежде того мудръствова самодержец о души своей. И абие причастиша великаго государя Василя Ивановичя Святых Тайн Животворящего Тела и Крове Христа Бога нашего. И тогда просветися лице его яко свет, вкупе же и душа его с миромъ к Богу отъиде». ²⁰⁶ Согласно первоначальной редак-

²⁰⁵ ПСРЛ. Т. 29. С. 124—125; Т. 13. Ч. 1. С. 416; СКДС 718—719.

²⁰⁶ ПСРЛ. Т. 29. С. 125—126; Т. 13. Ч. 1. С. 418; СКДС 719—720.

ции, пострижение Василия III в монахи произошло 3 декабря, а согласно Степенной книге — 4 декабря. Характерно, что составитель Лицевого свода выбрал версию Степенной книги.²⁰⁷

Столь скрупулезная работа по составлению новой редакции Повести о болезни и смерти Василия III, сотканной из фрагментов двух предшествовавших редакций, по-видимому, свидетельствует об особом месте, которое в умах царских идеологов времени Ивана Грозного занимал Василий III и его кончина. Такое же напряженное внимание к этому событию можно отметить и для времени создания Степенной книги (см. гл. 2); не ослабло оно и к 70-м гг. XVI в., времени написания Лицевого свода. Возможно, кончина Василия III воспринималась в эпоху Ивана Грозного как конец исторического прошлого и начало современного этапа в истории государства, своего рода переломный момент.

В исследованиях А. Е. Преснякова, А. А. Амосова, В. В. Морозова и других ученых неоднократно встречается исключительно высокая оценка Лицевого свода как памятника историографии. Появившийся вслед за Степенной книгой, Лицевой свод представлен следующим крупным этапом в развитии отечественной историографии.²⁰⁸ Так ли это? До последнего времени из всего комплекса текстов Лицевого свода была издана только та часть, в которой повествуется о русской истории. Тома же, посвященные библейской, античной и византийской истории, оставались неизданными. Полное издание всего текста появилось только несколько лет назад, и теперь есть возможность рассмотреть весь дошедший до нас текст Лицевого свода. Обращает на себя внимание компилятивность как основной прием построения текста. В Лицевом своде чередуются обширные фрагменты разных произведений, от библейских книг до Александрии и Хронографа, причем зачастую их повествование никак не приспособлено для Ли-

²⁰⁷ ПСРЛ. Т. 29. С. 126; Т. 13. Ч. 1. С. 418; СКДС 720. Правда, в Степенной книге неверно указан год — 7046 вместо 7042. Эта явная ошибка в Лицевом своде не повторена.

²⁰⁸ Пресняков А. Е. Московская историческая энциклопедия XVI в. // Известия ОРЯС. СПб., 1900. Т. 5. Кн. 3. С. 824; Амосов А. А. Лицевой летописный свод... С. 18—19; Морозов В. В. Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века. С. 133—136 и др.

цевого свода, переход от одного источника к другому не сглажен авторскими вставками. Иными словами, многочисленные заимствования никак не «вживлены» в ткань Лицевого свода, причем до такой степени, что об оригинальном тексте Лицевого свода едва ли можно говорить. Перед нами расположенные в хронологической последовательности тексты, повествующие о всемирной истории начиная с сотворения мира до 50-х гг. XVI в.²⁰⁹ Оговоримся, что при изложении событий русской истории рассказ Лицевого свода переходит иногда от одного источника к другому, но все же и здесь приемы соединения заимствованных текстов за редким исключением отличаются схематичностью и примитивизмом. Особенная небрежность у создателей Лицевого свода заметна при передаче текста источников. Исписанные каллиграфическим стильным полууставом, страницы Лицевого свода содержат изрядное количество ошибок, причем далеко не все из них были впоследствии исправлены. Например, в заимствовании из Степенной книги рассказа о крещении Ивана Грозного сохранилась внутренняя ссылка Степенной книги «О нем же последи речется во степени сей».²¹⁰ В Лицевом своде, в отличие от Степенной книги, степени отсутствуют, и в данном случае перед нами явный пример небрежности в работе над текстом Лицевого свода. В этом отношении Лицевой свод разительно отличается от Степенной книги, текст которой представляет собой искусную переработку источников (за исключением тех произведений, которые в состав Степенной книги вошли целиком); древнейшие беловые списки памятника содержат и минимальное количество неисправленных писцовых ошибок, что свидетельствует о тщательной вычитке корректорами всего текста Степенной книги.

Итак, было бы неверным представлять Лицевой свод в качестве произведения, более совершенного стилистически и более прогрессивного концептуально, нежели Степенная книга.

²⁰⁹ М. М. Щербатов писал о якобы виденных им листах, на которых шла речь о венчании на царство Федора Ивановича (Царственная книга, то есть летописец царствования царя Иоанна Васильевича, от 7042 году до 7061, напечатан с писменного, которой сыскан в Москве в Патриаршей библиотеке. СПб., 1769. С. 4). Даже если это миф, все же мы не знаем, до каких событий было доведено повествование Лицевого свода.

²¹⁰ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 50; СКДС 710.

Скорее, создание Лицевого свода вскоре после Степенной книги — это шаг назад от ренессансного трактата к средневековой хронике. При этом необходимо оговориться, что речь идет исключительно о текстах Лицевого свода. В части миниатюр Лицевой свод — безусловно незаурядное явление своего времени, представляющее собой значительное новшество по сравнению с иллюминированными историческими кодексами византийской и древнерусской традиции предшествующего периода. Здесь неоднократно отмечавшееся исследователями влияние западноевропейской культурной традиции сказалось особенно благотворно. Тексты же Лицевого свода — явление иного рода. Привлекая Степенную книгу как источник, составитель Лицевого свода редко вмешивался в заимствуемый текст. Если же это случалось, то целью такого вмешательства было пополнение рассказа Степенной книги отсутствовавшими в нем подробностями, которые имелись в другом источнике, которому Составитель Лицевого свода следовал ранее — Никоновской или Воскресенской летописи. При этом, очевидно, к Степенной книге относились с уважением. Выше рассмотрено несколько случаев, когда факты, излагаемые Степенной книгой, противоречили рассказу основного источника. По исправлениям в рукописях Лицевого свода видно, что его составитель колебался, какую версию выбрать, но неизменно склонялся к версии Степенной книги. Возможно, это происходило потому, что составитель Лицевого свода, как это видно по чтению в Шумиловском томе, содержащему указание на митрополита Афанасия, знал, кто был автором Степенной книги. Можно предположить, что высокое положение автора Степенной книги в церковной иерархии и его авторитет повлияли на авторитет Степенной книги в глазах составителя Лицевого свода. И все же использование Степенной книги в Лицевом своде, за исключением Повести о смерти Василия III, было нетворческим, за счет Степенной книги зачастую увеличивался объем отдельных статей Лицевого свода, вносились новые фактические дополнения, и только. Подлинно новаторское в Степенной книге — ее структура, биографизм как основа исторического повествования, персонификация истории — остались нецененными и невостребованными в опричный период грозненского правления.

Глава 4

В ОКРУЖЕНИИ ПЕРВОГО ПАТРИАРХА

По-настоящему заинтересованное отношение к Степенной книге впервые фиксируется в конце 80-х—90-е гг. XVI в. В декабре 1586 г. митрополитом Московским и всея Руси стал Иов, в свое время замеченный еще Иваном Грозным, который выдвинул его из среды духовенства Старицы. Став в 1586 г. митрополитом, Иов при содействии царя Федора Ивановича и Бориса Годунова подготовил акт учреждения патриаршества и в 1589 г. стал первым русским патриархом.¹ Учреждение патриархии в России напоминало процедуру утверждения русского самодержца в царском титуле, поскольку для этого требовалось благословение вселенских патриархов. В грамоте 1592 г. царя Федора Ивановича константинопольскому патриарху Иеремии процветание православия в России напрямую связывалось с традициями русской государственности: «А в нашем великом Российском государстве, в царствующем граде Москве и во всех наших великих государствах нашего Российского царствия Христовою благодатию святая наша крестьянская вера яко солнце под небесем сияет, и благочестивыя луча во всю Вселенную испущает, и неверующих души просвещает, и от тмы на свет обращает, и во всем согласует со всеми четырьмя святейшими вселенскими патриархи, иже держим от наших благочестивых прародителей, святопочивших великих государей, от святого и равноапостолного вели-

¹ Макарий (Булгаков), митр. История русской церкви. М., 1996. Кн. 6. С. 27—48; Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. М., 1992. Т. 2. С. 10—53.

кого государя царя и великого князя Владимира, просвятившего Русскую землю святым крещением, даже и доднесь».² Не случайно, что именно в такую минуту вспомнили о Степенной книге, составленной тремя десятилетиями ранее при похожих обстоятельствах.

Около 1589 г. для патриарха Иова был создан новый список Степенной книги.³ В основу положили Чудовский список, однако в новом кодексе появились некоторые добавления относительно протографа. По всему тексту Степенной книги рассыпаны мелкие вставки, большая часть которых указывает на интерес редактора к истории владими́ро-суздальского края и фигуре Александра Невского. Так, в 6-й главе VI грани при описании видения владимирского соборного храма князю Всеволоду после слов «Егда же бысть за Суждалем» вставлено уточнение, что событие происходило «на реце Кзе».⁴ Реки с таким названием в окрестностях Суздаля нет. Только две летописи упоминают реку Кзу в сюжете, описанном в 6-й главе VI грани — Лаврентьевская и Воскресенская.⁵ Всеволод, согласно их тексту, узрев видение под Суздаlem, отправился воевать с племянниками под Юрьев, где и встал лагерем на реке Кзе. Как видим, редактор Степенной книги тут ошибся, и уточнение «на реце Кзе» поставил не в нужное место текста. В 9-й главе VI грани владимирский собор Богородицы назван полным именем — после слов «в имя Пресвятыя Богородицы» написано «честнаго Ея Успения».⁶ В 10-й главе VI грани при описании погребения жены владимирского князя Всеволода III Марии Шварновны в предложении «У нея же последи положена бысть и вторая супружница Всеволожа, дщи витебьскаго князя» после слова «Всеволожа» написано «Анна».⁷ Имя Анны, второй жены Всеволода III, читается в описях древних гробниц г. Владимира и перечне панихид

² Посольская книга по связям России с Грецией (православными иерархами и монастырями) 1588—1594 гг. М., 1988. С. 108.

³ Сиренов А. В. Степенная книга редакции Ионы Думина // Опыты по источниковедению. СПб., 2000. Вып. 3. Редактор и текст в древнерусской книжности. С. 256—304.

⁴ СКДС 261/29.

⁵ См.: ПСРЛ. Т. 1. С. 381; Т. 8. СПб., 1859. С. 161.

⁶ СКДС 265/33.

⁷ СКДС 267/28.

владимирским князьям, составление которых относится к грозненскому времени (см. гл. 1). В 11-й главе VI грани в рассказе о погребении Всеволода III соборный храм города Владимира опять назван полным именем: после слов «и положиша его в соборней церкви Пресвятыя Богородица» написано «честнаго Ея Успения».⁸ Во 2-й главе VIII грани при упоминании Александра Невского и его старшего брата Андрея приводятся их титулы или более подробные обозначения.⁹ Редактор явно относился к этим князьям с особым вниманием. В той же 2-й главе VIII грани при описании погребения жены новгородского князя Ярослава Феодосии в предложении «И претворено бысть имя ей Еуфросиния, и положена бысть в пресловущей обители святаго Георгия» после слова «бысть» написано «в граде Владимири».¹⁰ Известно, что жена Ярослава Всеволодовича Феодосия была погребена в Георгиевском соборе новгородского Юрьева монастыря. Однако в Георгиевском монастыре города Владимира в XVI—XIX вв. также имелось погребение княгини Феодосии,¹¹ при вскрытии которого в начале XX в. оказалось, что оно ложное.¹² В выписке

⁸ СКДС 268/55. Это чтение одного списка рассматриваемой редакции — Думинского (РГАДА, ф. 381, № 346), в Эрмитажном списке (РНБ, Эрм. собр. 385) несколько иное чтение: «честнаго Ея Успение».

⁹ Вместо слов «послал к ним сына Александра» в новой редакции читаем «послал к ним сына *своего* святаго Александра» (СКДС 329/51), вместо «посла к ним сына Андрея» — «посла к ним сына *своего* князя Андрея» (СКДС 329/52), вместо «просяще блаженнаго Александра» — «просяще блаженнаго князя Александра» (СКДС 329/56), вместо «Дасть им сына святаго и непобедимаго Александра» — «Дасть им сына *своего* святаго и непобедимаго великаго князя Александра» (СКДС 330/1, 2), вместо «Сиа же слышав великий князь Александр» — «Сиа же слышав *святой* великий князь Александр» (СКДС 330/9), вместо «поим с собою брата Андрея» — «поим с собою брата *своего* князя Андрея» (СКДС 330/14).

¹⁰ СКДС 332/10. Это чтение Думинского списка, в Эрмитажном списке несколько иначе: «во граде Владимире».

¹¹ См.: *Сиренов А. В.* 1) О начале традиции описей древних гробниц // «Сих же память пребывает во веки» (Мемориальный аспект в культуре русского православия): Материалы науч. конф. СПб., 1997. С. 86—91; 2) Описи древних гробниц в рукописных сборниках XVII века // История в рукописях и рукописи в истории: Сб. науч. тр. к 200-летию Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. СПб., 2006. С. 399—414.

¹² *Сперанский М. А.* Древние гробницы Георгиевской церкви // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Владимир, 1902. Т. 4. Сообщение. С. 1—28.

из указа Ивана IV о панихидах князьям и епископам, погребенным во владимирских соборах, идет речь и о панихиде княгине Феодосии.¹³ В 24-й главе XIII грани при перечислении русских чудотворцев: митрополитов Петра и Алексия, и Сергия Радонежского, которым возносил молитвы о победе над татарами московский князь Василий Дмитриевич, в новой редакции перечень святых продолжен следующими словами: «и прародителей своих благоверного князя и царя Владимира, крестившаго Русьскую землю, и сынов и святых страстотерпец Бориса и Глеба, и святого достохвального в победах великаго князя Александра Невскаго чюдотворца».¹⁴ Ниже в той же главе, где описывается аналогичная молитва митрополита Киприана, в которой он молит о заступничестве за Русскую землю митрополитов Петра и Алексия, а также Сергия Радонежского, в патриаршей редакции читается продолжение: «и русьских предстателей святого князя Владимира и семени его праведнаго».¹⁵ В 28-й главе XIII грани — подобная же вставка после упоминания в молитве митрополитов Петра и Алексия: «и благовернаго великаго князя Владимира, просветившаго святым крещением всю Русьскую землю, и сынов его святых страстотерпец Христовых Бориса и Глеба, и праведнаго их семени святого достохвалнаго в победах великаго князя Александра Ярославича Невскаго чюдотворца».¹⁶ В 21-й главе XV грани при описании пожара во Владимире и чудесного спасения мощей Александра Невского указана точная дата этого события: «мая в 23 день в понеделник».¹⁷ Наконец, внесены некоторые дополнения

¹³ Шолов А. А. Описание рукописей, содержащих летописные тексты. Материалы для полного собрания русских летописей. Вып. 1 // ЛЗАК за 1909 год. СПб., 1910. Вып. 22. С. 66, 68; Сиренов А. В. О начале традиции... С. 86—91.

¹⁴СКДС 495/31. Это чтение Думинского списка, в Эрмитажном нет слов «и сынов».

¹⁵СКДС 497/6.

¹⁶СКДС 521/19. Это чтение Думинского списка, в Эрмитажном написано: «и благовернаго великаго князя Владимира, просветившаго святым крещением всю Русьскую землю, и сынов его святых страстотерпец Христовых Бориса и Глеба, и праведнаго их семени святого достохвалнаго в победах великаго князя Александра Ярославича Невскаго чюдотворца».

¹⁷СКДС 663/28. Это чтение Думинского списка, в Эрмитажном написано «маиа 23 в понеделник».

в заголовок XVII грани: указано количество митрополитов — семь; перечень митрополитов грозненского царствования начат не с Иоасафа, как в первоначальной редакции, а с Даниила; после Макария, которым оканчивался данный перечень в первоначальной редакции, прибавлены имена Афанасия, Филиппа, Кирилла и Антония.¹⁸ Итак, в результате перечисленных добавлений увеличено количество митрополитов, чье святительство приходится на царствование Ивана Грозного. При этом первым указан Даниил, который был поставлен еще при жизни Василия III и указан в заголовке предыдущей, XVI грани. Таким образом, включение в список митрополитов XVII грани Даниила является ошибкой. Ошибочно и завершение этого списка Антонием, поскольку последним поставленным при Иване Грозном митрополитом был преемник Антония Дионисий. Не знать об этом в 90-е гг. XVI в. не могли. Вполне возможно, что на продолжение этого списка митрополитов оказал влияние текст черновика Степенной книги, в котором, судя по его копии — Пискаревскому списку, — перечень заканчивался на Антонии.

Новую редакцию можно датировать временем не позднее 1590 г. Заимствование из ее текста читается в Синодальном списке Воскресенской летописи, который в 1590 г. вологодский архиепископ Иона Думин вложил в Рождественский монастырь города Владимира (ГИМ, Синод. 144). Эта рукопись, содержащая вторую половину летописи, имеет одно существенное отличие от остальных списков этого произведения. В статье 1491 г., в которой идет речь о пожаре во Владимире, текст Воскресенской летописи заменен текстом Степенной книги. Таким образом, вместо рассказа об уничтожении пожаром мощей Александра Невского, который читался в Воскресенской летописи, в Синодальном списке появился рассказ о чудесном спасении мощей от пожара — именно так повествует о событиях 1491 г. Степенная книга. Разница между двумя рассказами существенная. Воскресенская летопись излагает события 1491 г. так: «... згоре град Володимерь весь и с посады, и церковь Пречистые Рожество в монастыре внутри града выгоре, и тело великого князя Александра Невского згоре».¹⁹

¹⁸СКДС 738/4, 5, 7.

¹⁹ПСРЛ. Т. 8. С. 221.

Степенная книга посвящает владимирскому пожару 1491 г. более пространный текст, в котором читаем: «...внутри церкви тоа все выгоре и с людми. Чюдотворьныя же мощи святого и праведнаго великаго князя Александра Ярославичя, на них же аще и бысть видети нечто огненаго знамения, но обаче Богом тако съхранени быша, яко и пелена, иже бяше в гробе его, обретеса неврежена от непостоянаго того огня».²⁰ Обращение к самой рукописи, Синодальному списку Воскресенской летописи, показывает, что соответствующие листы, на которых излагается описание пожара 1491 г., вставные. По всей видимости, они заменили собой традиционный текст Воскресенской летописи, в котором шла речь об уничтожении мощей Александра Невского. Отметим: вставной текст содержит уточненную дату, что указывает на его заимствование из Степенной книги новой редакции. Как указано выше, среди чтений новой редакции есть два, источником которых могла быть Воскресенская летопись. Первое из них уточняет, что под Суздалем Всеволоду было видение, когда он стоял «на реце Кзе» — здесь источником могла быть либо Воскресенская летопись, либо Лаврентьевская. Второе чтение содержит точную дату пожара 1491 г., которая имеется только в Воскресенской летописи.²¹ Следовательно, именно ее использовали при редактировании Степенной книги. Получается, что сначала из Воскресенской летописи в Степенную книгу была выписана точная дата пожара 1491 г., а потом рассказ об этом событии, читающийся в Воскресенской летописи, заменил соответствующий текст Степенной книги.

Обратим внимание на личность вкладчика Синодального списка. Это Иона Думин, бывший архимандрит владимирского Рождественского монастыря. О его биографии известно немного. Он принял постриг в Рождественском монастыре г. Владимира в 80-е гг. XVI в. — об этом свидетельствует он сам, называя в записи на рукописном кодексе имя постригшего его архимандрита Захарии, ставшего потом тверским епископом. Известно, что Захария был архимандритом Рождественского монастыря в 1576—1579 гг.²² Видимо, Иона принял по-

²⁰СКДС 664.

²¹ПСРЛ. Т. 8. С. 221.

²²Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 662.

стриг, будучи уже не юным человеком, поскольку в 1584—1585 гг. он сам стал настоятелем монастыря.²³ Спустя четыре года, в 1589 г., Иона принимал участие в сложной процедуре выборов патриарха: на место патриарха претендовали московский митрополит Иов, новгородский архиепископ Александр и вологодский епископ Варлаам — последние два, разумеется, формально. Если бы Александр все же стал патриархом, то на новгородскую кафедру был бы выбран новый архиепископ. Среди возможных претендентов источники называют владимирского архимандрита Иону. Но Александр, как и предполагалось, не был избран в патриархи, а Иона не получил новгородской кафедры; он занял вакантную кафедру в Вологде, став архиепископом Вологодским и Великопермским.²⁴ В 1602 г. Иона стал митрополитом Ростовским и Ярославским, а через два года, в 1604 г., удалился на покой в Рождественский монастырь г. Владимира. Дату смерти Ионы Думина определяют по выходной записи на рукописном Евангелии 1616 г.: там сказано, что рукопись была начата в 1607 г. по заказу Ионы, а окончена тщанием другого лица.²⁵ С предположением, что к моменту окончания работы над рукописью Ионы уже не было в живых, можно всецело согласиться.²⁶ Иона Думин известен прежде всего как книжник и составитель собрания рукописей. В настоящее время известно 25 рукописных кодексов из собрания Ионы Думина, и все они не просто ему при-

²³ Там же; см. также упоминание архимандрита владимирского Рождественского монастыря Ионы в грамоте 7089 г. (*Шумяков С. А.* Обзор «Грамот коллегии экономии». Вып. 5: Материалы по Владимиру, Гороховцу, Мурому, Суздалью, Юрьев-Польскому и Вологде / Сост. Л. И. Шохин. М., 2002. № 30. С. 20).

²⁴ *Макарий (Булгаков), митр.* История русской церкви. Кн. 6. С. 38, 53.

²⁵ «Лета 7115 году месяца марта в 16 день почато делать се Евангелие при державе государя царя и великого князя Василия Ивановича всея Руси и по приказу преосвященного архиепископа Ионы Вологодцаго и Великопермского, а потом был в Ростове митрополит, сделано же бысть сие святое Евангелие в лето 7214 месяца апреля в 20 день при державе государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси и 3 лето царства его тщанием старца Серапиона Мартова» (Альбом-каталог декоративно-прикладного искусства Владимиро-Суздальского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. М., 1982. С. 173. № 63).

²⁶ *Буланин Д. М.* Иона Думин // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Л., 1986. Вып. 2. Ч. 1. С. 430.

надлежали, но и были вложены им в Рождественский монастырь г. Владимира.²⁷ На некоторых из них имеются выходные записи об обстоятельствах написания. На основе этих записей можно судить о том, фондами каких библиотек пользовался Иона Думин, где он заказывал рукописи для своего собрания. Рукопись РНБ, ф. 166 (собр. П. П. Вяземского) Q.225, содержащая Апокалипсис и Житие Иоанна Богослова, имеет запись о написании в Павлове Обнорском монастыре, а Евангелие (РГБ, ф. 178 (Музейное собр.) № 8288) было писано с рукописи Прилуцкого монастыря, а правлено по рукописям Каменского и Павло-Обнорского монастырей.²⁸ Следовательно, часть рукописей написана на Вологодчине в период архиепископства Ионы. Эти кодексы написаны, как правило, не особенно тщательно. Однако есть и другая группа Думинских рукописей, отличающаяся тщательностью исполнения и стилистичностью почерков. Это Степенная книга (РГАДА, ф. 381 (собр. Синод. типографии) № 346), Круг миротворный (РНБ, ф. 550 (ОСРК) F.I.866), Устав (РНБ, ф. 588 (собр. М. П. Погодина) 285) и некоторые другие. Эти рукописи выделяются особенностями текста, а также похожи по своему оформлению и написаны однотипными почерками, что позволяет предположить одно место их создания. Особенно интересен для нас в этом контексте Круг миротворный. Рукопись содержит записи на полях, комментирующие отдельные годы хронологических таблиц. Записи посвящены различным событиям русской истории, особенно истории Владимирского края:²⁹ под 6699 (1191) г.

²⁷См.: Буланин Д. М. 1) Вологодский архиепископ Иона Думин и рукописная традиция сочинений Максима Грека // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 174—180; 2) Владимирский Рождественский монастырь как культурный центр Древней Руси // ТОДРЛ. Т. 36. С. 73—74; 3) Иона Думин. С. 431; Романова А. А. Древнерусские календарно-хронологические источники XV—XVII вв. СПб., 2002. С. 179; Сиренов А. В. Степенная книга: история текста. М., 2007. С. 301—304.

²⁸См.: Флоря Б. Н. О реконструкции состава древнерусских библиотек // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1972. С. 57—59.

²⁹Маргиналии о событиях всемирной и русской истории на страницах Миротворного круга известны и в более ранней традиции, которую рассматриваемые записи продолжают и творчески развивают (Романова А. А. К проблеме уточнения датировки рукописей XIV—XVI вв. по таблицам и текстам пасхалий // Опыт по источниковедению. Древнерусская книжность: Археология, палеография, кодикология. СПб., 1999. С. 196). Эти записи в спи-

«Начало Рождественаго монастыря, иже во граде Владимери, от благовернаго великаго князя Всеволода» (л. 20 об.), под 6683 (1175) г. «Убиение благовернаго великаго князя Андреа Боголюбскаго от Кучковичь» (л. 21 об.), под 6771 (1263) г. «Преставися благоверный великий князь Александр Ярославичь во иноцех Алексей Невский чудотворец и положен бысть во граде Владимире в честной обители Рожества Пресвятыа Богородица» (л. 24 об.). Отметим, что маргиналии на рукописи Миротворного круга тематически близки к вставкам, сделанным при создании новой редакции Степенной книги. Полагаем, что автором этих вставок, как и записей на полях Миротворного круга, был Иона Думин, проявлявший интерес к истории владимирского края и особенно — к фигуре Александра Невского.

В 1591 г. Иона составил самую пространную редакцию Жития Александра Невского, мощи которого почивали во владимирском Рождественском монастыре. В качестве основного источника Иона использовал Житие Александра Невского в составе Степенной книги, но привлек еще владимирскую редакцию Жития, а также материал Хронографа редакции 1512 г. и Воскресенской летописи.³⁰ По сравнению с редакцией Степенной книги в тексте Ионы Думина значительно расширена повествовательная-историческая часть. Этого удалось достичь благодаря обращению к VII грани Степенной книги и Хронографу редакции 1512 г., а также посредством искусного соединения чтений разных источников в единую ткань повествования. Так, отчасти по тексту Хронографа изло-

ске РНБ, F.I.866 сделаны основным почерком рукописи. Известны еще два списка Миротворного круга — РНБ, ф. 351 (собр. Кирилло-Белозерского монастыря) 516/773 и ГМИР, кол. 111, оп. 1 № 43, относящиеся к 1-й пол. XVII века, богато украшенные и содержащие тот же корпус приписок на полях (Романова А. А. Древнерусские календарно-хронологические источники... С. 179. Ил. 17). Можно думать, что перед нами копии не думинской рукописи РНБ, F.I.866, а ее протографа, так как комплекс маргиналий во всех трех списках не совпадает. Эти рукописи, оформленные по-разному, но одинаково роскошно, по-видимому, происходят из крупного скриптория. Очевидно, что это не один из вологодских монастырей, откуда вышли наиболее скромно оформленные думинские рукописи. Можно думать, что списки Миротворного круга происходят из столичного скриптория.

³⁰ Мансикка В. П. Житие Александра Невского (Разбор редакций и текст). СПб., 1913. С. 177—200.

жено нашествие Батыя на русские земли: оно начинается словами Хронографа «Хощю рещи, о друзи, повесть, иже и самех бессловесных может подвигнути на плачь...»,³¹ далее описано, на каких княжеских столах сидели Георгий и Ярослав Всеволодовичи и Александр Невский. Затем следует фрагмент, соединивший несколько чтений Степенной книги:

Степенная книга	Житие Александра Невского
<p>Матери обезчядствовашася...³²</p> <p>И паки Бог по мере гнев свой и с безмерною милостию по малу наводя на ны многообразными наказанми, овогда убо гладом, овогда же смрътоносим, овогда же пожаром, иногда же пленением от поганых...³³</p> <p>...тогда же мучительнейшаго варвара кровояднаго царя Батыя от вьсточныхъ страны наведе на Русьскую землю...³⁴</p>	<p>наста время люто за грехи наша Богу наказующу нас, таковое время прииде на ны, пщую бо толикое время серп Божиа гнева имяновати, его же Захариа провиде пророк, пожиная ис кореня вся нещадно, или мечь, иже не точию обезчядствовати могый, но и с чады и родивших потинаа немилостивно, или чаша в руце Господни вина милости Божиа, нерастворена гневом ярости, исполнь растворения, милость свою, глаголю, со гневом наказания смеси Господь за премногия грехи наша, хотящю Богу упоити нас вином ярости, уклонити от сея в сию, сииречь преложити от милости в наказание и от наказания в милость. Тако бо есть время оно имяновати, яко бо по премногом милосердом наказании Божии не хоцем престати от скверных дел наших, и Бог наказует ны овогда гладом, ово мором, ово же иноплеменных нашествием, сим всем пресечение творя нам от злых наших. Но кто может убо исповедати то время, нашедшее за грехы наша мучительнейшаго варвара, кровояднаго пса, злочестиваго ратника, безбожнаго царя Батыя от восточныхъ страны...³⁵</p>

³¹ СКДС ЖАН 276, ср.: ПСРЛ. СПб., 1911. Т. 22. Ч. 1. С. 396—397.

³² СКДС 304.

³³ СКДС 300.

³⁴ СКДС 303—304.

³⁵ СКДС ЖАН 276.

Далее редактор возвращается к прерванному выше заимствованию из Хронографа (со слов «на сущих тогда христиан излиянную на них чашу пелыни Божия суда...» до слов «а воевода Петр Ослядюкович»).³⁶ Здесь описано нашествие Батыя. При общем следовании Хронографу в текст Жития вставлено уточнение: указано, что татары пришли ко Владимиру «преже мясопустныа недели за неделю» — подробность, отсутствующая в Хронографе и заимствованная из Воскресенской летописи.³⁷ Следующее чтение почти целиком заимствовано из Воскресенской летописи:

Хронограф	Воскресенская летопись	Житие Александра Невского
<p>Князи же, видевше своего брата Владимира в руках татарских искудева и уныла,</p>	<p>Татарове же приидоша к Золотым воротом, водяще с собою княжича Володимера Юрьевича, и начаша вопрошати: «Великий князь Юрь есть ли в городе?» Володимерци же пустиша по стреле на татар, и татарове противу пустиша такоже по стреле на город и на Златая врата; и по сем рекоша володимерцем татарове: «Не стреляйте», они же пересташа стреляти. И приидоша близко вратомъ, и показаша им Володимера, и ркоша татарове володимерцем: «Знаете ли княжича вашего?» — бе бо уныл лицом и изнемогл бедою от нужда. Всеволод же и Мстислав стояста на Золотых вротех и познаста брата своего Володимера. О умилное брата видение и слез достойно! Всеволод же и Мстислав с бояры</p>	<p>Татарове же приидоша к Золотым воротом и показаша им князя Владимира Юрьевича.</p> <p>Всеволод же и Мъстислав з бояры своими стояше на Златых вратех и познаста брата своего Владимира; бе бо уныл лицом и изнемогл бедою от нужда. И</p>

³⁶ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. С. 396—397.

³⁷СКДС ЖАН 277; ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. С. 397; Т. 7. С. 140.

плакаху с матерю с великою княгинею и с сродники и со всеми людьми	своими и все гражане плакахуся, зряще Владимира. Татаром же отступившим от Золотых ворот, и объехала весь град и станы, сташа пред Златыми враты, яко зримо, и бе множество вой около всего города. Всеволод же и Мстислав сжалистася брата деля Володимера, и ркоста всей дружине и Петру воеводе: «Брате! Лучше есть умерети пред Златыми враты за святую Богородицу и за правую веру, нежели воли их быти». Воевода же Петр рече: «Сия вся наведе Бог на ны грех ради наших, яко же пророк глаголет: „Несть человеку мудрости и несть мужества, ни думы противу Господеви“». ³⁹	плакахуся, зряще Владимира,
и глаголаху к бояром: «О братие, умрем за веру христианскую и за святую церкви и не дадимся в руки их!». Петр же воевода рече: «Несть противу Божиа гнева еже попусти на нас грех ради наших, ни мудрости, ни мужества!» ³⁸		и глаголаху к бояром: «О братие, лучи ны есть умерети пред Златыми враты за святую Богородицу и за православную веру, нежели воли их быти». Петр же воевода рече: «Сия вся наведе Бог грех ради наших, якоже пророк глаголет: „Несть человеку мудрости и несть мужества, ни думы противу Господеви“». ⁴⁰

Влияние Хронографа сказалось тут в чтении «и глаголаху к бояром: „О братие...“» (в Воскресенской летописи «и ркоста всей дружине и Петру воеводе: „Брате!...“»). Далее изложение ведется по Хронографу (со слов «Безбожнии же станы своя урядивше...»⁴¹). Последующее изложение событий — взятие татарами Суздаля и возвращение к Владимиру, захват Владимира и гибель княжеского семейства под сводами Успенского собора — опять оказывается заимствованным из Воскресенской летописи с отдельными чтениями хронографического текста (в Хронографе: «Князи же Всеволод и Мъстислав разумеша, яко наутрие взяту быти граду», в Житии Александра Невского: «Князи же Всеволод и Мъстислав, и владыка Митрофан разумеша, яко наутрее взяту быти граду», в Воскресен-

³⁸ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. С. 397.

³⁹ПСРЛ. Т. 7. С. 140.

⁴⁰СКДС 277.

⁴¹Там же; ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. С. 397.

ской летописи: «Наутрии же уведе князь Всеволод и владыка Митрофан, яко уже взяту быти граду»; в Хронографе и Житии «разсекоша двери», в Воскресенской летописи «выломиша двери», в Хронографе и Житии есть чтение «И тако вси предаша душа своя Господеви и мученическому лику причтени быша», отсутствующее в Воскресенской летописи⁴²). Далее автор вставил фразу «Сиа вся попускает Бог за грехи наша»,⁴³ а следом за ней обращается к тексту 9-й главы VII грани Степенной книги — со слов «на инья многия грады, с многою злобою вся испровраца» (перед этим заимствованием в Житии читаются вводные слова «И отътоле поидоша») до слов «Тогда же мнози и мученическими венцы от Бога увязошася». Перед нами крайне эмоциональное описание нашествия Батыя на Русь, попавшее в Степенную книгу из Слова похвального Михаилу Черниговскому Льва Филолога,⁴⁴ где читаем, как «матери обезчядствовашася, и сосци их млечнии источники уставиша, вместо же тех слезныя струя от очию низвожахуся, видяще младенца своя на земли повржены и мягкая их удеса коньскими ногами стираеми..., священныя девы нудими и обругаеми, мужие жен разлучаеми, чяда родителю лишаеми, юноша в плен ведоми, юныя же и старцы мечи пронизаеми, храбрыя же и князи оружием падающе, священници же в жрътвеницех закалаеми...».⁴⁵ Далее следует фраза составителя рассматриваемой редакции Жития «Вся же сия наведе нам Бог за грехи наша»,⁴⁶ а затем продолжено заимствование из той же 9-й главы VII грани, но здесь приведено самое начало главы (со слов «понеже не исправихомся и непотребни быхом...» до слов «...преблагый Бог хотя конечного запустения свободити нас»⁴⁷), где нашествие Батыя представлено как возмездие за усобицы князей, которые «друг пред другом начальство получитьи желаше и един единого от отеческого достояния изгоняше, и каждо самочинне тщашеся самодръжавство восхитити, и сам старейшиньствовати

⁴²ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. С. 397; ПСРЛ. Т. 7. С. 140—141; СКДС 277—278.

⁴³СКДС ЖАН 278.

⁴⁴Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009. С. 231—234.

⁴⁵СКДС 304.

⁴⁶СКДС ЖАН 279.

⁴⁷Там же, ср.: СКДС 304—305.

хотяше Руским царствием, и брат на брата иноплеменные языки поганых варвар наводя». ⁴⁸ Далее приведен конец 9-й главы VII грани с подзаголовка «Тогда же великий князь Ярослав и с прочими в Новеграде Богом сохранен бысть». ⁴⁹ Заимствование продолжено, и в Житие Александра Невского вошли целиком 10-я глава VII грани «Плачь и страдание великаго князя Георгия Всеволодича и прочих с ним», ⁵⁰ 11-я глава VII грани «О обретении телеси великаго князя Георгия, последи же и главу его обретоша» ⁵¹ и 12-я глава VII грани «О пренесении честных мощей великаго князя Георгия из Ростова во Владимирь». ⁵² После этого Иона Думин вставил свой текст с объяснением того, почему Батый не дошел до Новгорода. Здесь заимствования из Степенной книги приведены не дословно, а в значительно переработанном виде. Источником рассматриваемого пассажа послужили фрагменты 13-й главы VII грани и 1-й главы VIII грани, где идет речь о попытках Батыея завоевать новгородскую землю. В первом из этих текстов читаем: «Окаянный же Батый и все его воинство устремишася к граду Тръжку, и пятнадцать дней ратоваху его, и взяша месяца марта в 5 день на крестопоклонной недели». ⁵³ Во втором случае о намерениях Батыея сказано более определенно, равно как и о причине неудачи его новгородского похода: «И еще же тогда в лето 6745 слышаху всюду, иже безбожный царь Батый Божиим попусцием много зла сътвори велицей земли Русьстей, а идеже тогда сий Александр блаженный с отцем своим Ярославом пребываху, дръжавьствующе в Великом Новеграде, и тамо дойти поганым възбрани некая сила божественая, и не попусти им нимало приблизитися не токмо к пределом Великаго Новаграда, но идеже и инде прилучитися им тогда пребывати и въиньствовати сопротивных и враждующих литву и немец, и везде Божиим заступлением нимало не ратоваху на них суровии они татары». ⁵⁴ Составленный Ионой Думиным рассказ о причинах неудачи новгород-

⁴⁸СКДС ЖАН 279, ср.: СКДС 303.

⁴⁹Там же, ср.: СКДС 305.

⁵⁰СКДС ЖАН 280—281, ср.: СКДС 305—306.

⁵¹СКДС ЖАН 281, ср.: СКДС 306—307.

⁵²СКДС ЖАН 281—282, ср.: СКДС 307.

⁵³СКДС 309.

⁵⁴СКДС 325.

ского похода Батый является распространением второго из приведенных текстов Степенной книги: «Окаянный же Батый, зверь лют и безстуден, получив лов хотения своего, недоволен бывает чревонеистовства, но паки желает ин получитьи лов, горьши перваго, сице и сей проклятый и богомерзьский варвар не сыт бывает, напився святыя христианския крови, но восхоте и оставшаа от христиан погубити. Но якоже всезлый помысли, сице и сотвори, богоненавистною гордостью превознесъся, поиде к Великому Новуграду на великаго князя Ярослава и на чад его. Но Бог беяше милостию си неотступно с ними, храня и соблюдаа их от всякого зла. Егда же богомерзьский иде к Великому Новуграду, не дошедшу ему, мановением Божиим возбраним, ста за десять десятиц поприщ до Новаграда, якоже древле Валам возбранен бысть аггелом Господним, егда идяше прокляти Израиля. Сице и zde сему окаянному возбрани сила Божиа некаа невидимаа, возбраняюще всезлomu шествию его в Великий Новъград. Аггел бо Господень ста оруженосец пред ним, скипетром въпреки претя ему, глаголя: „Царю злочестиве, не довляше ли ти многих градов христианския крове, но хочещи и оставших христиан, блюдомых Богом, погубити? А и сие твое пленение не твоею силою бысть, но попущено гневом Божиим за грехи, бываемыя от человек. Тем же скоро возвратися отсюду и иди, отнюду же прииде, да не поразить тя пришед воинство небесное. Аз бо есмъ силы Господня архаггел Михаил, воевода небесных сил, послан от Бога возбранити шествию твоему отсюду“. Злочестивый же и богомерзьский он царь, страхом объят быв, скоро возвратися вспять и исчезе, гоним страхом Божиим восвоися». ⁵⁵ Здесь сказалось и влияние Хронографа, в котором читаем: «Окаянный же Батый поиде к Торжку и бив град пороки две недели, и взят его и люди вся исече и поиде к Новугороду и за сто верст воротися, заступи бо его Бог и святаа Богородица. Глаголют же, яко виде Михаила арханила, стояща с оружием и возбраняюща ему». ⁵⁶ Как видим, упоминание в Степенной книге о «некоей божественной силе», а в Хронографе — об архангеле Михаиле, в Житии оказалось распространено гневным монологом архангела Ми-

⁵⁵СКДС ЖАН 282.

⁵⁶ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. С. 399.

хаила, который отсылает читателя к предыдущему заимствованию из Степенной книги, где речь шла о княжеских усобицах как причине Божьего гнева, следствием которого было нашествие Батыя. Рассматриваемый сюжет с явлением Батю архангела Михаила закрывает тему Божьего гнева и возмездия за грехи князей, что позволяет перейти к биографии Александра Невского, отделив его от князей, навлекших на Русь Божий гнев. Дальнейшее изложение Жития опирается на текст первой главы VIII грани. Так, в разделе «О посажении святого Александра в Великий Новъград на великое княжение» рассказывается о достоинствах Александра, который был «видом благородия, телеснаго благолепия вельми украшен паче всех, не точию сродник своих, но и всех иноплемянных стран земных царей благородием и благолепием лица превзыде, яко солнце всех светил, храбростию же, и силою в воинстве, и смыслом благоразумиа, и премудростию... Вид же святого его подобиа и телесный возраст таков бяше зело благообразен и благолеп, якоже древле Иосиф Прекрасный, сын Ияковль, возраста же видением высок весма, силы же его указание храбрость воинственана его показывает, силен бо бяше и храбр, якоже часть бе отъ силы Самсоновы; глас же его бяше слышати, яко труба в народе».⁵⁷ Следующий раздел «О поучении святого князем и боляром и всяким судиям» распространяет соответствующий текст 1-й главы VIII грани: «боляр своих часто наказуя притчами от божествъных писаний, яко да преже всего въспросят от Бога премудрости и от пианства удръжатся, и сами пред Богом да смирятся, да не забудут праведно судити, и не познают лица силнаго, и не приемлют мзды неправедныя, и никого же обидят, но да избавят обидима от руки обидящих и паче повеленнаго им ничто же возьмут, но довлни будутъ оброки своими» и далее.⁵⁸ Сюжет о приходе к Александру Невскому Андреаса Вельвена («муж славен именем Андрияш»), намерении шведского короля идти походом на новгородские земли, молитва Александра и весь ход Невской битвы изложены по тексту второй главы VIII грани. Здесь Иона Думин существенно распростра-

⁵⁷СКДС ЖАН 282—283.

⁵⁸СКДС 324; ср.: СКДС ЖАН 283—284.

няет текст своего источника. Приведем пример такого распространения:

Степенная книга	Житие Александра Невского
И скончав молитву, вѣста, и поклонися архиепископу Спиридону, и благословен быв от него и от всего священнаго събора. ⁵⁹	И скончав молитву, вѣстав, прииде ко архиепископу и ко всему освященному събору, поклоняние творя им, глаголя: «Благослови мя, священноначальниче великий, со всеосвященным ти събором, и молитве Бога и Пречистую Богородицу, и святых Их угодников в помощь призвавша, да молитвами вашими святыми негли поможет ми Бог на сопротивныя». Сия же ему глаголющу, реками от очию слезы испущаше, толико, яко и начальнику церкви с всем освященным събором и со всеми предстоящими ту людьми пролияти слезы многы. И ничтоже от всех вопиющих со слезами слышати, точию: «Господи, услыши и помилуй!», — сия вопиющих на мног час. По сем же повеле всем умолкнути, благословляет его великий предстатель церкви Божия... ⁶⁰

К подобному приему распространения текста Степенной книги в Житии Александра Невского Иона Думин прибегал постоянно. В приведенном примере Степенная книга лаконично сообщает о принятии Александром Невским перед битвой благословения от новгородского архиепископа. В Житии редакции Ионы Думина появилась речь князя к архиепископу, описано состояние молящихся в ожидании благословения и, наконец, сообщено о факте благословения. Отметим, что Иона распространяет сообщения Степенной книги, придерживаясь ее стиля и даже методов работы с источниками. Так в Житии появились дополнительные сцены, диалоги и прочее.

После описания того, как Александр Невский получил благословение от архиепископа, в Житии приведены 69-й псалом

⁵⁹ СКДС 326—327.

⁶⁰ СКДС ЖАН 286—287.

Давида, который якобы вспомнил Александр Невский, идя к войску, и молитва князя к Богоматери, а также упомянуто, что в своих молитвах он обращался к своим святым предкам князьям Владимиру, Борису и Глебу: «По сродству же веру имея, яко сродник им есть, в молитвах си к Богу подвизаше и на помощь призываше поборников христианских, сродников си по роду, благоверного великаго князя Владимира Киевскаго, крестившаго Русьскую землю, и чад его, благоверных великих князей и страсотерьпец Бориса и Глеба». ⁶¹ Прочитированный пассаж согласуется с вставками Ионы Думина в текст Степенной книги. Напомним, что в 24-й главе XIII грани при перечислении митрополитов Петра и Алексия и преп. Сергия Радонежского, которым молился московский князь Василий Дмитриевич, приписка Ионы Думина перечень святых продолжает: «и прародителей своих благоверного князя и царя Владимира, крестившаго Русьскую землю, и сынов и святых страсотерьпец Бориса и Глеба, и святаго достохвальнаго в победах великаго князя Александра Невскаго чудотворца». ⁶² В 28-й главе XIII грани — подобная же вставка после упоминания в молитве митрополитов Петра и Алексия: «и благоверного великаго князя Владимира, просветившаго святым крещением всю Русьскую землю, и сынов его святых страсотерьпец Христовых Бориса и Глеба, и праведнаго их семени святаго достохвалнаго в победах великаго князя Александра Ярославича Невскаго чудотворца». ⁶³ Впрочем, в Житии подобное обращение князя Александра к святым сродникам представляет собой развитие тенденции Степенной книги, где о почитании их памяти Александром Невским сказано: «святаго великаго князя Владимира, крестившаго Русьскую землю, к сему бо имеяше велию веру, тако же и к святым страсотерьпцем Борису и Глебу, и всегда память их честно творяше». ⁶⁴

Дальнейшее изложение выдержано в том же ключе. Иона кладет в основу повествования Степенную книгу, порой приводит детали из Хронографа, Воскресенской летописи, Влади-

⁶¹ СКДС ЖАН 287.

⁶² СКДС 495/31.

⁶³ СКДС 521/19.

⁶⁴ СКДС 327. Этот текст вошел и в Житие (СКДС ЖАН 287).

мирской редакции Жития или же редакции Василия-Варлаама.⁶⁵ Нередко лаконичное изложение источника редактора не устраивает — и под его пером появляется подробное описание тех же обстоятельств, но с целым рядом вымышленных деталей. Справедливости ради необходимо отметить, что Иона не придумывал фактов биографии Александра Невского. Он только дополнял вымышленными подробностями известия своих источников. В этом отношении он действовал методами составителя Степенной книги. Можно сказать даже, что редакция Жития Александра Невского, составленная Ионой Думиным, является идейным и стилистическим продолжением традиции Степенной книги в конце XVI в.

От предыдущих редакций произведение Ионы Думина отличает и наличие трех «новейших чудес» — о слепой жене, о «бесном человеце» и о явлении владимирских князей под предводительством Александра Невского монаху Антонию перед битвой с крымскими татарами на Молодех. Первое и третье чудо датируются в тексте 1572 г.; Иона называет себя их очевидцем, что может быть принято для первых двух чудес. Явление же князей было описано Ионе визионером этого чуда Антонием. В результате получилась впечатляющая картина обильных чудотворений от мощей Александра Невского. Разумеется, создание такого произведения не обязательно предполагает отдельный повод и особые обстоятельства. К тому же тема чудотворения от мощей Александра Невского возникла в творчестве Ионы и до написания Жития. Как упоминалось выше, в 1590 г. он вложил в Рождественский монастырь список Воскресенской летописи, где известие о гибели мощей в пожаре 1491 г. заменил рассказом Степенной книги о том, что мощи чудесно спаслись. Полагаю, что эту вставку сделал сам Иона, поскольку почерк вставки схож с почерком большинства вкладных записей на рукописях, вложенных им во владимирский Рождественский монастырь. Иона «исправил» текст Воскресенской летописи, заменив рассказ об уничтожении мощей в пожаре другим повествованием, которое, очевидно, считал более «правильным» и соответствующим действительности. Итак, мы видим, что объектом особенного интереса для Ионы было почитание Александра Невского.

⁶⁵ Мансикка В. П. Житие Александра Невского... С. 186.

В связи с этим представляют интерес обстоятельства редактирования им Жития святого князя, о которых сам Иона рассказывает в послесловии к своей редакции. Он пишет, что Житие было им написано «в достоприятное святительство великаго пресвятейшаго патриарха Иова Московскаго и всея Руси, его же благословением и руковозложением и теплою верою к святому и духовным проразсуждением». Характерно указание на благословение и даже как будто непосредственное участие самого патриарха в замысле редактирования Жития. Видимо, этот труд воспринимался Ионой отнюдь не как частная инициатива. Он видел в своем труде дело общецерковное, акт государственной важности. Обратим внимание на отличие этой редакции от предыдущих, которые послужили ее источниками: владимирской середины XVI в. и редакции Степенной книги. Главное отличие — описание чудес, происшедших после пожара 1491 г., когда мощи чудесно спаслись. Редакция 1591 г. как будто утверждает и доказывает, что мощи не сгорели. Обратим внимание на дату создания редакции — 1591 год, т. е. ровно через сто лет после пожара. Полагаем, что таким образом Иона Думин отметил столетие спасения мощей.⁶⁶ В 90-е гг. XVI в. наблюдается активизация культа Александра Невского в общерусском масштабе. Так, 21 апреля 1594 г. по повелению царя в Казанском девичьем Богородицком монастыре строится новый каменный храм — реликварий чудотворной иконы Казанской Богоматери. Один из приделов новопостроенного храма был посвящен Александру Невскому.⁶⁷ Еще два храма, посвященные этому святому, в первой половине XVII в. располагались в московском

⁶⁶М. Исоа, посвятившая монографию изучению образа Александра Невского в русской средневековой культуре, высказала предположение, что редакция 1591 г. была написана Ионой как отклик на успехи русских войск в сражениях со шведами в 1590 г. (*Isoaho M. The Image of Aleksandr Nevskiy in Medieval Russia. Warrior and Saint. Leiden; Boston, 2006. P. 356—357*). Антишведскую тему, конечно, нельзя полностью игнорировать, коль скоро имели место военные конфликты, завершившиеся победой русского оружия. Однако существенно другое. В Житии 1591 г., как и в прочих редакциях, созданных до XVIII в., Александр Невский предстает прежде всего как святой преподобный, а не благоверный, т. е. как монах, а не воин.

⁶⁷Рыбушкин М. С. Краткая история города Казани. Казань, 1834. Ч. 1. С. 76.

Кремле и в Рождественском монастыре Владимира. Сохранилась выполненная на высоком художественном уровне икона Александра Невского в житии, написанная, как определил Ю. К. Бегунов, на основе редакции Ионы Думина (совпадает состав чудес).⁶⁸ Исследователи полагают, что изначально она находилась в кремлевской церкви Александра Невского и только потом попала в храм Василия Блаженного, где хранится и ныне. Датируют ее началом XVII в. исходя из количества клейм и стилистики. В. В. Филатов определил наиболее близкий аналог этой иконы — икону ярославских чудотворцев князей Феодора, Давида и Константина, написанную к Ярославле.⁶⁹ В качестве еще одного аналога можно назвать ярославскую же по происхождению икону Варлаама Хутынского в житии. Эти три иконы, близкие и по размеру, и по композиции, и по колориту, несомненно общего происхождения. Поскольку в Ярославле сохранилась небольшого формата предварительная икона, предшествовавшая написанию большой иконы князей Феодора, Давида и Константина, логично предположить, что эти иконы написаны в Ярославле. Иона Думин был ростовским митрополитом в 1602—1604 гг. В это время, следовательно, Ярославль был ему подведомственен в части церковного управления. По-видимому, тогда и была написана икона Александра Невского, как можно думать, для храма Александра Невского, расположенного в московском Кремле. Дата создания кремлевского храма неизвестна. Правда, на планах Кремля в виде отдельного здания он появляется лишь к 20-м гг. XVII в.,⁷⁰ но и это не может служить безусловным датирующим признаком, так как до этого времени он вполне мог быть придельным. Относительно владимирского храма есть мнение, что он был построен Ионой Думиным на свои средства в 1607 г., но и это мнение не аргументировано. Оно опирается на сообщение вкладной книги Рождественского монастыря о вкладе Ионой в 1607 г. «и в иные годы» различной утвари для этой церкви. Вкладная книга составлялась в 80-е гг. XVII в., поэтому хронология вкладов там

⁶⁸ Бегунов Ю. К. Житие Александра Невского в станковой живописи начала XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 314—317.

⁶⁹ Там же. С. 323.

⁷⁰ Там же. С. 321.

в некоторых местах нарушена.⁷¹ В любом случае, во вкладной книге не говорится о строительстве храма Ионой в начале XVII в. Церковь Александра Невского в Рождественском монастыре могла быть построена и ранее.

Отметим, что первые храмы, посвященные Александру Невскому, появляются в московском Кремле, Владимире и Казани. Здесь можно видеть инициативу патриарха Иова, Ионы Думина и бывшего тогда казанским митрополитом будущего патриарха Гермогена. Участие патриарха и бывшего архимандрита владимирского Рождественского монастыря в прославлении Александра Невского закономерно. Несколько неожиданным представляется наличие в этом ряду имени Гермогена, однако и оно здесь неслучайно. Гермоген в 90-е гг. XVI в. деятельно занимался прославлением казанских святых — первосвятителей Гурия и Варсонофия и чудотворной иконы Казанской Богородицы.⁷² Описывая процесс собирания материала о казанских чудотворцах, Гермоген писал в грамоте патриарху Иову от 9 января 1592 г.: «Да мне ж, государь, богомольцу твоему, в Чудове монастыре случилось повесть видети в книзе Степенной и царственной киевских и владимирских и московских царей и государей, а зовется та книга зеленая...».⁷³ Столь необычно, «зеленой», Степенная книга названа, видимо, по цвету обреза. Из трех древнейших списков Степенной книги в первоначальном виде, без позднейшего переплетения, остался только Томский список. На его обрезе у корешка различимы остатки зеленой краски.⁷⁴ Учитывая одновременность и однотипность оформления Томского и Чудовского списков, можно предполагать зеленый обрез и у первоначального переплета Чудовского списка. Полагаем, что Гермоген имел в виду именно Чудовский список, поскольку, во-первых, на Чудовском списке читается запись скорописью XVI в. о принадлежности Чудову монастырю, а во-вто-

⁷¹ См. об этом: *Сиренов А. В.* Степенная книга: история текста. М., 2007. С. 306—307.

⁷² *Макарий (Булгаков), митр.* История русской церкви. М., 1996. Кн. 6. С. 56, 88.

⁷³ Творения святейшего Гермогена патриарха Московского и всея России. М., 1912. С. 60. На это упоминание Степенной книги мое внимание обратили Ю. Д. Рыков и А. С. Усачев.

⁷⁴ За это наблюдение благодарю В. А. Муравскую.

рых, в тексте Чудовского списка есть пометы, касающиеся первого казанского архиепископа Гурия. В 55-й главе I грани после упоминания Гурия на правом поле к строке и параллельно обрезу приписано: «иже ныне Божию благодатию чюдотворец и нетлением от Бога почтен».⁷⁵ В 13-й главе XVII грани к известию о поставлении архиепископом в Казань Гурия на нижнем поле со знаком вставки написано «ныне же от мощей его изцеления подает Бог».⁷⁶ Эти приписки сделаны одним почерком — делопроизводственной скорописью XVI в. Она оказывается близка к почерку Гермогена.⁷⁷ Тем же почерком сделана еще одна помета. В 10-й главе XVII грани при упоминании освобождения татарами русских пленников на нижнем поле написано «60 000 руськаго плену тогда свободил Бог».⁷⁸ Перу Гермогена принадлежит Житие Гурия и Варсонофия Казанских, о чем сказано в самом Житии. Прямых текстовых параллелей между Житием и Степенной книгой нет, но тематическая близость, конечно же, присутствует. Так, две главы Жития, шестая и седьмая, отражают содержание 13-й главы XVII грани Степенной книги, в которой говорится, как Гурий «поставлен бысть в архиепископы градовом Казани и Свиаге» и как «отпущен бысть честно с многим благовонным наказанием от царя и от первосвятителя».⁷⁹ Шестая глава Жития называется «О поставлении во архиепископы святейшаго отца нашего Гурия», а седьмая глава — «О отпущении из царствующаго града Москвы в Казань святейшаго Гурия архиепископа».⁸⁰ В Житии много говорится об обретении нетленных мощей Гурия, в чем непосредственное участие принимал сам Гермоген. Это соотносится, в свою очередь, с приписками Чудовского списка о нетлении мощей Гурия и чудесах от них. Как видим, Степенную книгу нельзя

⁷⁵СКДС 142/в.

⁷⁶СКДС 760/б.

⁷⁷ Публикацию автографа Гермогена см.: *Макарий (Булгаков), митр.* История русской церкви. М., 1996. Кн. 6. С. 88.

⁷⁸ ГИМ, Чюд. 358, л. 751. В издании — ошибка (СКДС 751/а).

⁷⁹СКДС 760.

⁸⁰ Житие и жизнь иже во святых отец наших Гурия, перваго архиепископа новопросвященнаго града Казани, и Варсонофия, епископа тферскаго, Казанских чудотворцев. Списано Ермогеном митрополитом Казанским // Творения святейшаго Гермогена патриарха Московского и всея России. С приложением поставления в патриарха. М., 1912. С. 39, 41.

назвать непосредственным источником Жития Гурия и Варсонофия, но можно утверждать, что с Чудовским списком работал будущий патриарх Гермоген и оставил на нем пометы о почитании Гурия Казанского. В этом приемы Гермогена как читателя Степенной книги напоминают работу со Степенной книгой Ионы Думина, который также оставил в тексте Степенной свои маргиналии, касающиеся реалий, близких сердцу владимирского архимандрита. Отметим, что началом XVII в. датируются ранние списки второй редакции Казанской истории, которая, начиная с 85-й главы, следует тексту Степенной книги редакции Ионы Думина.⁸¹ Вполне возможно, что появление второй редакции также связано с деятельностью Гермогена. Впрочем, этот вопрос нуждается в особом исследовании.

Знаменательно, что источником сведений о казанских святителях для Гермогена стал именно Чудовский список. На нижнем поле листов 3—8 в нем читается запись-скрепа «Книга Чюдова монастыря, собрана смиренным Афонасием митрополитом всеа Русии». Здесь мы встречаемся с указанием на авторство, подобным тому, какое имеется в Шумиловском томе Лицевого свода, т. е. со свидетельством современника.⁸² Этому не противоречит и тип письма записи: его с уверенностью можно определить как скоропись XVI в. Здесь важно отметить, что, судя по записи, Чудовский список уже в конце XVI в. хранился в Чудовом монастыре. Копий Чудовского списка известно довольно мало. Для конца XVI в. можно указать рукописи РНБ, ф. 775 (собр. А. А. Титова) 3441 и РГБ, ф. 310 (собр. В. М. Ундольского) 807. В первом случае изначально предполагалось создать полный список Степенной книги. И хотя сейчас текст в рукописи начинается с гранесования, однако помещающееся в тексте Степенной книги перед

⁸¹ Казанская история / Подгот. текста, вступ. статья и примеч. Г. Н. Моисеевой. М.; Л., 1954. С. 22.

⁸² Исследователей смущало, что Афанасий в записи назван смиренным, что якобы предполагает повествование от первого лица. Попытки сопоставить почерк Афанасия на двух его рукоприкладствах с начертаниями рассматриваемой записи положительного результата не дали, так как почерка настолько разные, что их почти невозможно приписать одному лицу. Остается предположить, что определение «смиренный» могло быть употреблено и в отношении третьего лица.

Гранесованием житие Ольги, по-видимому, изначально здесь присутствовало, так как кириллическая фолиация на л. 1 начинается с № 46. Окончание же текста Степенной в рукописи отсутствовало изначально. Текст прерывается на словах XIV грани «от Святаго Духа назнаменованный» на середине страницы (л. 384 об.). Восхождение Титов. 3441 к Чудовскому списку несомненно.⁸³ Список Унд. 807, ныне представляющий собой фрагмент текста I грани (с начала до заголовка Жития Бориса и Глеба), изначально также был более объемным и содержал текст Степенной книги с начала (сейчас его фолиация начинается с № 61). Обе копии Чудовского списка, таким образом, остались недописанными, из чего можно заключить, что их протограф отнюдь не предназначался для копирования. Эту функцию, по всей видимости, выполняла рукопись новой редакции, созданной в 1589 г. Ионой Думиным. Именно Думинская редакция надолго, вплоть до середины XVII в., стала самой популярной разновидностью текста Степенной книги. Ее первые списки начали появляться уже в 90-е гг. XVI в. Самым первым по времени является список РГАДА, ф. 381 (собр. Синодальной типографии), 346. Эта рукопись была написана, как следует из выходной записи, в 1594 г. по заказу самого Ионы Думина и вложена им в Рождественский монастырь города Владимира. В выходной записи также указано, что этот список писался не с одного протографа, а «с различных добрых переводов». Такая формулировка характерна для выходной записи в рукописях, созданных по заказу Ионы Думина. И все же в Думинском списке Степенной книги заметно влияние второго протографа (поми-

⁸³В этом нас убеждают пропуски слов, появившиеся впервые именно в Чудовском списке. Например: в I грани пропущены слова «и в воде утопаху, и дресесы убиваемы» (л. 26), «молебныя песни приносим ему» (л. 104 об.); в III грани «грань третий кончавше и четвертаго степени боговенчаного царствия достигше, глаголем, елико разума подает Бог» (л. 146) и др. Видимо, Титовский список является непосредственной копией с Чудовского списка. Пока нам удалось обнаружить лишь одно свидетельство в пользу этого предположения. Во второй главе IV грани подзаголовок «Чюдо животворящего креста» написан в Чудовском списке на нижнем поле, видимо, будучи пропущен переписчиком. В Титовском списке этот подзаголовок также помещен на нижнем поле (л. 147 об.). По-видимому, здесь передано расположение текста в протографе, т. е. в Чудовском списке (см. также: *Сиренов А. В.* Степенная книга: история текста. С. 97).

мо основного — архетипа редакции 1589 г.). Текст в рукописи начинается с вводной статьи «Царские сановники», копирование которой в середине текста было прервано, и переписанный текст зачеркнут. Эта статья присутствует в Чудовском списке, и ее не было в архетипе редакции 1589 г. Таким образом, писец Думинского списка сначала взялся переписывать первую статью Чудовского списка, но переписку не завершил и далее источником имел архетип редакции 1589 г. Судя по Думинскому списку, в тексте данной редакции к 1594 г. еще не было Слов на перенесение мощей московских митрополитов, однако в конце VIII грани, между последними словами основного текста и концовкой, было вставлено отредактированное Ионой Думиным в 1591 г. Житие Александра Невского. Следующий список Думинской редакции до нас не дошел, но сохранились его копии — ГИМ, Музейское собр. 841; ИРЛИ, колл. В. Н. Перетца 128 (начальные листы этой рукописи — РНБ, ф. 905 (НСРК) F.566); РНБ, ф. 885 (Эрмитажное собр.) 511; РНБ, ф. 588 (собр. М. П. Погодина) 1425; РНБ, ф. 588 (собр. М. П. Погодина) 1426.⁸⁴ Их протограф имел одну характерную особенность текста — отсутствие предисловия. Кроме того, он отразил редакцию Ионы Думина на третьем этапе ее переработки. Именно тогда, вскоре после 1594 г., в текст X грани после Жития митрополита Петра, написанного митрополитом Киприаном, помещены два Слова на перенесение мощей митрополита Петра в Успенский собор в 70-е гг. XV века. Как известно, в 1472 г. был возведен новый Успенский собор на месте старого, построенного еще тщанием митрополита Петра. Строители нового собора, русские зодчие Кривцов и Мышкин, взяли за образец Успенский собор г. Владимира, увеличив размеры.⁸⁵ В недостроенный еще собор были перенесены мощи московских митрополитов, чему и посвящено первое из Слов, которое, как и служба на перенесение мощей митрополита Петра, было написано по заказу известным книжником Пахомием

⁸⁴Рукописи Новгородского государственного музея-заповедника, 30055-14 и ГИМ, собр. А. С. Уварова 211, совпадающие по тексту с Погод. 1426, являются его копиями.

⁸⁵См. об этом: *Выголов В. П.* Архитектура Московской Руси середины XV века. М., 1988. С. 177—210.

Логофетом и получило широкое распространение в древнерусской книжности.⁸⁶ Последнее представляется странным, так как после перенесения мощей в 1474 г. собор рухнул. Во вновь построенный Успенский собор мощи митрополитов перенесены в 1479 г., и не 1 июля, как в предыдущий раз, а 24 августа. Слово же Пахомия Логофета, описывающее перенесение 1472 г., обрело популярность. Иногда, правда, дату 1 июля исправляли в нем на 24 августа и вносили правку в текст, тем самым относя его к перенесению мощей 1479 г.⁸⁷ В нашем случае подобная путаница отсутствует. Первое Слово, принадлежащее перу Пахомия Логофета, отнесено в Степенной книге, как должно, к 1 июля 1472 г., а второе Слово посвящено событию 24 августа 1479 г., о чем подробно рассказывается в заголовке: «Другое слово о пренесении чюдотворца Петра мощей... и о том, како почто ниже празднуют празднество принесение мощей его месяца августа 24, а принесение его первое мощей месяца июля 1 день при Филиппе митрополите всеа Руси и творение слово Пахомиа иереа священноинока Сербина бывша инока Святыя горы. Его же творения каноны и в сий день воспевают в соборной церкви».⁸⁸ Как видим, автор второго Слова вносит ясность в запутанную ситуацию. Действительно, Слово и службу на первое перенесение мощей (1472 г.) написал Пахомий Логофет. Однако празднуют не первое, а второе перенесение. Новой службы ему не составлено, и поэтому используют службу Пахомия, переадресуя ее событиям 1479 г. Предлагаемое Слово описывает историю с разрушением собора 1474 г. и объясняет причины перестановки праздника. Текст Слова содержит имя автора — им был священник кремлевской церкви Иоанна Лествичника Петр, написавший также Сказание о чудесах митрополита Петра и, возможно, летописец 80-х гг. XV в.⁸⁹ Если Слово, написанное

⁸⁶ *Яблонский В.* Пахомий Серб и его агиографические писания: Биографический и библиографически-литературный очерк. СПб., 1908. С. 138—143, СП—СХП.

⁸⁷ Там же. С. 141—142.

⁸⁸ Здесь и далее Слово цитируется по списку ИРЛИ, собр. В. Н. Перетца 128, л. 154—156 об.

⁸⁹ Подробнее об этом произведении см.: *Сиренов А. В.* Московский книжник конца XV в. Петр и его произведения // ТОДРЛ. СПб., 2001. Т. 52. С. 582—595.

Пахомием Логофетом, получило довольно широкую популярность, то Слово Петра известно только по рассматриваемой редакции Степенной книги.

Для того, чтобы вставить в рукопись архетипа Думинской редакции новые тексты, причем довольно объемные, пришлось изъять соответствующие листы первоначального текста и на их место вставить тетради, в которых текст Слов был уже интерполирован в ткань Степенной книги. Отметим, что такую перестановку отразил единственный список, к тому же не дошедший до нашего времени. Существенно, правда, что в позднейшее время с него было снято пять копий. Это свидетельствует о его нахождении при каком-либо скриптории. Вероятнее всего, местом хранения утраченной рукописи была монашеская обитель. Нам известно о списке, который был вложен в Соловецкий монастырь монахом этой обители Венедиктом в 1593 г.,⁹⁰ т. е. на год раньше написания Думинского списка. Эта рукопись долго оставалась единственным списком Степенной книги в Соловецком монастыре, и по выпискам из нее в монастырских сборниках XVII в. мы знаем, что она относилась к Думинской редакции. Вполне возможно, что она и была тем списком Думинской редакции, который отразил вставку в текст Степенной книги двух Слов на перенесение мощей митрополита Петра.

Следующий этап в истории текста Думинской редакции ознаменовался исключением только что вставленных Слов. Причем изъятными оказались тетради, содержащие текст Слов с прилегающими к ним (до и после Слов соответственно) фрагментами текста Степенной книги, — так в архетипе редакции Ионы Думина появилась лакуна в конце 4-й и начале 5-й глав X грани, которая впоследствии была растиражирована в десятках рукописей. Данный этап формирования редакции отразил список РНБ, ф. 885 (Эрмитажн. собр.) 385. В нем Житие Александра Невского редакции Ионы Думина хотя и

⁹⁰ Единственная запись о книжном вкладе старца Венедикта во вкладной книге Соловецкого монастыря датирует этот вклад 1593 г. (Архив СПбИИ РАН, колл. 2, № 152, л. 265 об.) Эту информацию мне любезно предоставил О. В. Панченко. Степенная книга вклада старца Венедикта числится в описной книге Соловецкого монастыря 1597 г. (Описи Соловецкого монастыря XVI века: Комментированное издание / Сост. З. В. Дмитриева, Е. В. Крушельницкая, М. И. Мильчик. СПб., 2003. С. 163).

находится по-прежнему в конце VIII грани, но уже не содержит авторского послесловия Ионы Думина, в котором он указывает обстоятельства создания редакции и свое имя как ее автора. После текста Степенной книги этот список содержал одно добавление — соборное определение о четвертом браке Ивана Грозного, составленное в 1572 г. Едва ли после смерти царевича Димитрия в 1591 г. названный документ имел какое-либо политическое значение, поскольку оставшийся к тому времени в живых единственный отпрыск Ивана Грозного, царь Федор Иванович, происходил от его первой жены, законность брака с которой ни у кого не вызывала сомнения. Следовательно, помещение Соборного определения после текста Степенной книги имело не политическое, а историографическое значение: так в 90-е гг. XVI в. пытались продолжить незавершенный текст Степенной книги. Однако это устремление не получило развития, так как в следующей копии архетипа редакции Ионы Думина, списке БАН, Арханг. С. 130, как и в позднейших списках, текст Соборного определения отсутствует. Список Арханг. С. 130 зафиксировал еще одно, последнее, изменение текста изучаемой редакции. Житие Александра Невского в редакции Ионы Думина было перемещено из конца VIII грани за пределы текста Степенной книги — туда, где в списке Эрм. 385 читается Соборное определение. Возможно, что такое перемещение и привело к изъятию Соборного определения, поскольку вследствие перестановки Жития Александра Невского из середины в конец рукописи хронологический порядок изложения событий был безнадежно нарушен. Список Арханг. С. 130 ценен не только как самый ранний список, отразивший последнее изменение текста редакции в XVI в.; он еще позволяет датировать окончание рассматриваемого процесса. Список Арханг. С. 130 в 1601 г. поступил в Антониев Сийский монастырь, о чем во вкладной книге имеется соответствующая запись: «Дал вкладом диякон старец Макарей хорюгофь — вышит на камке Троица, на другой стороне Благовещение, около кайма; шито золотом и серебром и шелки все. Да он же дал две Треоди печатные, постную и цветную, да книгу Степенную, да книгу Андреятис».⁹¹ Макарий Осокин, вложивший в Сийский монастырь кроме

⁹¹ СПбИИ РАН, ф. 5, оп. 2, № 1, л. 337 об.

Степенной книги и Андриатиса две печатные Триоди (постную и цветную), был ризничим суздальского архиепископа Варлаама, а позже (видимо, после смерти Варлаама в 1586 г.) стал ризничим Ионы Думина.⁹² Таким образом, Макарий Осокин, прослужив ризничим у одного иерарха-книжника, после его смерти перешел к другому иерарху-книжнику. Итак, ризничий вологодского архиепископа вложил в Сийский монастырь рукопись отредактированной своим епископом Степенной книги. За шесть лет до этого сам Иона вложил специально заказанный им рассмотренный выше список в свой родной Рождественский монастырь. Списки Думинский и Архангельский являются копиями одного протографа. Кроме того, первый почерк Архангельского списка похож на почерк Думинского списка. Вторая вложенная Макарием рукопись — список Андриатиса (ныне БАН, Арханг. Д. 207). Она написана одним почерком в двух вариантах — полууставном (л. 1—31 об.) и скорописном (л. 32—183 об.). Можно утверждать, что полууставный вариант тождественен почерку Думинского списка. Таким образом, вложенные Макарием рукописи оказываются связанными с Думинским списком и текстологически, и кодикологически. Среди рукописей, связанных с именем Ионы Думина, есть и список Андриатиса — это рукопись БАН, Собр. текущих поступлений, 341, написанная по заказу Ионы в 1594 г., т. е. в том же году, что и список Степенной книги. Замечательно, что Андриатис Ионы Думина написан на той же бумаге (с филигранью Герб Базеля) и тем же почерком, что и Думинский список, а по тексту близок списку Арханг. Д. 207. По всей видимости, думинские Степенная книга и Андриатис и вложены были вместе. Вероятно, Макарий Осокин, вкладывая в 1601 г. в Сийский монастырь Архангельский список Степенной книги и Андриатис, точно повторил вклад своего патрона, который тот сделал в Рождественский монастырь в 1594 г. В случае с Андриатисом Макарий даже воспользовался услугами того же писца, который выполнял заказ Ионы. В целом, рукописи Макария написаны на менее качественной бумаге и с меньшей степенью каллиграфичности.

⁹²Сиренов А. В. Степенная книга: история текста. С. 299.

К рассмотренной традиции можно отнести еще один список Степенной книги. Он был вложен в Троице-Сергиев монастырь Дионисием Зобниновским. В самой ранней описи монастырской библиотеки 1641 г. среди книг, вложенных архимандритом Дионисием, числятся и Степенная книга («книга летописец степенной в десть»), и Андриатис («книга Ивана Златаустаго Андриотис, заставицы, в десть»).⁹³ Причем Андриатис сохранился, он оказывается чрезвычайно близок к думинскому и осокинскому спискам как по тексту, так и по кодикологическим особенностям. Можно думать, что столь же близка к спискам Ионы Думина и Макария Осокина была и Степенная книга, вложенная в Троице-Сергиев монастырь его архимандритом Дионисием Зобниновским. Современное местонахождение этой рукописи неизвестно, однако по заимствованиям из нее в троицких рукописях можно заключить, что она содержала Степенную книгу редакции Ионы Думина.

Такими путями распространялась Степенная книга в XVI в. Только после создания специального списка, предназначенного, видимо, для копирования, списки-копии стали расходиться по монастырям. Начало этого процесса относится к 1594 г. В предшествующий период Степенная книга была известна только узким кругам московских книжников, близких либо к царскому двору, либо к окружению первосвятителя русской церкви. Можно предположить, что инициатива распространения Степенной книги принадлежит патриарху Иову, во всяком случае, несомненно то, что рукописное тиражирование Степенной проходило с его ведома и одобрения.

Редакция Ионы Думина в 90-е гг. XVI в. претерпела несколько изменений. В ее состав было включено отредактированное Ионой же Думиным Житие Александра Невского, два Слова на перенесение мощей митрополита Петра, затем оба Слова были исключены, а из Жития Александра Невского изъято авторское послесловие Ионы Думина. Далее в завершение текста добавлено Соборное определение на четвертый брак Ивана Грозного. Наконец, это определение было изъято, а на его место перемещено из VIII грани Житие Александра

⁹³Сергиев-Посадский государственный музей-заповедник, 289, л. 336 об. Информация об этой описи и наличии в ней списка Степенной книги любезно предоставлена мне Т. В. Анисимовой.

Невского редакции Ионы Думина. Таким образом, от идеи продолжить Степенную книгу и довести ее до современности пришлось отказаться. В это же время (если верить хронологическим выкладкам, то в 1599 г.) была составлена новая редакция русского Хронографа, которая получила название редакции 1599 г. По наблюдениям исследователей, названная редакция оказывается близка к редакции 1601 г., с тем, однако, отличием, что редакция 1601 г. доводит изложение до 1453 г., следуя традиции первоначального текста русского Хронографа, а редакция 1599 г. продолжает повествование до 60-х гг. XVI в. Известно два списка редакции 1599 г., причем один из них, БАН, 31.6.27, датирующийся по филиграммам рубежом XVI—XVII вв., имеет явно черновой характер, а другой, ГИМ, собр. А. С. Уварова 23/1362, является его копией.⁹⁴ Поэтому мы можем сосредоточить внимание исключительно на рукописи БАН, 31.6.27. По филиграммам эта рукопись оказывается близка к комплексу рукописных книг, созданных в 90-е гг. XVI в. в Чудовом монастыре или в окружении патриарха.⁹⁵ К ним относятся и упомянутые выше списки Степенной книги редакции Ионы Думина. Сама рукопись Хронографа имеет вид черновых материалов, сгруппированных таким образом, что среди исторического материала оказываются статьи нравоучительного характера («О пресвитере, впадшем в прелюбодеяние», «Слово душеполезно от Патерика», «Слово отца нашего Памъвы о поучении к ученику своему» и др.) и даже одна статья («Указ краскам»), имеющая отношение к традиции «ремесленных книг», т. е. рецептурных сборников.⁹⁶ Едва ли перед нами рукопись, рассчитанная на дальнейшую переписку. Скорее, это именно материалы, долженствующие послужить для составления новой редакции Хронографа, или же это выписки из таких материалов. По сравнению с более ранними редакциями Хронографа в редакции 1599 г. мы впервые встречаем попытку довести

⁹⁴Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 208.

⁹⁵Филигранные кувшины одноручный с литерами «ИН», «ИВ», «F/DL», датой «1596», ср.: Новикова О. Л., Сиренов А. В. Сделано в Чудове // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 441—450.

⁹⁶Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. 2-е изд., доп. М.; Л., 1959. Т. 3. Вып. 1 (Хронографы, летописи, родословные, разрядные книги). С. 130—131.

изложение до современности. Здесь существенно увеличена часть повествования, посвященная русской истории, за счет включения как летописных статей, так и произведений древнерусской литературы (например, двух Повестей о Николе Зарском). После рассказа о падении Царьграда, которым завершается редакция 1512 г., в рассматриваемом тексте помещен фрагмент Летописца начала царства (с начала до 1551 г.), Повесть о Псково-Печерском монастыре, завершающаяся рассказом об осаде Пскова в 1581 г., нравоучительные тексты и др., а также несколько фрагментов, извлеченных из Степенной книги. Первый из них представляет собой 16-ю главу XVI грани «Чюдо новейшее, како избави Бог преславный град Москву от лукаваго нашествия безбожных татар молением Пречистыя Его Матери и великих русских чудотворцов, знаменми и виденми страшными и ужасными, и како сами безбожнии вскоре погибоша» (л. 582—587). Далее помещен текст 9-й главы XVII грани «О страшных и сугубейших пожарех, и о блаженном Василеи Уродивом, и о явлении Пречистыя Богородица и о образе Ея чюдо, и о покаянии людстем» (л. 587—590). Затем следует выписка из 23-й главы XVII грани «Приход к царю и государю от александрейского патриарха Иоакима о милостыне»,⁹⁷ а далее — из 28-й главы XIII грани: «Сказание вкратце о многоразличных знамениих, и о гневе Божии, и о уязвлении земли Рустей за грехи наша, в нем же 4 титлы». В последнем случае речь идет о четырех знаменьях, которые датированы XV в. Можно предположить, что это повествование намеревались включить в соответствующую часть хронографического текста. Ближе к концу рукописи помещено еще одно заимствование из Степенной книги — Сказание о Данииле Переяславском. Оно следует после обстоятельного рассказа о жизни и последних днях митрополита Макария и краткого известия о землетрясении в Италии в 1542 г.

Хронограф редакции 1599 г., как отмечали еще А. А. Шахматов и С. П. Розанов, обнаруживает близость к Хронографу редакции 1601 г., изложение которого доведено до 1453 г.

⁹⁷При описании рукописи ошибочно указано, что это выписка из 27-й главы XIII грани (Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 3. Вып. 1. С. 131).

Оба текста восходят к какому-то общему предшествующему этапу, который, по определению О. В. Творогова, характеризуется добавлением в текст Хронографа 1512 г. русских известий.⁹⁸ С этими предположениями можно согласиться. Однако не представляется возможным принять те выводы и предположения, которые на основе изложенных данных делает современный церковный историк архимандрит Макарий (Веретенников). Исследователь обратил внимание на соседство подробного рассказа о последних днях митрополита Макария со Сказанием о Данииле Переяславском. Отсюда исследователь вывел предположение, что эти тексты в Хронограф вставил митрополит Афанасий, преемник митрополита Макария и автор Сказания о Данииле Переяславском. Поскольку Афанасий не мог быть автором редакции 1599 г. (в 1575 г. его уже не было в живых), то осталось предположить, что он составил общий протограф редакций 1599 и 1601 гг., т. е. гипотетическую редакцию середины XVI в.⁹⁹ Данное предположение неприемлемо по следующим причинам. Во-первых, все заимствования из Степенной книги, включенные в редакцию 1599 г., своим источником имеют Степенную книгу редакции Ионы Думина, которая, напомним, появилась около 1589 г. Во-вторых, повествование о кончине митрополита Макария читается в редакции 1599 г. в числе дополнений, расположенных отнюдь не в хронологической последовательности, т. е. не в основном тексте, а среди дополнительных статей. Наконец, его нет в редакции 1601 г. — таким образом, мы не знаем, присутствовало ли оно в общем протографе редакций 1599 и 1601 гг. Как представляется, более вероятно предположение, что заимствования из Степенной книги попали в текст Хронографа непосредственно при составлении редакции 1599 г. Соединением Степенной книги с Хронографом отмечена редакция Жития Александра Невского, составленная в 1591 г. Ионой Думиным. При этом была использована та же редакция Ионы Думина, что и в Хронографе редакции 1599 г.

⁹⁸Розанов С. П. Заметки по вопросу о русских хронографах // ЖМНП. 1904. Январь. Отд. 2. С. 124—125; Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVII вв. М.; Л., 1938. С. 139; Творогов О. В. Древнерусские хронографы. С. 208—231.

⁹⁹Макарий (Веретенников), архим. Из истории русской иерархии XVI века. М., 2006. С. 122—123.

Рукопись БАН, 31.6.27, являющаяся архетипом для списков Хронографа редакции 1599 г., донесла до нас попытку (правда, незавершенную) продолжить текст Хронографа, использовав при этом Степенную книгу. Эта рукопись имеет еще одну черту, важную для истории бытования Степенной книги в конце XVI в. После рассказа о кончине митрополита Макария здесь помещен рассказ о землетрясении в Италии в 1542 г. Как известно, до последних лет жизни Макария был доведен основной текст Степенной книги. Характерно, что в верхнем колонтитуле л. 623, на котором читается рассказ о землетрясении, чернилами написано «рань 17», т. е. «Грань 17», где киноварная буква «Г» осталась не вписанной. Подчеркнем, что известие о землетрясении не имеет отношения к Степенной книге,¹⁰⁰ и все же здесь оно воспринято как относящееся к XVII грани. Следом за этим известием в Хронографе 1599 г. помещено Сказание о Данииле Переяславском (он также имел некоторое отношение к царствованию Ивана Грозного, поскольку крестил его), а далее — Послание Ивана Грозного 1578 г. о перенесении мощей Михаила Черниговского и его боярина Феодора. Итак, в материалах к составлению новой редакции русского хронографа, которые известны как Хронограф редакции 1599 г., присутствуют заимствования из Степенной книги, а также налицо попытка продолжить повествование до второй половины XVI в., причем события, происшедшие в царствование Ивана Грозного, воспринимались как «грань XVII», т. е. в соответствии с композиционным членением Степенной книги.

Интерес к Степенной книге, вспыхнувший, полагаем, в связи с учреждением патриаршества, продержался около десяти лет, после чего Степенная книга перешла в разряд малоис-

¹⁰⁰Это известие о землетрясении в Шимбории и Салоники 13 июня 7050 (1542) г. (нач.: «Приехали немцы любчане из заморья на корабле из Римския земли...»). Оно впервые появляется в сборниках волоколамских книжников середины XVI в. Вассиана Косого и Нифонта Кормилицына (*Дмитриева Р. П.* Волоколамские четьи сборники XVI в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 220). Поскольку там данное известие находится в ряду аналогичных рассказов о стихийных бедствиях в Италии, полагают, что оно и появилось в Волоколамском монастыре (*Седелников А. Д.* Досифей Топорков и Хронограф // Известия АН СССР. VII серия, отд. гуманитарных наук. № 9. Л., 1929. С. 772—773).

пользуемых и малоизвестных сочинений по русской истории. Причины этому, как видится, в том, что в 1598 г. со смертью царя Федора Ивановича пресеклась династия Ивана Грозного, прославлению которой и была посвящена Степенная книга. Более того, с благополучием царствующей династии в Степенной книге связывалось процветание всего Российского государства. В условиях династического кризиса подобный пафос был, конечно же, неуместен. Другую причину потери интереса к Степенной книге можно видеть в наступившей Смуте. События начала XVII в. повлекли за собой разорение и разграбление кремлевских библиотек и прекращение прежней интенсивной интеллектуальной деятельности московских книжников.

Глава 5

ПОСЛЕ СМУТЫ

В начале XVII в. Степенную книгу будто забыли. Во всяком случае, в первой половине столетия при составлении крупных историко-литературных произведений примеров обращения к ней немного. Это можно объяснить коллизиями Смутного времени. После Смуты прослеживается интерес именно к Смутному времени. Видимо, поколение, на долю которого пришлось эти испытания, пыталось осмыслить происшедшие перемены, подобно тому как в настоящее время в обществе наблюдается повышенный интерес к истории советской эпохи. В этой историографической ситуации Степенная книга оказалась практически невостребованной. В литературе встречаются попытки связать со Степенной книгой памятники историографии первой половины XVII в., повествующие о Смутном времени, однако далеко не все они со Степенной книгой действительно связаны. Так, нет никаких оснований рассматривать в качестве продолжения Степенной книги *Временник* Ивана Тимофеева.¹ Текст *Временника* начинается с последних лет царствования Ивана Грозного вовсе не потому, что здесь оканчивает свое изложение Степенная книга. Дьяк Иван Тимофеев стремился рассказать ближайшую предысторию Смуты, которую видел в последних годах правления Грозного.

¹ См. об этом: *Васенко П. Г.* Дьяк Иван Тимофеев, автор «Временника». СПб., 1908. С. 13, 19, 35.

И все же отдельные случаи обращения к Степенной книге фиксируются.² Так, в 10-е гг. XVII в. был создан Пискаревский список Степенной книги (РГБ, ф. 228 (собр. Д. В. Пискарева) 177), который представляет собой копию черновика, Волковского списка. Как будет показано ниже, в послесмутное время Волковский список, судя по всему, оказался в Троице-Сергиевом монастыре. Пискаревский же список был создан, можно думать, еще в то время, когда Волковский список был в Москве. На это указывает то обстоятельство, что писец Пискаревского списка через несколько лет написал так называемый Миллеровский VI список Разрядной книги 1557—1601 гг. (РГАДА, ф. 199 (Портфели Миллера) 168. Ч. 1, 3), который впоследствии использовался для создания двух других списков этой редакции.³ Пискаревский список — не совершенно точная копия черновика Степенной книги. Есть основания считать, что при его создании эпизодически привлекался еще и Чудовский список,⁴ что говорит об основательности работы по созданию этой рукописи. Однако до 40-х гг. XVII в. не известно ни одного случая копирования или другого обращения к Пискаревскому списку, за исключением довольно небрежно составленного сборника выписок из него РГБ, ф. 256 (собр. Н. П. Румянцева) 415, который был изготовлен вскоре после написания самого Пискаревского списка.

Большей популярностью пользовался патриарший список, представлявший собой архетип редакции Ионы Думина. В на-

² По предположению С. Ф. Платонова, Степенной книгой пользовался И. М. Катыврев-Ростовский при написании в первой четверти XVII в. «Повести книги сея от прежних лет», которую неоднократно использовали для составления произведений о Смутном времени. Из Степенной книги в Повесть Катыврева-Ростовского заимствована дата кончины князя Даниила Московского — 4 декабря вместо 3 декабря, под которым это событие упоминается в летописях (*Платонов С. Ф. Повести и сказания о Смутном времени как исторический источник.* СПб., 1913. С. 345). Следует отметить, что в данном случае могла быть использована не Степенная книга, а Повесть о Данииле Московском, послужившая, как доказал А. С. Усачев, источником соответствующего рассказа Степенной книги и включенная в Пискаревский летописец (*Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария.* М.; СПб., 2009. С. 316—325).

³ *Анхимюк Ю. В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV—начало XVII веков.* М., 2005. С. 275—276 (фото почерка см. на вклейке между с. 264 и с. 265).

⁴ *Сиренов А. В. Степенная книга: история текста.* С. 240—241.

шем распоряжении есть несколько копий с него первой четверти — 30-х гг. XVII в.⁵ В одной из них, РГАДА, ф. 181 (собр. МГАМИД) 27, после Гранесования Степенной книги помещено оглавление 76-ти глав Сказания Авраамия Палицына (л. 75 об.—80). Таким образом текст Степенной книги намеревались продолжить до современности. Есть основания считать, что список МГАМИД 27 отражает последний этап редактирования архетипного списка. В рассматриваемой рукописи Житие Александра Невского редакции Ионы Думина помещено после текста VIII грани. По-видимому, в архетипе редакции, патриаршем списке, Житие Александра Невского переставили на то место, куда оно было вставлено в начале 90-х гг. XVI в.⁶ Это позволило продолжить текст Степенной книги за счет Сказания Авраамия Палицына. Кроме рукописи МГАМИД 27 (кстати, происходящей из собрания московского митрополита Амвросия Зертис-Каменского), другие списки подобного состава неизвестны. Можно предположить, что патриарший список к 30-м гг. XVII в. стал настолько ветхим, что не выдержал последнего редактирования, сопровождавшегося очередной перестановкой частей кодекса.

Степенная книга в патриаршем собрании впервые упоминается в описи келейной библиотеки патриарха Филарета, составленной в 1631 г., где читаем: «Книга Степенная царского родословия Русския земли, в десть на бумаге, жуки и застезки медные, в начале заставица прописана золотом. — У государя патриарха в келье».⁷ Числится Степенная книга и в библиотеке патриарха Никона.⁸ По-видимому, это две разные рукописи. Последнюю можно уверенно отождествить с руко-

⁵ Сиренов А. В. Научное описание выявленных списков Степенной книги // СКДС. Т. 1. С. 42—51.

⁶ Правда, изначально оно находилось между окончанием основного текста VIII грани и концевкой грани и к тому же содержало авторское послесловие Ионы Думина. Послесловие было изъято в конце XVI в. при перемещении Жития в конец кодекса. Теперь Житие без послесловия вставлено опять в VIII грань, но после концевки грани.

⁷ Каталог печатным книгам и рукописям, находившимся в библиотеке патриарха Филарета Никитича // Сборник Муханова. СПб., 1866. С. 381.

⁸ См.: Переписная книга домовою казны патриарха Никона: (О составе библиотеки патриарха Никона по описи 1658 г.) // Временник ОИДР. 1852. Кн. 15. С. 8—15.

писью БАН, 32.8.1, в которой нет писанной золотом заставки, но имеется запись скорописью XVII в. «Святейшаго патриарха Никона келейная» (л. 1—2). Кроме того, по нижнему полю л. 4—30 написана вкладная патриарха Никона в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь. Патриарх Никон не только владел списком 32.8.1, но и читал его. Так, к известию о новгородском обычае биться деревянным ослопием на поле скорописью XVII в. сделана приписка о сожжении этих палиц Никоном в 1652 г.: «Последи же, во 7160 году, последние палицы у святых Бориса и Глеба взял Никон митрополит Новгородский, пред собою огнем сожже, и тако преста бесовское то тризнице оттоле со оловянными наконечники тяжкими».⁹ Сама рукопись датируется более ранним временем — второй четвертью XVII в.¹⁰ Ее протографом, вне всякого сомнения, был Чудовский список. Его текст передан без изменений, но после окончания помещено Соборное определение на четвертый брак Ивана Грозного (л. 1123 об.—1129), которым пытались продолжить текст редакции Ионы Думина в конце XVI в. Далее читается фрагмент текста Хронографа 1617 г. со слов «В лето 7050...» до слов «и смерть в лето 7089 ноября в 19 день» (л. 1129), озаглавленный «Хочу же вспомнати о первом браце царя и великаго князя Иванна Васильевича всеа Росии»;¹¹ далее — текст Хронографа 1617 г. со слов «В лето 7092...» до конца¹² (л. 1130—1165). Вместо раздела «О Ермогене патриарсе и о кончине его»¹³ на л. 1155 об.—1159 об. помещен другой текст, озаглавленный «О Ермогене патриархе се списание малое, некто от мятежник написа, хулу и лож сказуя во истории сеи о нем, и мы писание низвергохом, зане во многих се неправое писание распрострися, но несть истина сице сказуемое».¹⁴

Итак, список 32.8.1 отразил первую попытку систематически продолжить текст Степенной книги и довести его повест-

⁹ БАН, 32.8.1, л. 184 об.

¹⁰ Сиренов А. В. Научное описание выявленных списков Степенной книги. С. 32.

¹¹ Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / Собрал и издал Андрей Попов. М., 1869. С. 182—183.

¹² Там же. С. 186—204.

¹³ Там же. С. 200—201.

зование до конца Смуты. По всей видимости, эта попытка имела место в патриаршем списке Степенной книги, который заменил собой архетип редакции Ионы Думина, обетшавший от многократного снятия копий и периодической перестановки тетрадей. Видимо, новым патриаршим списком была все же не рукопись 32.8.1, а ее протограф, поскольку известно еще несколько указанных выше списков такого же состава, но статья Хронографа 1617 г. о патриархе Гермогене не заменена в них «Списанием малым», как в 32.8.1.

Обратим внимание на то, что повествование о царствовании царя Федора Ивановича в 32.8.1 следует тексту Хронографа 1617 г. и имеет заимствованный оттуда же заголовок «Царство государя царя и великаго князя Феодора Ивановича всеа Русии», который продолжен словами «Степень осмыйнадесят, грань 18» (л. 1130 об.). По-видимому, прибавленные слова — это творчество переписчика рукописи, поскольку другие списки, восходящие к общему с ней протографу,¹⁵ их не содержат. Весьма характерно, что подобным образом озаглавлен составленный в окружении патриарха Филарета около 1630 г. Новый летописец: «Книга, глаголемая Новой летописец. Степень царя и великаго князя Федора Ивановича всеа Русии, в ней же исперва степени немногие главы царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русии...».¹⁶ Как видим, для составителя Нового летописца царствование Ивана Грозного относилось к одной «степени», а царствование Федора Ивановича — к другой. В. Г. Вовина допускает, что наименование летописца «новым» могло и не указывать на его вторичный характер по отношению к какому-либо более раннему произведению, а значило, что в нем пойдет речь о событиях нового, т. е. последнего времени.¹⁷ На наш взгляд, наличие в заглавии Нового летописца слова «степень», отнесенного к царствованию Федора Ивановича и появившегося в это время в списке 32.8.1, который был составлен в окружении пат-

¹⁴ *Васенко П. Г.* Заметки к Никоновскому (Академическому) списку Степенной книги // Сб. ст., посвященных С. Ф. Платонову. СПб., 1911. С. 62—69.

¹⁵ *Сиренов А. В.* Степенная книга: история текста. С. 95—96.

¹⁶ ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 14. С. 33.

¹⁷ *Вовина-Лебедева В. Г.* Новый летописец: история текста. СПб., 2004. С. 378—379.

риарха, свидетельствует о родстве Нового летописца со Степенной книгой. Следует отметить, что Новый летописец, как и Степенная книга, не является произведением летописного жанра. Это скорее историко-литературный трактат, стилистические особенности которого не были восприняты последующей историографической традицией. Важно подчеркнуть стилистическое родство Нового летописца со Степенной книгой. По нашему мнению, первые представители династии Романовых, патриарх Филарет и царь Михаил Федорович, инициировали написание истории русского царства с ориентацией на опыт предшествующего времени — Степенную книгу.¹⁸ Полагаем, что столь небольшой хронологический охват Нового летописца вызван в том числе тем обстоятельством, что у династии Романовых не могло быть уходящей в глубокую древность генеалогической предыстории, а именно взаимосвязь истории правящего дома и истории страны послужила основополагающим компонентом Степенной книги — образца для создателей Нового летописца. В целом, появление в 30-е гг. XVII в. Нового летописца доказывает, что Степенная книга не была забыта, ее читали и на нее ориентировались при создании новых памятников идеологии царства.

Для рубежа XVI—XVII вв. характерно распространение списков-копий с существовавшего тогда архетипа редакции Ионы Думина. Такие списки вкладывались, как правило, в монастыри, где вовлекались в литературный процесс в рамках монастырской традиции. Так, началом XVII в. датируется вклад списка Думинской редакции в Кирилло-Белозерский монастырь. Это рукопись РГАДА, ф. 381 (собр. Синодальной типографии) 347, в монастыре с нее вскоре был сделан список РГАДА, ф. 381 (собр. Синодальной типографии) 348. Кроме того, можно думать, что в Кирилло-Белозерском монастыре в первой половине XVII в. была создана Повесть об Усть-Шехонском Троицком монастыре. Повесть начинается с изложения предыстории основания монастыря, с рассказа о нашествии Батыя. Здесь при описании нашествия Батыя весьма вероятно влияние текста Степенной книги (10-й и 13-й глав

¹⁸Следует иметь в виду выявленные В. Г. Вовиной черты, позволившие исследовательнице допустить, что составление Нового летописца имело неофициальный характер (Там же. С. 374—375).

VII грани): «...иже проиде многия грады, пожигая неповинныя люди, владеющих и владомыя, овых убивая, овых же в работу сущим с ним предавая. Тогда убо от благороднаго корени израстьшаго и во благочестии воспитаннаго самодержца всея Русския земли, благовернаго великаго князя Георгия Всеволодича убил — неповинную кровь пролиал на реце на Сите за Волгою. И иных многих побил благоверных князей, а иных в плен сводил. Тогда же взял и сродника его, благовернаго князя Василька Константиновича Ростовскаго. Он же, став пред ним, нечестие его обличил и суетную и богомерзкую веру поплевал и безчеловечна и пса того именовал. И того ради от него мучением конец прият и исповеданием венцем от Христа венчася».¹⁹ Дальнейший текст Повести посвящен реалиям более позднего времени и местного значения. Характерно, что для экскурса в древнерусскую историю, пусть даже самого схематичного, была привлечена именно Степенная книга, несмотря на множество летописцев, имевшихся в библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря в то время. Предпочтение Степенной книге было отдано, вероятно, потому, что в ней повествование о древнерусской истории изложено в агиографическом жанре, и для включения его в текст Повести можно было заимствовать не только фрагменты текста, но и общую схему повествования, как то: последовательность событий, смысловые акценты и др.

Еще один список Думинской редакции, местонахождение которого ныне неизвестно, как упоминалось в гл. 4, был вложен в Троице-Сергиев монастырь его настоятелем архимандритом Дионисием Зобниновским. Уже в первой половине XVII в. к его тексту стали обращаться троицкие книжники. Например, с привлечением Степенной книги в 30-х гг. XVII в. были составлены Четьи-Минеи Германа Тулупова.²⁰ Характерно, что

¹⁹ Прохоров Г. М. Повесть об Устьшехонском Троицком монастыре и рассказы о городе Белозерске // Книжные центры Древней Руси. XVII век: Разные аспекты исследований. СПб., 1994. С. 165.

²⁰ См., напр.: РГБ, ф. 304 (собр. Троице-Сергиевой лавры) 679, л. 216—282 об. (Житие княгини Ольги из Степенной книги); л. 326—467 об. (Житие князя Владимира из Степенной книги). О составлении Тулуповских миней см.: Поньрко Н. В. Герман (в миру Георгий Тулупов) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. СПб., 1992. С. 196—198.

жития Тулуповских миней, источником которых стала Степенная книга, представляя собой дословные выписки из ее текста. Возможно, в Троице-Сергиевом монастыре была предпринята одна из немногочисленных для первой половины XVII в. попыток отредактировать текст Степенной книги. Это произведение в рукописях называется «Временником по степеням от Рюрика Варяжского», а в научной литературе — Забелинским летописным сводом или Временником русским.²¹ Представляется более удачным назвать его Временником по степеням, чтобы отличать от летописно-хронографической компиляции, получившей название «Временник русский» еще в XVIII в.²² В основе этого произведения лежит текст Степенной книги. Предисловие к Временнику составлено на основе предисловия к Степенной книге, однако в самом начале здесь присутствует существенная оговорка. В Степенной книге сказано, что речь пойдет о самодержцах Русской земли, «просиявших» «в благочестии»,²³ т. е. в православии, а во Временнике — «прежде благочестия и во благочестии».²⁴ Правда, счет правителей Временник начинает от Владимира,

²¹ На два его списка указал еще П. Г. Васенко (*Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. СПб., 1904. Ч. 1. С. 139—140). А. Н. Насонов, характеризуя список из собрания И. Е. Забелина, назвал памятник Забелинским летописным сводом, отметил его значение для изучения позднего летописания и предложил датировать его окончательную редакцию временем патриаршества Иова. Основанием для такой датировки явилось то обстоятельство, что в перечне великих князей последним назван Федор Иванович, а в перечне митрополитов — патриарх Иов (*Насонов А. Н.* Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы) // Проблемы источниковедения. М., 1955. Вып. 4. С. 258—259). Временником русским рассматриваемое сочинение назвал М. Н. Тихомиров, который ввел в научный оборот три его списка, а также предположил, что составлен Временник в Москве (*Тихомиров М. Н.* Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 25—29). Отметим, что ни Насонов, ни Тихомиров не обратили внимания на то обстоятельство, что текст Временника составлен на основе Степенной книги (Краткой редакции или редакции Ионы Думина) с прибавлением летописных и хронографических известий, состав которых в разных списках не стабилен. О списках Временника по степеням см.: *Сиренов А. В.* Степенная книга: история текста. М., 2007. С. 417—418.

²² *Насонов А. Н.* История русского летописания XI—начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969. С. 418.

²³ СКДС 2.

²⁴ Цит. по: ГИМ, Вахрамеев 239, л. 187.

как в Степенной книге, а не от Рюрика, доводит же его до последнего представителя династии — Федора Ивановича (в списке Щукин. 171—172 этот перечень доведен до Федора Алексеевича). В основном тексте мы вообще не встречаем указаний на степени. Складывается впечатление, что первоначальный замысел составить новый вариант Степенной книги был реализован только в предисловии. В помещенных после него двух перечнях князей и митрополитов разногласий со Степенной книгой нет. Первый перечень начинается от Владимира (1-я степень) и оканчивается Федором Ивановичем (18-я степень), а второй доведен до Иова. Поскольку текст Временника в большинстве списков заканчивается 1598 г., кончиной Федора Ивановича, то проблема перехода власти от династии Рюриковичей к ее преемникам решена не была. В начале Временника вместо пространных житий княгини Ольги и князя Владимира, которыми открывается канонический текст Степенной книги, читаем рассказ о призвании варягов и происхождении Рюрика от Августа. Этим автор снял повторения фактов и хронологические несоответствия, которые присутствуют в каноническом тексте. Влияние Степенной книги как источника ощущается на протяжении всего текста. Окончание в разных списках существенно варьируется. Последнее заимствование из Степенной книги, которое присутствует во всех просмотренных нами *de visu* списках, рассказывает о крещении митрополитом Макарием сыновей Ивана Грозного царевичей Ивана и Федора: «Им же всем един приемник бысть от святыя купели преосвященный Макарий митрополит всеа Руси». ²⁵ В списках БАН 16.8.14; РНБ, F.IV.253; ГИМ, собр. П. И. Щукина 171—172 дальнейший текст выдержан в летописном жанре: «В лето 7065 преставися на Москве Василей Блаженный, а в 69-м году преставися царица Анастасия Романовна. Того же лета царь и великий князь Иван Васильевич понял черкаску ис Пятигор, и крести ее митрополит Макарей и нарече имя ей Мария. В лето 7071 февраля в 15 день взял град Полтеск, а 74 году была опришнина. Того же году в Новьгороде на люди было поветрия. В лето 7078 царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси ходил в Великий Новград и громил Великий Новград и Псков. Того же году на Москве была меженина: четь ржи купили по 2 руб-

²⁵БАН, 16.8.14, л. 263 об.; ср.: СКДС 761.

ли. Того же году было Божие посещение на Москве с Успенъева дни. В лета 7079-го году на Вознесенъев день приходил царь Крымский и пожег Москву мая в 24 день. И выгорело 40 000 дворов — вся Москва. Лета 7080 приходил крымский царь и перешов Оку и пошел к Москве, и государевы воеводы около своего войска поставили гуляй-городок, и на Молодях был бой, и взяли лутчево Дивея-мурзу, а крымский царь побег назад. 81-го году царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии Пайду взял. 88-го году побил литовской король государевых воевод в Соколе. Лето 7090-го году ноября в 1 день преставися царевич Иван в Слободе Александрове. Лета 7092 марта в 18 день преставися царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии во иноцех Иона. Того же году июня в 1 день сел на Московском государстве царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии. Лета 7094 июля в 1 день почели имать кабалы служивые и в книги записывати. Лета 7097 году царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии ходил под Ругодив. Лето 7099 мая в 15 день убиен царевич Дмитрий Иванович на Углече от Никитки Качалова да от Данилка Битяговского с товарищи. Того же году приходил царь Крымский под Москву на Петров день, и дело было с воеводы в лето 7088».²⁶ Последняя дата, 7088 (1580) г., является следствием описки: должно быть написано 7099 (1591) г. Как видим, повествование не доведено до кончины Федора Ивановича. Это, видимо, и позволило А. Н. Насонову предположить, что текст Временника был написан в конце XVI в. Однако рассмотренный вариант текста нельзя признать первичным. В списках РНБ, Q.XVII.72 и Q.IV.144, ГИМ, Увар. 928 и Вахрамеев 239 окончание иное. Можно утверждать, что списки Q.XVII.72, Увар. 928 и Вахрамеев 239 восходят к Q.IV.144. В последнем списке после известия о крещении митрополитом Макарием царских сыновей заимствование из Степенной книги не обрывается, а, напротив, продолжено: «Второму же лету наставшу от Рожества царевичю Ивану, о нем же сугубо хотя...».²⁷ Далее рукопись обрывается (л. 250). В списке Вахрамеев 239 текст Временника закан-

²⁶Цит. по: БАН, 16.8.14, л. 263 об.—264 об.

²⁷Ср. чтение Степенной книги: «Второму же лету наставшу от рожения царевичю Ивану, о нем же сугубо хотя Господь прославити угодника Своего, святаго Никиту» (СКДС 761—762).

чивается также на словах «сугубо хотя» (л. 424 об.). В списке Q.XVII.72 после слов «сугубо хотя» помещена серия летописных статей, которая начинается с известия о страдании 27 января 7037 (1529) г. мученика Ивана Нового, а заканчивается известиями о воцарении и кончине царя Федора Ивановича (л. 229—231 об.). Та же особенность имеется и в Увар. 928 (л. 314 об.—317). Очевидно, таким образом, что архетипной для рассмотренной группы списков является рукопись Q.IV.144, которая обрывается на середине фразы, заимствованной из Степенной книги. Обратим внимание, что в списке Q.IV.144 последнее заимствование из Степенной книги не завершается известием о крещении царевичей, как в списках первой группы, а продолжено. Однако, поскольку окончание текста первоначального варианта Временника нам неизвестно, мы не можем судить о его хронологическом охвате. Как бы то ни было, преемственность Временника о Степенной книгой ощущается только в заглавии и предисловии, поэтому можно сказать, что Временник относится скорее к летописному жанру, чем к традиции переработок Степенной книги. Самый ранний известный нам список Временника, Q.IV.144, датируется 30-ми гг. XVII в.²⁸ География распространения списков — подмосковные города Зарайск (РНБ, Q.XVII.72), Звенигород (РНБ, F.IV.253), возможно, Москва.²⁹ В ряде списков после текста Временника следует Сказание о Каменном монастыре Паисия Ярославова.³⁰ В списке 16.8.14 кроме Временника читаем Краткую редакцию «Сказания, яже содеяся в царствующем граде Москве, и о расстриге Гришке Отрепьеве, и о походе-нии его», в списке Q.IV.144 — «Повесть, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов и како на него попусти Господь Бог врага и поругателя еретика ростригу Гришку Отрепьева», в списке РГАДА, ф. 357 (собр. Саровской пустыни) 53 (275) — житие Дионисия Зобниновского Симона Азарьина, в списке Q.XVII.72 — летописец с легендарными известиями о древнерусских князьях,³¹ в списке

²⁸ Сиренов А. В. Степенная книга: история текста. С. 418.

²⁹ В списке Q.XVII.72 на л. 147 об. помещена владельческая запись 1677 г. подьячего «Барашские слободы».

³⁰ Сиренов А. В. Степенная книга: история текста. С. 418.

³¹ Опубликовавший это произведение М. Г. Халанский предположил, что оно, вероятно, написано в Москве, но ничем это предположение не аргумен-

Музейск. 1473 — фрагмент тверской летописи³² и др. Итак, в конвое Временника присутствуют Сказание о Каменном монастыре Паисия Ярославова (в четырех списках) и Житие Дионисия Зобниновского. Деятельность обоих авторов тесно связана с Троице-Сергиевым монастырем, а это позволяет предположить, что в Троице-Сергиевом монастыре переписывался и был создан Временник русский.

Возможно, с Временником связана своим происхождением русская часть так называемого Троицкого сборника, исторической компиляции, созданной в конце 30-х—40-е гг. XVII в. в Троице-Сергиевом монастыре. Она известна в двух списках — РГБ, ф. 310 (собр. В. М. Ундольского) 754 и Хронограф Арсения Суханова (РНБ, Ф. XVII.17), который датируется 50-ми гг. XVII в. — видимо 1655—1660 гг., когда Арсений Суханов был келарем Троице-Сергиева монастыря.³³ Источники русской части хронографической компиляции Троицкого сборника определены Б. М. Клоссом. Это хранившаяся в XVII в. в троицкой библиотеке Московско-академическая летопись, Степенная книга, Киево-Печерский патерик, Космография, Хронографическая палея, Хронограф редакции 1617 г., Хроника Матвея Стрыйковского, Казанская история и др.³⁴ На Степенную книгу имеются неоднократные ссылки, например: «Преосвященнаго же митрополита Петра чудотворца подвиги и добродетельное житие его писано особь в книге, и в летописце полном, и в Степенной книге...».³⁵ Использовали Степенную книгу и в качестве источника. Так, при описании владимирского пожара 1491 г. упомянуто, что «тело великаго князя Александра Невского згоре», далее указано «в Степенной же книге написано сице» и приведен несколько сокращенный и переработанный текст 21-й главы XV грани Сте-

тировал (*Халанский М. Г.* Экскурсы в область древних рукописей и старопечатных изданий. XXI—XXIII. Харьков, 1902. С. 8). Более подробную характеристику этого произведения см.: *Ромодановская Е. К.* Русская литература на пороге Нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994. С. 71—78, 210—215.

³² *Насонов А. Н.* О тверском летописном материале... С. 30—31.

³³ *Каган М. Д.* Арсений (в миру Антон Суханов) // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* СПб., 1992. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. А—З. С. 100.

³⁴ *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С. 276.

³⁵ Ф. XVII.17, л. 354 об.

пенной книги (со слов «По божественней литургии...» до слов «...мирских людех, в той церкви собравшихся, много згорело»³⁶), некогда так полюбившийся Ионе Думину. Троицкий сборник содержит еще одно следствие влияния Степенной книги, которое роднит его с Временником по степеням. В начале повествования о русской истории на поле поставлена отметка «Степень 1»,³⁷ причем эта отметка относится явно не к Владимиру Киевскому, а к Рюрику. Владимиру же соответствует отметка «Степень 4». Так, счет степеней продолжается до царя Федора Ивановича, на царствование которого приходится отметка «Степень 21». На этом счет степеням завершён, и описанное далее царствование Бориса Годунова не сопровождается соответствующим указанием на степень. Таким образом, в Троицком сборнике все поколения Рюриковичей пронумерованы подобно тому, как это сделано в Степенной книге. Поскольку Степенная книга была одним из источников рассматриваемой компиляции, здесь следует признать ее влияние. Однако в Степенной книге счет поколений династии Рюриковичей начат с Владимира Святого, и царь Федор Иванович получил бы в ней номер 18, а не 21. Напомним, что вести счет от Рюрика и закончить его на Федоре Ивановиче намеревался составитель Временника по степеням. Полагаем, что Троицкий сборник и Временник по степеням, связанные своим происхождением с Троице-Сергиевым монастырем и созданные в одно время, отражают историософские взгляды на русскую историю троицких монахов второй четверти XVII в. Характерно, что русская история эпохи Рюриковичей воспринималась ими как единый завершённый этап, без принципиального для Степенной книги деления на две части — дохристианскую и христианскую. При этом сам принцип структурирования, деление истории на поколения правителей, был заимствован из Степенной книги. Так в Троице-Сергиевом монастыре послесмутной эпохи пытались использовать Степенную книгу для оформления своих представлений о русской истории.³⁸

³⁶ F.XVII.17, л. 430 об., ср.: СКДС 663—664.

³⁷ F.XVII.17, л. 284 об.

³⁸ Оговоримся, что при изложении древнерусской истории счет степеням от Рюрика вполне могли применять не только в Троице-Сергиевом монастыре, однако нам другие случаи для традиции XVII в. неизвестны.

Явный интерес к Степенной книге проявлял известный книжник Троице-Сергиева монастыря Симон Азарьин. В одном из его сборников (РГБ, ф. 304 (собр. Троице-Сергиевой лавры) 811 (1910)), содержание которого — выписки из различных источников о русской истории, около двух третей (л. 6—190) составляют тексты, извлеченные из Степенной книги. Сюда попали Сказание о чудесах иконы Владимирской Богоматери (из 24-й главы XIII грани), Жития митрополитов Петра (из 4-й главы X грани), Алексия (из 7-й главы XI грани), Ионы (из 19-й главы XIV грани).³⁹ Свод выписок из Степенной книги под заглавием «Сказание российских началодержец Степенныа книги царскаго родословия, иже в Русей земли, вкратце нужныа строки» включен в другой сборник Симона Азарьина — «Лампада».⁴⁰ Степенная книга была привлечена Симоном Азарьиным при редактировании Жития Сергия Радонежского. Созданная им редакция издана на московском Печатном дворе в 1646 г. и по этой причине получила большое распространение и популярность. Суть редакторской работы Симона Азарьина заключалась в дополнении редакции, составленной в XV в. Пахомием Логофетом. Дополнения коснулись чудес, произошедших с начала XVI в. до первой половины XVII в. Этот перечень начинают два чуда, при описании которых источником стала Степенная книга.⁴¹ Первое из них, описанное соответственно в 54-й главе редакции Симона Азарьина «Чудо о чудесном зачатии и о рождении великого князя Василия Ивановича всея Руси самодержца», передает легенду о пророчестве Сергия Радонежского относительно рождения Василия III. В 55-й главе «Чудо преподобнаго Сергия чудотворца о преславней победе на литву у града Опочки» приводится текст 11-й главы XVI грани, как отмечает В. В. Филатов, с существенными сокращениями (так, сокращению подверглись тексты, повествующие о чудесах Сергия), которые исследователь относит на счет редак-

³⁹[*Арсений, иером., Иларий, иером.*] Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1878. С. 262.

⁴⁰Там же. С. 263—264.

⁴¹*Филатов В. В.* Икона с изображением сюжетов из истории Русского государства // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22. Взаимодействие литературы и изобразительного искусства в Древней Руси. С. 279—282.

туры при подготовке текста к изданию.⁴² Отметим исследованную В. В. Филатовым икону Сергия Радонежского в житии, написанную в XVII в. на материале рассмотренной редакции Жития.

По-видимому, в 30—40-е гг. XVII в. распространение получает уже другой вариант текста Степенной книги — не редакция Ионы Думина, а Чудовский извод Краткой редакции. Полагаем, что это связано с заменой патриаршего экземпляра Степенной книги. Как упоминалось выше, обветшавший список редакции Ионы Думина был заменен списком Чудовского извода Краткой редакции с продолжением по тексту Хронографа редакции 1617 г. Количество изготавливаемых списков-копий при этом значительно уменьшилось. Но таковые все же были. Так, список Степенной книги, по-видимому, Чудовского извода Краткой редакции, хранился в первой половине XVII в. в библиотеке сибирских митрополитов. Опись Тобольского архиерейского дома 1651 г. числит там рукопись Степенной книги «александрейские большие бумаги», т. е. форматом в развернутый лист.⁴³ Ни одного списка такого формата нам не известно. Как предполагает Е. К. Ромодановская, существенная часть библиотеки тобольских архиереев сгорела в 1700 г.⁴⁴ При этом можно указать на переработку Степенной книги, которая, по всей видимости, восходит к тобольскому списку и относится к первой половине XVII в. Она сохраняет название Степенной книги, но, подобно Временнику по степеням, существенно сокращает канонический текст своего основного источника,⁴⁵ поэтому мы назвали ее Сокра-

⁴²Филатов В. В. Икона с изображением сюжетов... С. 281.

⁴³См.: Ромодановская Е. К. Русская литература в Сибири первой половины XVII в. (Истоки русской сибирской литературы). Новосибирск, 1973. С. 13.

⁴⁴Там же.

⁴⁵Нам известно пять ее списков: РНБ, собр. А. А. Титова 2099, 2853 (л. 9—486); ГИМ: собр. А. С. Уварова 690, 864, собр. Е. В. Барсова 1850. Текст Сокращенной редакции в списке Титов 2853 является копией списка Увар. 690, так как в обеих рукописях текст памятника оборван на слова Сказания о Данииле Переяславском: «наутрия же бури преставши инои». В списке Увар. 690, который датируется 30—40-ми гг. XVII в., на этих словах обрывается рукопись и они оказываются последними на странице, а в списке 60-х гг. XVII в. Титов 2853 эти последние слова оказываются в середине страницы. Списки 30—40-х гг. XVII в. Увар. 864 и Титов 2099

щенной редакцией.⁴⁶ Один из списков, ГИМ, собр. Е. В. Барсова 1850, содержащий фрагменты Сокращенной редакции, имеет выходную запись, в которой сообщается, что рукопись была написана в 1644 г. в Тобольске.⁴⁷ Это позволяет предположить, что и редакция была составлена там же, что весьма вероятно, поскольку мы знаем о существовании в Тобольске Степенной книги. Сокращенная редакция составлена на основе Чудовского извода Краткой редакции.⁴⁸ Значительно переработано здесь только начало Степенной книги. Вместо Житий Ольги и Владимира читается рассказ Хронографа о сотворении мира и библейской истории. Далее изложена канва русских событий, извлеченная из Житий Владимира и Ольги. Отметим, что подобным образом изменил начало канонического текста Степенной и автор Временника по степеням. Предполагать родство этих произведений нет оснований. Скорее, перед нами две независимые одна от другой попытки сократить и отредактировать канонический текст Степенной книги. Характерно, что оба редактора решили сократить первые разделы Степенной книги, Жития Ольги и Владимира, которые представляют собой остаток первоначального замысла Степенной книги и, как было показано в гл. 2, содержат повторы текста и отдельных известий. Сокращение этих разделов Степенной книги представляется весьма объяснимым для любого книжника, вознамерившегося отредактировать ее текст.

В 30-е гг. XVII в. к Степенной книге обратился думный дьяк (на пике своей карьеры — печатник) Иван Тарасевич

идентичны по составу. Они содержат текст Сокращенной редакции с начала до Жития митрополита Алексия включительно и несомненно восходят либо один к другому, либо — к общему протографу.

⁴⁶ Сиренов А. В. Степенная книга: история текста. С. 418—420.

⁴⁷ По нижнему полю л. 1—9 скорописью XVII в.: «Сия книга Степенная царьскаго родословия попа Афонасия Иванова Сальманова родом воложника, писана в Тобольске 152 году».

⁴⁸ Сокращенная редакция не имеет черт влияния редакций Пространной и Ионы Думина. Следует исключить и Томский извод, так как в Сокращенной редакции отсутствует расчет количества лет святительства митрополита Феофемпта (РНБ, Титов 2853, л. 74 об.), который был приписан редакторским почерком по наклейке в Томском списке (в 4-й главе II грани «сий Феофент пас церковь Божию лет 12» (СКДС 204/63)) и читается во всех копиях Томского списка.

Грамотин. Он активно участвовал в политических перипетиях Смутного времени, переходя от Бориса Годунова к Лжедмитрию, от Лжедмитрия к Шуйскому, далее — к Тушинскому вору, а затем к Сигизмунду, пока в 1618 г. не вернулся в Россию вместе с Филаретом, отношения с которым у Грамотина к 1626 г. также испортились. В 1634 г. со смертью патриарха Филарета окончилась его восьмилетняя опала, после возвращения ко двору Грамотин получил право писаться с «вичем», т. е. именоваться не Иваном Тарасиевым сыном, а Иваном Тарасьевичем, как он и назвал себя в составленной им редакции Сказания о битве новгородцев с суздальцами. Это обстоятельство позволило Л. А. Дмитриеву датировать его сочинение временем не ранее 1634 г. и не позднее 1638 г., когда Грамотин умер.⁴⁹ Он окончил свои дни монахом Троице-Сергиева монастыря, где постригся с именем Иоиль в 1637 г., поэтому вероятнее всего, что Сказание о битве новгородцев с суздальцами Грамотин редактировал не позднее 1637 г. — в Сказании он называет себя мирским именем.⁵⁰ В рукописях его редакция помещена вместе с редакцией Степенной книги, с которой она полемизирует. В Степенной книге читаем, что после того, как Ярослав Мудрый дал новгородцам право выбирать себе князя, они «самовластие на ся взяша и гордынею победишася», выбирали князя по своему усмотрению и при этом неоднократно нарушали договоренности с князьями, ссорились между собой, тем самым за самоуправство навлекая на себя Божий гнев.⁵¹ Поход Андрея Боголюбского на Новгород в Степенной книге представлен как Божья кара новгородцам за их «самовластие» и «беззаконие». Сама победа новгородцев над войском Андрея вызвала у автора Степенной

⁴⁹Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973. С. 141. Отметим, что в списке РНБ, F.I.730 он назван «Иоанном Тарасьевым Грамотиным», что побуждает отнестись к датировке, предложенной Л. А. Дмитриевым, с осторожностью.

⁵⁰О биографии И. Т. Грамотина см.: Пуцилло М. Думный дьяк Иван Тарасьевич Грамотин (1606—1638) // Древняя и новая Россия. 1878. № 6. С. 123—126; Зиборов В. К. Грамотин Иван сын Курбатов Тарасьевич (во иночестве Иоиль) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3. Ч. 1. С. 224—226.

⁵¹СКДС 273.

книги соответствующий комментарий: «Неправи бо суть новгородци, яко забыша великую милость прежних великих князей, иже поволиша им князя к себе взимати от сынов и внучат у великих князей, его же прашаху, да господствует ими». ⁵² Сказание в редакции Степенной книги завершено известием о подчинении Новгорода Москве при Иване III. Замечательно, что Грамотина такая трактовка известной истории не устроила. О Новгороде он пишет: «Во странах великаго Российскаго царьствия бе некий град, зовомый Великий Новъград, преславен во всех градах Руския державы»; ⁵³ новгородцы, по словам Грамотина, «имеяху христианское жителство и благочестием украшающесея». О начале новгородской вольницы сказано в согласии со Степенной книгой: «Начальствующаго же князя имеяху тогда у себе сына его (Владимира Киевского. — А. С.) Ярослава Владимировича, ему же верно служаху, и за премногую их добродетель и помощь, яже показаша противу врагов его, почтени быша от него самовластием, еже и по нем имети им у себе начальствующаго князя от колена и племени сего Ярослава. И по избранию сих, его же они восхотят, и данем послушанию положиша урок, еже не преходити предел, преже оставленных». Однако Степенная книга в нарушении этого договора обвиняет исключительно новгородцев: «и помалу самовластие на ся взяша и гордынею победишася и ко князем их многожды, аще и мир съдевающе и честным крестом утвержахуся, и и нимало правды удръжеваху, но многожды мирное завещание престаху, не токмо ко княземъ их, но и межы собою, и многа убийства съдеваху и многи крови пролияша». ⁵⁴ Грамотин же с этим не согласен, полагая, что равновесие было нарушено с обеих сторон: «ото обоих преступлению бывшу от уставленнаго урока; овогда новгородцем преслушание показующим и супротивление к державным, овогда же и князем преставающим уставленный урок, ноипаче граждане многожды безлепотно волнуящесея и крамоляху князей и от себе изгоняху

⁵²СКДС 276.

⁵³Здесь и далее цит по: РНБ, F.I.730, л. 6—6 об. См. также: *Дмитриев Л. А.* Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. ... С. 142.

⁵⁴СКДС 273.

з бесчестием. И сих ради от обоих многа крамола и неисправление растяше и множашеся». К походу Андрея Боголюбского Грамотин относится резко отрицательно, полагая его главным мотивом алчность и зависть к цветущему состоянию Новгорода. Симпатии автора целиком на стороне новгородцев. Процветание Новгорода Грамотин объясняет его политической независимостью, «понеже самовластием управляющеся и ни единому от преже бывших князей попущающе обладати собою, но уставленная и умеренная дающе сим». Сочинение Грамотина — редкое проявление «духа времени». Для людей, прошедших через ужасы и соблазны Смутного времени, концепция абсолютной монархии, проводимая в Степенной книге, не казалась самой лучшей для их современности. Характерно, что государственный деятель эпохи Михаила Федоровича сознательно противопоставляет концепции Степенной книги республиканскую идею. Во взглядах Грамотина на Степенную книгу и в его несогласии с ее постулатами кроется ответ на вопрос, почему в послесмутную эпоху Степенная книга не пользовалась популярностью.

Глава 6

СТЕПЕННАЯ КНИГА И РУССКАЯ АГИОГРАФИЯ XVII в.

Пожалуй, наиболее широко Степенную книгу использовали в агиографическом творчестве. Для первой половины XVII в. можно назвать Тулуповские минеи. Однако в гораздо большей мере Степенная книга привлекалась при создании житий начиная с середины XVII в. Ряд житийных произведений, составленных с привлечением Степенной книги, встречаем в так называемых Милютинских Минеях Четых, которые в истории русской агиографии XVII в. занимают исключительно важное место. Известны так называемые «Милютинские» редакции целого ряда Житий и Сказаний о чудотворных иконах. Это значит, что наиболее ранний список такой редакции содержится в минеях, составленных в 40-е—начале 50-х гг. XVII в. священником Иоанном Милутиным. Милютинские минеи хранятся ныне в Синодальном собрании (ГИМ), но когда они поступили в патриаршее книгохранилище — неизвестно. Минеи представляют собой объемные тома (сохранились все двенадцать — ГИМ, Синодальное собр. 797—808) форматом в четвертую долю листа, написанные скорописью нескольких почерков.¹ Переплеты изготовлены из кожи без досок, на некоторых томах сохранились кожаные же завязки или их остатки. Количество листов в каждом томе столь зна-

¹ Их описание см.: *Савва, архим.* Указатель для обозрения московской патриаршей (ныне Синодальной) ризницы и библиотеки. М., 1858. С. 211; *Протасьева Т. Н.* Описание рукописей Синодального собрания. М., 1970. Ч. 1. С. 208—211.

чительно, что толщина книги превосходит высоту. Следует отметить, что подобное соотношение размеров в древнерусской книжности встречается чрезвычайно редко. Такими книгами неудобно пользоваться, по причине многочисленности листов их переплеты крайне ненадежны. Совершенно очевидно, что составление Милютинских миней не было рядовым явлением: они представляют собой не просто четьи книги и предназначены отнюдь не для келейного или домашнего чтения. Этот компендиум, скорее всего, составлялся с определенной целью. Что же нам известно об обстоятельствах создания Милютинских Миней Четых?

В каждом томе миней читается послесловие, в котором называются авторы и время составления тома.² Отсюда мы узнаем, что создатель миней, «...священнического чина Иоанн, пореклом Милютин», служил в Христорожественской церкви Служней слободы посада Троице-Сергиева монастыря. Иоанн Милютин поручил составление миней своим трем сыновьям (как он пишет: «тремя чадом моим отроческаго возраста»), сам же осуществлял общее руководство и принимал участие в переписке текстов: «с ними же иногда и самому моему художеству, Богу помогающе, отчасти потружатися поспешения ради скорым писанием и первоучным их». В послесловиях также указан основной источник Милютинских Миней: «писах же с монастырских миней четых», в котором исследователи обоснованно видят Минеи Германа Тулупова, составленные в Троице-Сергиевом монастыре в 30-е гг. XVII в. и хранившиеся в монастырской библиотеке. Содержится в послесловиях и точное время работы над минеями: «почах же писати в лета 7154 года генваря в 18 день и кончах 162», т. е. Минеи составлялись в 1646—1654 гг.

Даже беглое знакомство с Милютинскими Минеями показывает, что они значительно превзошли свой источник, Тулуповские Минеи, в отношении количества привлекаемых текстов.³ Особенно много в Милютинских Минеях житий и ска-

²Текст послесловия опубликован: *Понырко Н. В.* Иоанн Иванов Милютин // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* СПб., 1992. Вып. 3. Ч. 1. С. 67—69.

³Подробное оглавление Милютинских миней опубликовано: *Иосиф, архим.* Оглавление Четых миней священника Иоанна Милютина. М., 1867.

заний о русских святых и святынях. Обратим внимание на особенности составления минейных томов. Произведения, входящие в каждый том, написаны на отдельных тетрадках или отдельных листах. Причем на нижнем поле первого листа неизменно ставилась помета, обозначающая количество тетрадей или листов, которое занимает данный текст (например: «3 листа» — Синод. 798, л. 729; «4 тетради» — Синод. 804, л. 299). Складывается впечатление, что сначала изготавливались отдельные списки житийных текстов, а затем они объединялись в конволюты по хронологическому принципу; тексты на один месяц составляли отдельный том.

Милютинские минеи имеют важное значение для изучения отечественной исторической мысли, поскольку здесь мы впервые для традиции XVII в. встречаем жития неканонизированных древнерусских князей. В этом Милютинские минеи перекликаются со Степенной книгой — памятником предшествующей эпохи. По-видимому, обращение Милютина к исторической традиции середины XVI в. не случайно. В 1654 г. были обновлены росписи кремлевского Архангельского собора, основную часть которых составляют портреты древнерусских князей. К 1652 г. на средства патриарха Иосифа артељу патриаршего иконописца Марка Матвеева был расписан Успенский собор владимирского Княгинина монастыря — усыпальницы владимирских княгинь XIII в.⁴ В этой росписи появились изображения владимирских князей XII—XIII вв., в том числе и неканонизированных. Отметим, что здесь речь идет не об обновлении ранее существовавшей росписи, как в Архангельском соборе, а о создании новой композиции. Таким образом, можно сказать, что Милютинские Минеи появились на волне возвращения к историческим традициям середины XVI в., и что они эти традиции также отразили.

Нет ничего удивительного в том, что источником княжеских житий для Милютинских Миней послужила Степенная книга.⁵ Как упоминалось выше, в первой половине XVII в.

⁴ *Тихонравов К. Н.* Княгинин Успенский девичий монастырь во Владимире Клязменском // Владимирский историко-статистический сборник. Владимир, 1869. Отд. 2. С. 37, 44, 46.

⁵ *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. СПб., 1904. Ч. 1. С. 231.

список Степенной книги находился в библиотеке Троице-Сергиева монастыря.⁶ В июльском томе Милютинских Миней читается прямая ссылка на Степенную книгу как источник. В заголовке повествования о княгине Ольге и крещении костей Ярополка и Олега Святославичей указано: «Сие списано и[с] Степенных книги, грань 1, глава 75» (Синод. 807, л. 608). Вообще же к тексту Степенной книги можно возвести целый ряд текстов Милютинских Миней. Прежде всего это княжеские жизнеописания: Житие Михаила Черниговского (под 20 сентября — Синод. 797, л. 642—657 об.), Повесть о преставлении князя Дмитрия Юрьевича Красного (под 22 сентября — Синод. 797, л. 679—683), «О убиении великаго князя Изяслава Ярославича» (под 3 октября — Синод. 798, л. 343—344 об.), Повесть о князе Давиде Святославиче (под 14 октября — Синод. 798, л. 729—731 об.), Повесть о князе Николе Святоше Давидовиче (под 14 октября — Синод. 798, л. 733—740 об.), «О убиении князя Ярополка Изяславича» (под 22 ноября — Синод. 799, л. 1180—1182 об.), Слово об обретении мощей Всеволода-Гавриила Псковского (под 27 ноября — Синод. 799, л. 1605—1610 об.), Плач и страдание князя Георгия Всеволодовича (под 4 февраля — Синод. 802, л. 96—99 об.), Житие Всеволода-Гавриила Псковского (под 11 февраля — Синод. 802, л. 274—288 об.), Сказание о князе Ярославе Мудром (под 24 февраля — Синод. 802, л. 688—695 об.), Повесть о князе Данииле Александровиче Московском (под 4 марта — Синод. 803, л. 110—117 об.), «Страдание блаженнаго князя Василька Ростовскаго» (под 4 марта — Синод. 803, л. 118—121 об.), Житие Феодора Черного (под 5 марта — Синод. 803, л. 180—184 об.), «О благодарном терпении великия княгини Марии Всеволожи и о монастыри ея» (под 19 марта — Синод. 803, л. 588—591 об.), Житие княгини Вассы Нижегородской (под 28 марта — Синод. 803, л. 1062—1063 об.), Повесть о великом князе Иване Даниловиче (под 31 марта, Синод. 803, л. 1222—1231 об.), Повесть о великом князе Димитрии Александровиче Переяславском (под 20 мая — Синод. 805, л. 1088—1094), Сказание о великой княгине Евдокии, жене Дмитрия

⁶ Он хранился там и в середине XVII в. (см.: *Опись книгам, в степенных монастырях находившимся, составленная в XVII веке // Чтения ОИДР. 1848. Кн. 5. Смесь. С. 12).*

Донского (под 7 июня — Синод. 806, л. 350—359), «Страдание великаго князя Романа Ольговича Рязанскаго во Орде за веру Христову» (под 20 июня — Синод. 806, л. 914—915), Повесть об убиении Андрея Боголюбского (под 29 июня — Синод. 806, л. 1244—1247 об.), Житие княгини Ольги (под 11 июля — Синод. 807, л. 548—607). Повесть о княгине Ольге и крещении костей Ярополка и Олега Святославичей (под 11 июля — Синод. 807, л. 608—614).⁷

Степенная книга стала источником и нескольких текстов о русских митрополитах: Сказание о митрополите Киприане (под 16 сентября — Синод. 797, л. 554—561 об.), «Страдание преосвященнаго Феогноста митрополита о дани церковней» (под 14 марта — Синод. 803, л. 362—363 об.), Чудо о преставлении митрополита Константина (под 14 марта — Синод. 803, л. 364—365 об.), Житие митрополита Ионы (под 30 марта — Синод. 803, л. 1146—1197 об.), Сказание о митрополите Фотии (под 2 июня — Синод. 806, 206—237 об.).

Наконец, из Степенной в Милютинские минеи попали два сказания о чудотворных иконах: Сказание об иконе Владимирской Богоматери (под 23 июня — Синод. 806, л. 952—1013), «О явлении чудотворнаго образа Пречистыя Богородицы и о начале монастыря Ея Колоческаго» (под 11 июля — Синод. 807, л. 616—621) и Житие Даниила Переяславского (под 7 апреля — Синод. 804, л. 299—326 об.).

Обратим внимание, что все тексты, источником которых являлась Степенная книга, написаны двумя скорописными почерками:⁸ один можно охарактеризовать как крупный средней выработанности, с округлыми начертаниями, а другой — более мелкий, с элементами делопроизводственной скорописи

⁷ Возможно, к Степенной книге восходит и Житие Александра Невского в редакции Ионы Думина (под 23 ноября, помещено под 29 февраля — Синод. 802, л. 1055—1167). Житие Евфросинии Полоцкой (под 23 мая — Синод. 805, л. 1249—1270) представлено в редакции, близкой к помещенной в Степенной книге, но все же другой. Житие Михаила Тверского («Убиение князя Михаила Ярославича Тверскаго» (под 22 ноября — Синод. 799, л. 1152—1179)) представлено в другой редакции, но ее текст сверен со Степенной книгой, однако особенности текста последней по результатам сверки не прослеживаются (Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском: Историко-текстологическое исследование. М., 1974. С. 44—45).

⁸ Исключение составляет Житие Александра Невского редакции Ионы Думина, написанное книжным полууставом.

первой половины XVII в. Можно предположить, что эти почерка принадлежат двоим сыновьям Иоанна Милютина, поскольку редакторские пометы, принадлежащие, по-видимому, самому Иоанну Милютину, исполнены, как представляется, другим почерком.⁹ Замечательно, что основной массив текстов, написанных вторым почерком, имеет своим источником Степенную книгу редакции Ионы Думина (рукопись с именно этой разновидностью текста хранилась в библиотеке Троице-Сергиева монастыря). Тексты же, написанные первым почерком, были выписаны из другой рукописи Степенной книги.¹⁰ Список этот столь необычен, что на нем необходимо остановиться особо. В отношении текстов, написанных первым почерком, источником которых является начальная часть Степенной книги (до 11-й главы VI грани), можно утверждать, что они были списаны непосредственно с черновика Степенной книги Волковского списка. В этом убеждают многочисленные индивидуальные чтения Волковского списка, отразившиеся в текстах Милютинских Миней. Приведем наиболее явные из них. Так, в Повести о Николе Святоше на боковом поле читаются подзаголовки «Постриже[ние]», «Молитва», «Милостыня», «О лечце», «Преставление» — их находим только в Волковском списке.¹¹ В тексте «О убиении князя Ярополка Изяславича» на боковом поле читается подзаголовок «Молитва», который является индивидуальным чтением Волковского списка.¹² В Житии Всеволода-Гавриила отражен подзаголовок в индивидуальном чтении Волковского

⁹ Рассматриваемые два почерка можно сопоставить с изученными Э. В. Шульгиной почерками двух сыновей Иоанна Милютина следующим образом. Выделенный нами почерк 1, по-видимому, тождественен первому почерку по исследованию Э. В. Шульгиной, а наш почерк 2 — третьему почерку (Шульгина Э. В. Скорописное письмо XVII в. по Милютинским Миней-Четьям // Вопросы славяно-русской палеографии, кодикологии, эпиграфики. М., 1987. С. 21—30).

¹⁰ Исключение здесь составляет Житие княгини Ольги, написанное первым почерком и содержащее текст Степенной книги редакции Ионы Думина, а также следующее за ним повествование о княгине Ольге и крещении костей Ярополка и Олега Святославичей, написанное вторым почерком и имеющее своим источником текст Степенной книги другой разновидности, о котором ниже.

¹¹ Синод. 798, л. 733, 734, 739; СКДС 215/53, 58, 216/2, 3, 218/39.

¹² Синод. 799, л. 1180 об.; СКДС 212/23.

списка: «[Ч]юдо о явлении святого пономарю», во всех других разновидностях текста Степенной книги этот подзаголовок читается иначе: «Явление святого понамарю и чудо, како отразися часть мощей его». ¹³ Далее в этом же тексте в минеях вместо «пономарь» написано «слолономарь» ¹⁴ — это отражение ошибки Волковского списка («столомонар» ¹⁵); во фразе «весь причет церковный» в минеях, как и в Волковском списке, отсутствует слово «весь». ¹⁶ В Сказании о Ярославе Мудром в словосочетании «благочестивый князь самодержец» в минеях и Волковском списке отсутствует слово «князь». ¹⁷ В повествовании о княгине Марии Шварновне во фразе «идеже и доньне есть новый монастырь» вместо слова «идеже» в Волковском списке и минеях читается «идеже»; ¹⁸ из всех списков Степенной книги только в Волковском отсутствуют слова «в приделе Благовещения на правой стране. У нея же последи положена бысть и вторая супружница Всеволожа, дщи витебскаго князя» — их нет и в тексте миней. ¹⁹ Несомненно, с Волковского списка был скопирован один текст, исполненный вторым почерком — повествование о княгине Ольге и крещении костей братьев князя Владимира. В этом убеждает как совпадение текста, так и одно индивидуальное чтение Волковского списка, имеющееся в тексте миней — «новопрощеннаго» вместо «новопросвещеннаго». ²⁰ Обратим внимание, что именно этот текст содержит единственную в Милютинских Минеях отсылку к тексту Степенной книги «сие списано и[с] Степенных книги, грань 1, глава 75». Не характерна для творческого метода составителей миней и композиция этого повествования. Обычно каждое произведение Милютинских Миней посвящено одному сюжету, в центре которого находится некий святой, здесь же повествуется о княгине Ольге, ее кончине, последовавших далее событиях, крещении останков князей-язычников Ярополка и Олега. Можно предполо-

¹³ Синод. 799, л. 1609; СКДС 241/25—25.

¹⁴ Синод. 799, л. 1609 об.

¹⁵ СКДС 241/39.

¹⁶ Синод. 799, л. 1610; СКДС 241/53.

¹⁷ Синод. 802, л. 690 об.; СКДС 204/13.

¹⁸ Синод. 803, л. 588 об.; СКДС 265/87.

¹⁹ Синод. 803, л. 591 об.; СКДС 267/26—26.

²⁰ Синод. 807, л. 611; СКДС 199/51.

жить, что перед нами первый для составителей миней опыт обращения к тексту Степенной книги. В дальнейшем была скорректирована методика выписок. Владелец второго почерка уже больше не обращался к черновику Степенной книги, он работал с более поздним списком. Черновик стал объектом выписок для владельца первого почерка. Характерно, что в текстах, написанных первым почерком и заимствованных из Степенной книги — той ее части, которая не дошла в составе Волковского списка (он содержит текст только до конца 11-й главы VI грани), текст оказывается близким к Пискаревскому списку — непосредственной копии черновика Степенной книги. Причем тексты миней не содержат ошибок Пискаревского списка. Речь идет о Житиях митрополита Ионы, Даниила Переяславского (без последнего сюжета, о котором ниже), Сказаниях о митрополите Фотии, жене Дмитрия Донского Евдокии, иконе Владимирской Богоматери, повествовании «О явлении чудотворного образа Пречистыя Богородицы и о начале монастыря Ея Колоческаго». Отсюда можно предположить, что источником этих выписок явился черновик Степенной книги. Если это так, то, значит, в середине XVII в. текст черновика содержал меньше лакун, чем в настоящее время. Характерно при этом, что тексты, выписанные вторым почерком из другого списка Степенной книги, отсутствуют ныне в Волковском списке: Жития Михаила Черниговского, Георгия Всеволодовича, «Страдание митрополита Феоноста», Чудо о преставлении митрополита Константина, Повесть о князе Иване Даниловиче, «О взятии града Казани и крещении дву царей» (это, в сущности, последний сюжет Жития Даниила Переяславского), Повесть о Димитрии Александровиче Переяславском, «Страдание великаго князя Романа Ольговича Рязанского во Орде за веру Христову», Повесть об убиении Андрея Боголюбского. Возможно, они отсутствовали там уже в 40-х гг. XVII в., и необходимость обращения к другому списку Степенной книги, не столь древнему, но более полному, продиктована тем обстоятельством, что черновик имел существенные лакуны и не все нужные составителям миней тексты сохранились в его составе. Исключение составляет Житие Феодора Черного, написанное почерком 2, но имевшее источником, судя по всему, черновик Степенной книги. Это житие нетипично для выписок из Степенной книги в Милютинских Минеях, поскольку его текст сильно со-

кращен (в его заглавии после написания основного текста приписано «Слово вкратце» — Синод. 803, л. 180²¹). Однако, несмотря на сокращение, в Житии осталась одна черта, свойственная тексту древнейших списков Степенной книги — Чудовского и Томского (в Волковском списке соответствующий текст не сохранился). Рассказ о женитьбе князя Феодора на ярославской княжне в древнейших списках Степенной книги первоначально был изложен кратко: «Во граде Ярославли бе княгиня Василиева Всеволодича Ксения, у нея же бяше дщи единочада. Он же оженися ею и град Ярославль притяжа в одръжание» (СКДС 356/а—а). В результате редакторской правки этот текст приобрел более пространственный вид (СКДС 356). В Житии Феодора Черного в составе Милютинских Минеи читается именно краткий первоначальный вариант (Синод. 803, л. 180 об.). Можно предположить, что переписка Жития Феодора Черного была первым опытом обращения составителей Милютинских миней к черновику Степенной книги. Они еще не выработали своих методов работы со Степенной (в форме простых выписок) и произвели трудоемкую редакторскую работу, составив, по существу, еще одну редакцию Жития Феодора Черного.²²

По всей видимости, Милютинские Минеи были привлечены к созданию Летописного свода 1652 г., который был составлен в окружении патриарха Никона.²³ В Своде 1652 г. помещены те же житийно-биографические очерки, которые встречаем и в Милютинских минеях, за одним исключением — в Своде читается составленное на основе Степенной книги краткое Житие митрополита Петра, которого нет в Милютинских минеях.²⁴ Правда, в Своде оно сопровождается ссылкой на Степенную книгу. Видимо, в данном случае составители Сво-

²¹ На правом поле киноварью сделана помета «с печати», т. е. переписано с печатного текста, но это очевидная ошибка.

²² В исследовании Г. Ленхофф этот текст не учтен (*Lenhoff G. Early Russian Hagiography: The Lives of Prince Fedor the Black. Wiesbaden, 1997*).

²³ *Лаверентьев А. В.* 1) Свод 1652 г. — памятник русского летописания XVII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984; 2) Летописный свод патриарший 1652 г. // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. СПб., 1993. Вып. 3. Ч. 2. С. 282—284.

²⁴ *Лаверентьев А. В.* Летописный свод 1652 г. как источник по истории изучения русской средневековой повести XV—XVII вв. // *Русская книжность XV—XIX вв.* М., 1989. С. 164—182.

да обратились к Степенной книге непосредственно. Отсутствие ссылок на Степенную книгу в тексте других восходящих к ней биографий указывает на попадание их в Свод не прямо из Степенной книги, а через промежуточный этап. Полагаем, что таковым явились Милютинские Минеи.

На основании заимствований из Степенной книги в составе Милютинских Миней можно реконструировать текст черновика Степенной книги в части, не дошедшей до нашего времени, но еще существовавшей в 40-х гг. XVII в. Можно утверждать, что при составлении Милютинских Миней их составителями было привлечено по меньшей мере два списка Степенной книги. Если один можно предположительно отождествить со Степенной книгой Троице-Сергиева монастыря, то второй определяется предельно точно: это черновик Степенной книги, так называемый Волковский список. Известно, что в середине XVII в. эту рукопись реставрировали, утраты текста восполнили по другому списку Степенной книги (относящемуся к Пространной редакции), а также привлекли к созданию музыкально-ведческого трактата «Предисловие откуда и от коего времени начася быти в нашей Рустей земли осмогласное пение».²⁵ Поскольку работа над Милютинскими Минеями, согласно указанию самого составителя, проходила в Троице-Сергиевом монастыре, можно предположить, что там же в середине XVII в. хранился и черновик Степенной книги.²⁶ Возможно, он существовал тогда в виде переплетенных тетрадей, и сотрудникам Иоанна Милютина было удобнее делать выписки из такой рукописи, нежели из переплетенного кодекса.²⁷ К кодексу, Степенной книге Троице-Сергиева монастыря, обратились для копирования текстов, которые приходились на лакуны черновика. Иначе объяснить использование черновика Степенной книги в Милютинских Минеях не представляется воз-

²⁵ Сиренов А. В. Степенная книга: история текста. С. 421—424.

²⁶ Отметим, что в Троице-Сергиевом монастыре в первой половине XVII в. хранился и черновик Никоновской летописи — список Оболенского, который в XVI в. бытовал в Москве (Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. С. 266—267).

²⁷ В связи с этим существенно наблюдение Э. В. Шульгиной над методами работы по составлению Милютинских Миней: «По-видимому, в библиотеке и в книгописной мастерской были неполные книги или россыпь — житий, слов, поучений, которыми и воспользовался Милютин, вставив их в свои сборники» (Шульгина Э. В. Скорописное письмо XVII в. ... С. 14).

возможным. Едва ли при наличии Степенной книги в монастырской библиотеке создатели миней стали бы обращаться к списку этого произведения, хранящемуся в другом месте.

С традицией Милютинских Миней, как представляется, связано создание Жития нижегородской княгини Вассы-Феодоры, жены нижегородского князя Андрея Константиновича, основательницы нижегородского Зачатьевского монастыря, деятельность которой приходится на вторую половину XIV в.²⁸ В Милютинских Минеях, как упоминалось выше, помещен текст посвященной Вассе 11-й главы XI грани Степенной книги. Исследовавшая Житие А. А. Романова предлагает называть эту выписку из Степенной книги кратким вариантом Жития Вассы. Подчеркнем, что такие выписки могли делаться в разное время, независимо одна от другой и на основании разных списков Степенной книги.²⁹ Например, подобная выписка в середине XVII в. была включена в состав Нижегородского летописца.³⁰ Гораздо важнее для истории почитания Вассы пространная редакция ее жития. Основным источником здесь опять же является Степенная книга. По определению А. А. Романовой, здесь использованы текст 11-й главы XI грани и Житие Евфросинии Полоцкой, также извлеченное из Степенной книги. Можно указать и на заимствования из входящего в Степенную книгу Жития князя Владимира:

Житие Владимира	Житие Вассы
Всяко дело благо начинается и съвършается о имени Трисвятыя единосущныя вседръжителныя и неразделныя Троицы, Отца и Сына и Свя-	Всяко дело благо начинается и совершается от имени Пресвятыя единосущныя вседержительныя и неразделимыя Троицы Отца и Сына и Свята-

²⁸ В историографии фамилия отца Вассы, тверского боярина Ивана Киасовского, объясняется его происхождением — Киасовский, т. е. выходец из Киева (см.: Романова А. А. Житие Вассы (Феодоры) Нижегородской: Пространная (компилятивная) редакция // Русская агиография: Исследования, публикации, полемика. СПб., 2005. С. 602). Отметим искусственность такой этимологии. Верным представляется мнение составителя указателей к изданию Никоновской летописи П. В. Акимова, что Иван Киасовский имел отношение к селу Киасово, принадлежавшему позднее Троице-Сергиеву монастырю (ПСРЛ. Пг., 1918. Т. 14. Ч. 2. С. 205).

²⁹ А. А. Романова указывает один из таких списков (Романова А. А. Житие Вассы (Феодоры) Нижегородской... С. 602).

³⁰ Шайдакова М. Я. Нижегородские летописные памятники XVII в. Нижний Новгород, 2006. С. 121, 138, 152—153, 172, 200 и др.

<p>таго Духа, иже есть Бог наш, о нем же живемъ и движемся и есмы. Его же благоволением и сиа повесть хочеть предложитися, яже о блаженном и приснопамятном всея Руския земли самодръжци, о великом князе Владимире Светославиче, иже всю землю превеликия своея дръжавы просвети святым крещением.³¹</p>	<p>го Духа, иже есть Бог наш, о нем же живем и движемся есмы. Его же благоволением и сиа повесть о житии преподобныя хочет предложитися еже о блаженной и приснопамятной великой княгине Вассе, во инокинях Феодоре бывшия супружнице кроткаго и тихаго и смиреннаго, и многодобродетельнаго великаго князя Андрея Константиновича Суждальскаго и Новаграда Нижнего и Городецкаго.³²</p>
<p>Егда же повелено есть намъ сиа снискати, и тогда зазрех своему недостоинству, съвестию обличаем безмерных моих прегрешений, паче же не имый учения нраву и обычаю и удобну слову, еже касатися сему великому делу. Но обаче убоаяся лениваго раба осуждения и смърти от преслушания, и не собою уповающе, но ради богоподражательнаго послушания повеленное нам без разсужения писати дръзнухом, уповающи на молитвы сего Божия избраннаго съсуда, святаго и равноапостольнаго царя и великаго князя Владимира, нареченнаго в святом крещении Василиа, яко да испросит у Бога ослабу многимъ моимъ съгрешением. И тако надежу имуще неотъемлемую благодать человеколюбия Божия, поминающе речение богоотца Давида: «Правду Твою и милость и истину не скрых в сердци моем от сонма многа». Тако же и церковный учитель и светило всего мира Павел апостол к Тимофею писаше глаголя: «Еже слыша от мене многыми послухы, сиа предай верным человеком».³³</p>	<p>Егда же повелено есть нам сие снискати и тогда аз окаянный зазрех своему недостоинству совестию обличаем от безмерных моих прегрешений, паче же не имый учения нраву и обычая и удобну слову еже касатися сему великому делу, но обаче убоаяся лениваго раба осуждения, и смерти от преслушания; и не собою уповающе, но ради Богоподражательнаго послушания за молением повелевающаго ми без рассужения писати дерзнухом, уповающе на молитвы сея блаженныя и добле мужественныя и избраннаго сосуда блаженныя великия княгини Вассы, нареченныя во инокинях Феодоры, яко да испросит у Бога ослабу многим моим согрешением и тако надежу имуще неотъемлемую благодать человеколюбия Божия, поминающе речение богоотца Давида: «Правду Твою и милость и истинну не скрых в сердци моем от сонма многа». Тако же и церковный учитель и светило всего мира, великий апостол Павел к Тимофею писаше, глаголя: «Еже слыша от мене многими свидетели, сиа предай верным человеком, и иже доволни будут и иных научити».³⁴</p>

³¹ СКДС 70.

³² Романова А. А. Житие Вассы (Феодоры) Нижегородской... С. 609.

³³ СКДС 70—71.

³⁴ Романова А. А. Житие Вассы (Феодоры) Нижегородской... С. 609.

Характерно, что текст, посвященный Евфросинии Полоцкой, в Житии приспособлен для Вассы. Этот, впрочем, типичный для житийного повествования прием, как отмечалось выше, применялся и при составлении рассмотренного ниже Жития князя Георгия Всеволодовича.

Житие Вассы Нижегородской, как полагает А. А. Романова, было создано в первой половине XVII в. Можно попытаться уточнить дату создания жития. Его ранний список (РНБ, собр. М. П. Погодина 811) датируется серединой XVII в.³⁵ Обратим внимание на одну особенность его текста. Текст, заимствованный из Жития Евфросинии: «И питома бяше доилицею матере своя», изначально в Погод. 811 читался так: «питаема бяше от сосцу матери своя», а затем на поле приписали слово «доилицею», т. е. вернулись к варианту Степенной книги, в результате чего в позднем списке получилось чтение, лишенное смысла: «питаема бяше доилицею от сосцу матери своя».³⁶ Таким образом, список Погод. 811 сохранил следы редакторской работы по созданию Жития Вассы. Логично предположить, что в это время, в середине XVII в., житие и было составлено.

Рассматривая заимствования из Степенной книги в Житии Вассы, можно утверждать, что использовался черновик Степенной книги — Волковский список. На материале заимствований из Жития Владимира отметим, что в Волковском списке и Житии Вассы царь Давид назван Давыдом,³⁷ что встречается в текстах XVI—XVII вв. нечасто. В заимствованиях из Жития Евфросинии два чтения Жития Вассы повторяют индивидуальные особенности Волковского списка: «ум укрепляющим на подвиги добрых дел» (в других списках Степенной книги читается: «подвиг»);³⁸ «послушайте жены сея преподобныя святыя подвиги и труд» (в других списках Степенной книги читается: «труды»);³⁹ Отсюда можно сделать вывод, что при составлении Жития Вассы использовался черновик Сте-

³⁵ Романова А. А. Житие Вассы (Феодоры) Нижегородской... С. 603.

³⁶ СКДС 246; Романова А. А. Житие Вассы (Феодоры) Нижегородской... С. 611.

³⁷ СКДС 71/16; Романова А. А. Житие Вассы (Феодоры) Нижегородской... С. 609.

³⁸ СКДС 246/21; Романова А. А. Житие Вассы (Феодоры) Нижегородской... С. 610.

пенной книги. Есть основания считать, что в середине XVII в. он находился в Москве (см. об этом в гл. 7). Там, видимо, и была составлена пространный редакция Жития княгини Вассы.

Степенная книга стала источником для печатного Пролога издания 1661—1662 гг. Отличие этого издания от предыдущего заключается в добавлении большого числа русских статей.⁴⁰ Эта особенность привнесла в Пролог историографическую, а также идеологическую составляющую. По тексту Пролога стало возможным знакомиться с отечественной историей.⁴¹ Значительная часть русских статей, включенных в издание 1661—1662 гг. (они сохранились и в последующих изданиях), была составлена на основе Степенной книги. Это Житие князя Михаила Тверского (22 ноября), князя Даниила Александровича Московского (4 марта), князя Василька Ростовского (4 марта), «Страдание митрополита Феоноста» (14 марта), Житие Даниила Переяславского (7 апреля), Сказание о перенесении мощей митрополита Алексия (20 мая), Жития княжны Евфросинии Полоцкой (23 мая), князя Игоря Ольговича (5 июня), жены Дмитрия Донского княгини Евдокии (7 июля).⁴²

Житие Михаила Тверского помещено в Прологе под 22 ноября; источником для него стала 6-я глава X грани Степенной книги. В начале Жития приведены начальные слова 6-й гла-

³⁹СКДС 246/35; Романова А. А. Житие Вассы (Феодоры) Нижегородской... С. 610.

⁴⁰Крумлинг А. А. Редакции славянского печатного Пролога (предварительные заметки) // Славяноведение. 1998. № 2. С. 54—55. Последующие редакции печатного Пролога не исследованы, однако есть основания предполагать, что Степенная книга привлекалась при редактировании Пролога и в дальнейшем. Так, в издании 1696 г. под 15 июня присутствует Житие митрополита Ионы, составленное на основе Степенной книги (Пролог. М., 1696. Л. 466 об.—469).

⁴¹Державина О. А. Социальные и исторические темы в пятом издании Пролога // Литературный сборник XVII века. Пролог. М., 1978. С. 107—122. Русские статьи, которые исследовательница рассматривает на материале пятого издания 1675—1677 гг., присутствуют уже в третьем издании 1661—1662 гг.

⁴²Кучкин В. А. Первые издания русских Прологов и рукописные источники издания 1661—1662 гг. // Рукописная и печатная книга. М., 1975. С. 142—143.

вы в несколько переработанном виде: «Сей приснопамятный великий князь Михаил Ярославичь, внук великаго князя Ярослава, правнук же Всеволода Георгиевича Долгорукого, матере же великая княгини премудрыя Ксении». Следующий за этим текст Степенной книги «Его же святая та и премудрая мати въспита в страсе Господни и научи святым книгам и всякой премудрости и страху Божию»,⁴³ несмотря на свой явно агиографический характер, не включен в Житие. Дальнейшее изложение Жития следует тексту Степенной книги, но существенно его сокращает. Приведем пример такого сокращения:

Степенная книга	Житие Михаила Тверского
<p>И паки диавол не престаяше желая кровопролитиа, еже и сътворися за грехи наша. Прииде бо великий князь Юрьи ратию к Тфери, съвокупи всю землю Низовьскую с кровопицем Кавгадыем, и множество татар, и берсермен, и мръдвы. И начаша град жеци и села многие, и бысть туга немала — имающе мужи и мучаще различными муками, и смърти предаяху, а жены их оскверниша погании, и пожгоша всю власть Тферьскую и до Волги, и поидоша на другую страну Волги, и на той стране тако же хотяху сътворити.</p> <p>Блаженный же князь Михаил призва епископа своего, и князей, и бояляр, и рече к ним: «Видите, братие, яко великаго княжения отступилс я есмь сроднику своему и выход дал есмь, и надо всем сим колико зла сътвориша отеческиа ми дръжавы! Аз же претръпевах им, чая, уже престанет злоба сиа. Наипаче вижду, яко главы моя ловят. Вы же скажите ми, аще буду в чем виновен, и аз исправлюся».⁴⁴</p>	<p>Князь же Георгий с татары собра множество рати и прииде ко Твери, и повоева весь град, и об ону страну Волги реки тако же сотвори.</p> <p>Великий же князь Михаил призва епископа и бояляр своих и печалуся слезне о благочестивых погибели.⁴⁵</p>

⁴³СКДС 388.

⁴⁴СКДС 389—390.

⁴⁵Пролог. М., 1661. Сентябрь—ноябрь (БАН, сп. 309). Л. 449.

Таким образом, Житие Михаила Тверского в Прологе представляет собой сильно сокращенный текст Жития этого князя в составе Степенной книги. Единственное чтение Проложного жития, которого нет в Степенной книге, — дата убиения Михаила Тверского («в лето 6827»), по-видимому, извлеченная из летописи.

Проложное Житие князя Даниила Александровича, имеющее заглавие «Повесть о великом князе Данииле Александровиче Московском», основано на тексте IX грани Степенной книги.⁴⁶ В начале помещено заимствование из 1-й главы: со слов «Сей блаженный великий князь Даниил...» до слов «...чюжиа части похищением наследити не желаше».⁴⁷ В Житии текст Степенной книги передан с некоторой стилистической правкой, но, в общем, довольно исправно. При этом отдельные характеристики источника в Проложном житии оказались сокращены или вовсе изъяты. Так, опущено сравнение Даниила с его прадедом Всеволодом Большое Гнездо и пророком Давидом, которые, подобно Даниилу, были младшими в своей семье. Вместо этого в Житии читается лаконичное: «Бысть же последний в братии своей». Слова Степенной книги «Тако и сего блаженнаго великаго князя Даниила храняй Господь от пелен матерних: двою бо лет от рожения его оставшу ему святаго си родителя» заменены более нейтральным текстом «Оставшу же ся ему от рождения родителю своею двою лету». Из следующей фразы Степенной книги «Сего блаженнаго Даниила избра Бог и възрасти и снабде не ратуема ни от кого же» в Житие не включены слова «избра Бог». Далее в Степенной книге читается: «ему же и поручено бысть в наследие богоснабдимое дръжавство преименитаго града Москвы, его же и праведное его семя възлюби Бог и прослави, наипаче им же благоволи царствовати в роды и роды» — в Житие не включили слова «его же и праведное его семя възлюби Бог и прослави, наипаче им же благоволи царствовати». Следующая фраза Степенной книги, рассказывающая о мирном правлении князя Даниила («Аще же тогда царство Московское не толико бысть многовластно, яко же ныне Божию благодатию всюду обладая, но обаче и тогда сий бла-

⁴⁶Пролог. М., 1662. Март—август (БАН, сп. 342). Л. 20—20 об.

⁴⁷СКДС 343.

женный великий князь Даниил ни от кого же ратуем не бываше»), исключена вовсе, видимо, по той причине, что представляет собой повторение сказанного выше. Далее в Степенной книге говорится о случаях, когда междоусобные распри случались поблизости от удела князя Даниила, и о миротворческой миссии московского князя. Здесь в Житии текст Степенной книги передан полностью, за исключением пассажа о воинской храбрости Даниила: «възрастом и храбростию преуспевая и мужьством смысла преудобрен бысть». Характеристика Даниила в Степенной книге завершается описанием его миролюбия. Знаменательно, что из этого текста в Житие не попала фраза «от всякиа брани и крамолы, хотящая на нь быти, всегда десница Господня бяше защищая его». Как видим, при создании Проложного жития Даниила исключалось все относящееся к образу князя-воина и к теме Божьего благословения Даниила и его потомков. Завершается Житие почти дословным заимствованием из 3-й главы IX грани (со слов «Сам же великий князь Даниил...» до слов «...идеже и прочую братию погребаху»⁴⁸), где повествуется об основании Даниилом монастыря, о его кончине и погребении. В Житие оказались не включены слова Степенной книги «в том монастыри и архимарита прьваго устрой», видимо, как содержащие подробности, не нужные для Проложного жития.

Под тем же числом, что и Житие Даниила Александровича, в Прологе помещено Житие князя Василька Ростовского.⁴⁹ Оно представляет собой сокращенный текст 13-й главы VII грани Степенной книги, которая называется «Страдание блаженана князя Василка Ростовьскаго»⁵⁰ — такое же название имеет и Проложное житие. Отличия от текста Степенной книги следующие. После указания полного имени князя, Василий Константинович, в Степенной книге читается: «иже именуем естъ Василко». В Житии этот пункт получил неожиданное развитие: «иже именуемъ естъ ради мужества и красоты возраста своего Василко». Из предложений татаро-монгол, высказанных ими Васильку: покориться их языческой вере и воевать вместе с ними («с ними купно воевати»), в Житие не

⁴⁸СКДС 345.

⁴⁹Пролог. М., 1662. Март—август (БАН, сп. 342). Л. 21—21 об.

⁵⁰СКДС 307—309.

вошло последнее. В ответной речи Василька сокращен довольно обширный текст Степенной книги: «Или мните, окаянии, любими быти от Бога, яко предаде нас в скверныя ваши руки, но убо нас, верующих Ему, всегда любя и милуя, ныне же праведными Его судьбами и в настоящее сие скръбное время таковым наказанием изволи очистити нас от прегрешений наших, и в будущем веце даруя нам бесконечный живот, его же ради никакже не можете мене отлучити от веры христианския». Вместо него в Житии читается: «Или мните, окаянии, прелстити мя в прескверную вашу веру и от Владыки Христа моего разлучити?». Здесь изъято рассуждение об историческом значении нашествия Батыя для русской истории, важное для концепции Степенной книги и лишнее для Проложного жития. По этой же причине в Житие не попал аналогичный пассаж из речи Василька: «вы же, окаянии, кий ответ имате дати Богу, иже многи души погубили есте бесправды, их же Господь истяжет от вас, их же ради мучитися имате в негасимом огни в веки бесконечныя». Вместо изъятых слов в Житии читается: «но прелести вашей и богомерзскому закону не повинюся», т. е. составитель Жития завершил отповедь Василька татаро-монголам эффектной концовкой. Далее в Житии помещены слова Степенной книги «Безбожнии же проклятии татарове скрежетаху на нь зубы своими», затем пропущено описание молитвы Василька перед смертью и приведены (с незначительной стилистической обработкой) слова Степенной книги: «много мучивше его, и смрьти предаша за исповедание Христова месяца марта в 4 день в четверток четвертыя недели Великаго Поста, и причтен бысть в лице мученик, кровию мученическою омыв своя съгрешения». Далее, следуя тексту Степенной книги, составитель Жития описал обретение тела князя Василька. Правда, согласно Степенной книге тело убиенного князя нашли некие благочестивые люди, муж и жена, и спрятали его в укромном месте, откуда по указанию вдовы и епископа тело было принесено в Ростов. В Житии сюжет с благочестивыми простолюдинами изъят, и получилось, что тело князя было принесено в Ростов с места его убийства по приказу его вдовы и ростовского епископа. Не включено в Житие и описание принесения мощей в Ростов: «И яко принесоша его близ града Ростова, и изыдоша противу множество народа, жалостныя слезы испущающе,

оставше такового утешения». В Житии в соответствии с текстом Степенной книги кратко указано, что князь был погребен «в церкви Святыя Богородица, идеже мати его положена бе»; на этом Проложное житие Василька Ростовского завершается.

Следующее Житие помещено под 14 марта, его источником стала 6-я глава XI грани Степенной книги «Страдание пресвященнаго Феогноста митрополита о дани церковней»;⁵¹ заглавие Жития почти полностью копирует название 6-й главы, за исключением слов «о дани церковней».⁵² Текст Степенной книги начинается с изложения особенностей посольства в Орду, в составе которого оказался митрополит Феогност: «В лето 6850 бысть еще великому князю Ивану Ивановичю юну сущю, и тогда старейший брат его Симион Ивановичь поиде в Орду к царю Зянибеку, с ним же шествова и преосвященный Феогност митрополит всея Руси. Великий же князь нимало не закосне во Орде, но вборзе прииде на Москву». Для житийного текста, посвященного митрополиту Феогносту, эти обстоятельства явно излишни, поэтому в Житие они не вошли, в нем текст начинается так: «В лето 6850 сей святыи Феогнаст митрополит во Орду ко царю Зянибеку ради умирения поиде...». Далее в соответствии со Степенной книгой Житие рассказывает о том, как Феогноста оклеветали перед ханом, рассказав ему о том, что митрополит не дает в Орду дани с церковного причта, а сам такую себе собирает. Приведен и категорический отказ Феогноста платить дань. Помимо незначительных сокращений, в Житие не включены последние слова речи Феогноста «И свободен есть причет церковный и не работни суть никому же, токмо единому Богу. Мене же о них почто истязаете?», поскольку смысл ответа Феогноста понятен и без них. Далее в Степенной книге помещен диалог митрополита с татарами, посвященный той же теме и не включенный в Житие. Дальнейший текст Степенной книги (со слов «Погании же много истязаху его...» до слов «...дань на всем церковном причте») в Житии существенно сокращен: «Погании же много истязаху его и много мучивше его, яко дабы им дань имати на освященном чину». Причина сокращения, ви-

⁵¹СКДС 404—405.

⁵²Пролог. М., 1662. Март—август (БАН, сп. 342). Л. 74 об.—75.

димо, в том, что для Проложного жития нет необходимости в экскурсах в историю взаимоотношений православной церкви и Орды, а также в объяснении, почему татары не могли взимать дань с церковного клира сами. Дальнейший текст Жития, повествующий о возвращении Феогноста в Москву, благополучном пребывании на митрополичьем престоле в течение десяти лет, преставлении и погребении, опять следует Степенной книге, в Житие не включен только фрагмент текста Степенной «А еже повелети ему дань имати им на церковных людех, на то никако же не преклонися и не токмо не попусти тому быти, но и клятвами страшными закла их и запрети», а также уточнения, что Феогност возвратился в Москву «в самое же средокрестие святаго и великаго четырьдесятнаго поста» и был погребен «в пределе верховнаго апостола Петра».

Под 7 апреля в Прологе помещено Житие Даниила Переяславского,⁵³ которое представляет собой обработку Сказания о Данииле Переяславском редакции Степенной книги. Сказание составляет 25-ю главу XVI грани.⁵⁴ Текст Проложного жития достаточно исправно следует Степенной книге (со слов «В лето благовернаго и христоролюбиваго великаго князя...»⁵⁵ до слов «у самыя стены святаго жертвеника»⁵⁶), при этом сильно сокращая довольно пространный текст своего источника. Приведем пример такого сокращения:

Степенная книга	Житие Даниила Переяславского
И слыша о равноаггельном житии преподобнаго Пахнотиа, иже в Боровске, и всегда мышляше ученик ему быти, и не получи. Не по мнозе же по отшествии иже к Богу преподобнаго Пахнотиа тайно уклонися отъ родителю си с присным си братом Герасимом, достиже Пахнотиева монастыря, и бысть мних. Претворено же бысть имя ему Данил. ⁵⁷	И по сем отлучися родителю своею с присным братом своим Герасимом и пострижися в Пафнутиеве монастыре, иже в Боровске. И наречено бысть имя ему Даниил. ⁵⁸

⁵³ Там же. Л. 225 об.—226 об.

⁵⁴ СКДС 720—735.

⁵⁵ СКДС 720.

⁵⁶ СКДС 734.

⁵⁷ СКДС 721.

⁵⁸ Пролог. М., 1662. Март—август (БАН, сп. 342). Л. 225 об.

Перед составителем Проложного Жития стояла задача переделать пространное Сказание в краткое житие, поэтому текст Степенной книги в Житии не просто сокращен, но и зачастую пересказан другими словами. Большинство эпизодов Сказания не вошло в Житие, в котором оказалась изложена только основная канва биографии Даниила Переяславского: его рождение, воспитание, пострижение в Пафнутьевом монастыре, возвращение после смерти отца в Переяславль, в Горичский монастырь, назначение архимандритом, благотворительность, основание Данилова монастыря, спасение монахов и мирян от голодной смерти, крещение царских сыновей и преставление. Никакой тенденциозности, вызванной идеологическими задачами, в работе составителя Проложного жития Даниила по сокращению Степенной книги выявить не удастся.

Под 20 мая в Прологе помещено «Сказание об обретении и пренесении честных мощей великаго архиереа Алексиа митрополита Киевскаго и всеа России чудотворца»,⁵⁹ основным источником которого является соответствующий раздел Жития митрополита Алексия, составляющего 7-ю главу XI грани в Степенной книге.⁶⁰ Проложное сказание начинается со слов «В лета благочестиваго и христолюбиваго самодержца Московскаго и всеа Российския земли великаго князя Василя Василовича...», далее исправно следует Степенной книге с незначительными отклонениями. Например, в Степенной книге обвалившийся храм Чудова монастыря никак не охарактеризован (сказано только, что он ветхий), в Сказании же читаем, что храм был деревянным. В нем так же опущены рассуждения автора Степенной книги по поводу нетления обнаруженных при строительстве нового храма останков митрополита Алексия: «О превеликое чудо! Толиким летом минувшим, святому во гробе лежащу, тело же его святое не истле, не токмо же се, но и ризы его яко вчера облечены, яко да збудется реченное Богом в святом Еуангелии: „Не может град укрытися, верху горы стоя, и никто же, вжег светилник, поставляет его под спудом или подо одром“. Тако и сему светилнику не мощно толико лет сокровену быти под землю. Се же

⁵⁹Пролог. М., 1662. Март—август. Л. 458—460 об.

⁶⁰СКДС 430—433.

все бысть Всемудраго Бога промышлением». ⁶¹ Не включена в Сказание и благодарственная молитва Василия Темного. Приведенное далее описание новопостроенного храма дополнено указанием, что старый храм был деревянным — в Степенной книге такого указания нет. Перенесение мощей митрополита Алексия в Сказании составлено на основе следующего раздела Жития митрополита Алексия редакции Степенной книги — «О пренесении святых мощей святого и великаго архиерея Алексиа, иже в имя его създанную церковь». ⁶² Главный герой этого раздела Жития митрополита Алексия — архимандрит Чудова монастыря, затем архиепископ Новгородский Геннадий Гонзов. Сказание существенно сокращает рассказ Жития о новгородском периоде жизни Геннадия, в том числе об искоренении ереси жидовствующих. При этом описание строительства храма во имя митрополита Алексия в Чудовом монастыре и перенесения в него мощей святого дословно выписано из Степенной книги (см. текст Степенной книги со слов «И велеи тщание имея...» до слов «...приходящих к нему с верою» ⁶³).

Под 23 мая в Прологе помещено Житие Евфросинии Полоцкой, ⁶⁴ источник которого — 11-я глава V грани. ⁶⁵ В Степенную книгу это Житие попало в так называемой «редакции сборников», будучи дополнено небольшим генеалогическим экскурсом относительно происхождения главной героини Жития. ⁶⁶ В Прологе Житие подверглось существенному сокращению, не попала в проложную редакцию и та генеалогическая вставка, которая отличает редакцию Степенной книги от предшествовавшей ей редакции сборников. Таким образом, в Прологе мы имеем дело с сокращением редакции сборников Жития Евфросинии Полоцкой. Это сокращение произведено рав-

⁶¹ СКДС 431.

⁶² СКДС 433—437.

⁶³ СКДС 435—436.

⁶⁴ Пролог. М., 1662. Март—август (БАН, сп. 342). Л. 481 об.—484 об.

⁶⁵ СКДС 246—258.

⁶⁶ Мельников А. А. Литературная история агиографической повести о Евфросинии Полоцкой (на материале рукописей XVI—XVIII вв.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1989. С. 10; Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009. С. 242.

номерно по всему тексту, выделить в нем какую-либо тенденцию возможным не представляется.

Под 5 июня в Прологе читается «Страдание великаго князя инока Игоря Ольговича Киевскаго чудотворца». ⁶⁷ Источником этого Проложного жития явилась 10-я глава V грани. ⁶⁸ При передаче текста Степенной книги в Житии допущены некоторые сокращения. Так, после изложения генеалогии Игоря Ольговича опущена фраза Степенной книги «И сей Игорь мало дрѣжавствуя в Киеве по брате своем, яко же в летописаниих явленно есть сице о нем». ⁶⁹ Далее, после слов Степенной книги о захвате Киева братом Игоря Ольговича и наследовании киевского княжения Игорем после смерти брата в Житии сказано: «Людие же киевстии завистию распалившися на нь и призвавше из Переяславля Изяслава Мстиславича...». Этот пассаж является переделкой слов Степенной книги «...киевстии людие самовластием шатахуся и призваши в Киев княжити ис Переяславля Русьскаго Изяслава Мстиславича...». ⁷⁰ Таким образом, обвинение киевлян в самовластии заменено в Прологе на обвинение в зависти. Далее Житие следует Степенной книге, несколько сокращая ее текст, и повествует о поражении князя Игоря, заточении его в темницу, пострижении и возвращении в Киев. Здесь Проложное житие опять искажает текст своего источника. В Степенной книге сказано, что киевский князь определил новопостриженного инока в монастырь святого Феодора, а в Прологе — святого Феодосия, т. е. в Киево-Печерский монастырь. В остальном Житие адекватно передает текст своего источника. Сокращению подверглась речь киевлян, собиравшихся убить князя-инюка. Вместо нее в Житии читаем об устремлении киевских людей «на убиение святаго». Нет в Житии и речей митрополита Климента, князя Владимира Мстиславовича, бояр и тысяцких, которые пытались помешать толпе, а также игумена Анании, плачущего над телом князя. Совершенно очевидно, что прямая речь была изъята в целях сокращения текста. И действительно, смысл соответствующих мест в Житии не пострадал.

⁶⁷ Пролог. М., 1662. Март—август (БАН, сп. 342). Л. 23—24.

⁶⁸ СКДС 242—245.

⁶⁹ СКДС 242.

⁷⁰ Там же.

Последнее произведение в составе Пролога, составленное на основе Степенной книги, — это «Повесть о великой княгине Евдокии, во инокинях Евфросинии, супружнице великаго князя Димитрия Иоанновича, зовомаго Донскаго». ⁷¹ Оно написано на материале 14—19-й глав XII грани. ⁷² В начале Повести указывается, что княгиня Евдокия «бъше дщи великаго князя Димитрия Константиновича Суждалскаго, поживе же с супругом своим великим князем Димитрием Иоанновичем богоугодно Господеви». Обе эти фразы заимствованы из Степенной книги (из 14-й главы XII грани), но там текст гораздо пространнее: «...христоролюбивая великая княгиня Евдокия, иже бысть благосъчетанная супружница блаженаго и достохвалнаго великаго князя Димитрия Ивановича, рекомаго Донскаго, дщи же бъше великаго князя Димитрия Коньстянтиновича Суждальскаго. И во всем усердно подобьствова богоугодному исправлению державнаго и благонравнаго си святаго супруга, с ним же единомудрено в заповедех Господних благозаконно живуци, породил ему сынове и дщери и воспита их благочестно, пребысть же в супружестве 22 лета». ⁷³ Подобным образом сокращая текст Степенной книги, Повесть рассказывает о строительстве княгиней Евдокией храмов и монастырей: на царском дворе церковь Рождества Богородицы с приделом св. Лазаря (сохранено указание Степенной книги, что эту церковь расписали Феофан Грек и Симеон Черный), монастыри Иоанна Предтечи в Переяславле и Вознесенский в Москве. Далее довольно близко к тексту приводится рассказ Степенной книги о попытке оклеветать непорочное вдовство Евдокии, смущении ее сына по этому поводу (в Степенной книге приведено его имя, Георгий, в Повести же оно опущено); рассказывается, как Евдокия призвала своих сыновей и показала им свою иссохшую от воздержания плоть. Далее приведен рассказ Степенной книги о явлении Евдокии ангела, ее молчаливости, трех попытках иконописцев изобразить явившегося к ней ангела, обретении Евдокией дара речи, удалении в монастырь, исцелении слепого, кончине и погребении в Вознесенском монастыре. Таким образом, в Повести присут-

⁷¹ Пролог. М., 1662. Март—август (БАН, сп. 342). Л. 168—170.

⁷² СКДС 465—469.

⁷³ СКДС 465.

ствуют все сюжеты, составляющие повествование о Евдокии в Степенной книге.

Итак, основное направление редактирования текстов Степенной книги при включении их в печатный Пролог — это сокращение. Только в Житии Даниила Александровича удалось проследить правку идеологического характера: из него были последовательно исключены принципиально важные для Степенной книги идеи Божьего благословения по отношению как к самому князю, так и к его потомкам. Во второй половине XVII в. было хорошо известно, чем закончилось правление династии Даниила Александровича. Он сам, как и его предки и потомки, представлял уже в определенной степени «археологический» интерес для идеологов XVII в.

Как отмечено в литературе, подбор русских Житий в печатном Прологе во многом повторяет Милютинские Четьи Минеи. К произведениям, источником которых явилась Степенная книга, это относится в полной мере. Возникает вопрос — что стало источником для соответствующих Житий Пролога, Степенная книга или составленные на ее основе Жития Милютинских Минеи? Существенно, что в Минеи были включены тексты из Степенной книги о Данииле Московском, Васильке Ростовском, митрополите Феогносте, Данииле Переяславском, Игоре Ольговиче и княгине Евдокии, на основании которых оказались составлены агиографические произведения об этих героях для Пролога. Это едва ли случайное совпадение, тем более что исследователи и на материале других произведений предполагали привлечение Милютинских минеи в процессе редактирования старопечатного Пролога.⁷⁴ В нашем случае, однако, Минеи не могли быть единственным источником заимствований из Степенной книги в Прологе. Жития Михаила Тверского и Евфросинии Полоцкой представлены в Минеях в редакции, отличной от Степенной книги (Житие Михаила Тверского в составе Минеи, по замечанию В. А. Кучкина, только правлено по Степенной книге, но со-

⁷⁴ Кучкин В. А. Первые издания русских Прологов и рукописные источники издания 1661—1662 гг. // Рукописная и печатная книга. М., 1975. С. 144; Демин А. С. Современные тенденции в источниковедении древнерусской литературы и задачи изучения печатного Пролога // Литературный сборник XVII в. Пролог. М., 1978. С. 24.

держит текст иной редакции⁷⁵). Сказания о перенесении мощей митрополита Алексия в Милютинских Минеях нет вовсе. Следовательно, заимствования из Степенной книги попали в старопечатный Пролог не только через Милютинские Минеи. Можно предположить, что при этом привлекалась еще и Степенная книга непосредственно.⁷⁶

Идеи Степенной книги соответствовали идеям, проводившимся в изданиях московского Печатного двора уже в 40-е гг. XVII в. Особенно показательно в этом отношении послесловие к Соборнику, изданному в 1647 г. Здесь предпринят краткий экскурс в русскую историю с целью показать связь между «благочестивыми самодержцами» и распространением духовной литературы.⁷⁷ Так, первым персонажем отечественной истории избран Владимир Святой: «Сей бо великий князь Владимир, егда познав истину сущаго Бога, Творца небу и земли, и крестися первее сам, та же и все начальствуемии от него, и устрои по градом епископы и попы. И елико книг подобающих тогда с елинска диалекта на русский преложи и исписа, и предаде церкви, и скончався, отъиде к Богу в вечная жилища». Следующий пассаж представляется особенно созвучным Степенной книге: «По нем же и инии благовернии князи рустии господствующе друг по друзе, ревностию Божию расплаеми, приложиша к тому, потрудившися удобством времени превести и написати и иных книг немало, и сиче на долзе времени благочестием цветуще...». Отметим, что при всей близости приведенного фрагмента к тексту Степенной книги, он вполне мог быть составлен и без непосредственного обращения к ней. Следующий сюжет Послесловия — учреждение типографии при Иване Грозном. Отметим, что переход от династии Рюриковичей к Романовым оформлен здесь довольно неуклюже: «...видев Бог рода нашего зело уклоняющаяся на

⁷⁵ Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском: Историко-текстологическое исследование. М., 1974. С. 44.

⁷⁶ Похожую ситуацию Т. В. Марелло отмечает для Сказания об иконе Федоровской Богоматери. Редакция Сказания, составленная для старопечатного Пролога, была создана на основе Милютинской редакции с привлечением иного варианта текста (Марелло Т. В. К вопросу о первоначальной редакции «Сказания о Федоровской иконе» // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2008. Сб. 13. С. 655—656).

⁷⁷ Соборник из 71 слова. М., 1647. Л. 879—879 об.

злое..., воздвиги нам рог спасения в дому новаго и кроткаго Давида, благовернаго и христоролюбиваго государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича всея Руси...». Таким образом, если подобные тексты составлялись без привлечения Степенной книги, в этой среде Степенная книга должна была найти благодарных и подготовленных читателей. Более того, у нас есть основания утверждать, что Степенную книгу на Печатном дворе уже в середине XVII в. знали достаточно хорошо. Так, с привлечением Степенной книги было составлено Житие князя Георгия Всеволодовича, надписи на клеймах для его раки и надгробные «листы», помещенные над саркофагами князей и епископов во владимирском Успенском соборе. Главным героем всего этого цикла агиографических произведений является владимирский князь Георгий (Юрий) Всеволодович. Первые известия о церковном почитании князя Георгия Всеволодовича появляются в 30-е гг. XVII в. Служба святому, наиболее ранний список которой датируется временем около 1630 г.,⁷⁸ напечатана в Трефологионе, сборнике служб святым, который увидел свет на московском Печатном дворе в 1637—1638 гг.⁷⁹ Характерно при этом, что ошибочная дата гибели Георгия Всеволодовича, 4 февраля (вместо 4 марта), заимствована из Степенной книги, так как она читается только там. Во всех же летописных текстах помещена другая дата — 4 марта. И ее следует признать правильной, так как 3—7 февраля войска Батыя осаждали Владимир, а это предшествовало битве на реке Сить. Захваченный в плен после битвы князь Василько был убит 5 марта, что также указывает на датировку битвы 4 марта, а не 4 февраля. Несмотря на почитание Георгия Всеволодовича уже в 30-е гг. XVII в., датой официальной канонизации князя Георгия следует считать 1645 г., когда произошло перенесение его мощей из каменной гробницы в позолоченную раку. В 1646 г. тропарь и кондак

⁷⁸РГБ, ф. 304 (собр. Троице-Сергиевой Лавры) 628; см.: Барсуков Н. П. Источники русской агиографии. Стб. 123.

⁷⁹См., напр., экземпляр Трефологиона за декабрь-февраль: РНБ, II.3 № 4. Наиболее ранний список нотированной службы Георгию Всеволодовичу — рукописный Стихирарь середины XVII века: РГБ, ф. 379 (собр. Д. В. Разумовского), № 64 (Серегина Н. С. Песнопения русским святым. По материалам рукописной певческой книги XI—XIX вв. «Стихирарь месячный». СПб., 1994. С. 167).

Георгию Всеволодовичу были помещены в печатных святцах.⁸⁰ Рака, единственный свидетель перенесения мощей, не сохранилась до нашего времени. К счастью, в краеведческой

⁸⁰О перенесении мощей князя сообщает несколько источников. В рукописи конца XVII в. РГБ, ф. 256 (собр. Н. П. Румянцева) 364 помещен комплекс произведений, посвященных владимирским князьям и святителям. Начинается он с жития князя Георгия Всеволодовича (л. 215—228), причем начало жития в рукописи утрачено, а заканчивается текст жития следующими словами: «Ныне же в лето 7153 генваря в 22 день пренесены честныя его мощи ис предела в собор у столпа посреди церкви, и положен в сребряне раце по упрошению святейшаго патриарха Иоасафа Московскаго и всея Росии» (л. 228). Упоминание патриарха Иоасафа вместо Иосифа — явная описка. В этом убеждает и краткое известие в сборнике выписок из Степенной книги РГБ, ф. 238 (собр. А. Н. Попова) 126, составленном в середине XVII в. на основе текста хранившегося в библиотеке владимирского Рождественского монастыря Думинского списка Степенной книги. На него как на источник выписок указывает помещенное в сборнике Житие Александра Невского редакции Ионы Думина с послесловием автора (л. 10—94). После сообщения о захоронении князя Георгия Всеволодовича в Успенском соборе в сборнике читается следующее известие: «Ныне же благоволением Божиим и Пречистицы Владычица наша Богородицы Приснодевы Марии, по обещанию и по упрошению великого господина святейшаго Иосифа патриарха Московскаго и всея Руси перенесены быша мощи его честныя ис предела в соборную церковь на десной стране и у святительского места лета 7153 году месяца генваря в 22 день при державе благовернаго и благороднаго государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всея Руси самодержца и при его благоверной царице и великой княгине Евдокее Лукияновне и при благоверном царевиче и великом князе Алексее Михайловиче всея Руси» (л. 166—166 об.). Нам известно и более подробное описание церемонии перенесения мощей князя Георгия Всеволодовича. Оно содержится в сборнике из собрания Соловецкого монастыря (РНБ, собр. Соловецкого монастыря 888/998), датированном 80-ми гг. XVII в. На л. 225 об.—227 помещено описание гробниц владимирского Успенского собора, которое переходит в описание перенесения мощей Георгия Всеволодовича: «А пред царскими дверьми в том же гроб благоверного великого князя Георгия Всеволодича Владимирского чудотворца, идеже первые опочивал. А переносил его тело святейший Иосиф, патриарх Московский и всея Росии. А ныне гроб благоверного великого князя Георгия Всеволодича меж столпом у правого столпа в серебряной раце опочивает. А по другую сторону того же столпа место святейшаго патриарха. Подле его у столпа от южные страны подале от стены сажен места царское, а прежде сего благоверный князь владимирския стояли, и ныне то же не пределано. Тогда же блаженные памяти благочестивому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю было шествие во град Владимир, и на том месте стоял предел священномученика Антипы на полатех». Из этого сбивчивого рассказа становятся известными некоторые подробности перенесения мощей.

литературе XIX века надписи на раке неоднократно публиковались, а несколько лет назад клейма раки 1645 г. были обнаружены в фондах Владимиро-Суздальского музея-заповедника.⁸¹ Из текста на клеймах следует, что рака была изготовлена в 1645 г. в Москве на средства патриарха Иосифа.⁸² Помимо самой раки, тщанием патриарха была написана икона Георгия Всеволодовича, а также вышита пелена с изображением святого князя. Икона, написанная, как предполагает В. Г. Брюсова, устюжским иконописцем Анисимом Артемьевым, изначально служила крышкой раки.⁸³ Архимандрит Леонид (Кавелин) объясняет внимание Иосифа к культу владимирского князя тем обстоятельством, что протоиерей владимирского Успенского собора был родным братом патриарха.⁸⁴ Это обстоятельство установил митрополит Макарий (Булгаков), и сомневаться в его достоверности не приходится.⁸⁵ Пат-

⁸¹ Тимофеева Т. П. Три клейма с гробницы владимирского князя Георгия Всеволодовича // Памятники культуры. Новые открытия. (В печати).

⁸² Однако дата перенесения мощей там читается иная — 5 января 1645 года: «В то же лето 153 в пять число января по обещанию великаго господина святейшаго Кир Иосифа патриарха Московскаго и всея России в третье лето патриаршества его принесены быша мощи благовернаго великаго князя Георгия из придела в соборную церковь Пресвятыя Богородицы и переложены в серебряную раку позлащенну». По-видимому, церемонию перенесения мощей изначально планировали провести 5 января, но потом по каким-то причинам отложили и провели только 22 января. В литературе упоминается еще одна дата перенесения мощей Георгия Всеволодовича — 1651 год (см.: Барсуков Н. П. Источники русской агиографии. СПб., 1882. Стб. 122; Сергина Н. С. Песнопения русским святым. С. 167). Она появилась вследствие неправильного прочтения иеромонахом Иоасафом (Гапоновым) надписи на раке (*Иоасаф, иеромон.* Церковно-историческое описание владимирских достопамятностей. Владимир, 1857. С. 79).

⁸³ Брюсова В. Г. Федор Зубов. М., 1985. С. 21. Однако уже в XIX веке она существовала отдельно и была установлена в соборный иконостас. После революции икона попала в Третьяковскую галерею, где и хранится до настоящего времени (См.: Антонова В. И., Мневя Н. М. Каталог древнерусской живописи. Опыт историко-художественной классификации. Государственная Третьяковская галерея. М., 1963. Т. 2. С. 367—368. Ил. 129).

⁸⁴ См.: Виноградов А. И. История кафедрального Успенского собора в губ. гор. Владимире. 3-е изд. Владимир, 1905. Приложения. С. 67, примеч. 1.

⁸⁵ Макарий (Булгаков), митр. История русской церкви. М., 1996. Кн. 6. Т. 11. С. 610, примеч. 65. См. также: Булычев А. А., Поньрко Н. В. Иосиф // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 2. СПб., 1993. С. 99.

риарх Иосиф охарактеризован «владимерогородцем» в тексте Хронографа XVII в., принадлежавшего митрополиту Макарию (Булгакову).⁸⁶ Кроме того, в послании царя Алексея Михайловича будущему патриарху Никону, которое датируется 1652 г. и посвящено кончине патриарха Иосифа, при описании «келейной казны» покойного патриарха есть такие слова: «...все смешано вместе, и его святительское и князь Юрьевское, и брата его родного животы, володимерского протопопа, тут же...».⁸⁷ В связи с этим следует обратить внимание на погребальные вклады по Иосифу во Владимир «на сорокоусты и на милостыню»,⁸⁸ что также указывает на связь патриарха Иосифа с этим городом. В таком случае становится понятным внимание патриарха к культу владимирского князя. Однако канонизацию Георгия Всеволодовича нельзя объяснить только особым отношением Иосифа к городу Владимиру. Георгий Всеволодович представлен в росписях кремлевского Архангельского собора, иконографическая программа которых была разработана в середине XVI в.⁸⁹ Служба Георгию Всеволодовичу была опубликована в 1638 г., т. е. еще до поставления Иосифа на патриаршество, при его предшественнике патриархе Иоасафе. Видимо, перенесение мощей 1645 г. только оформило длительный процесс канонизации владимирского князя. Внимание патриарха к владимирским реликвиям не закончилось участием в канонизации Георгия Всеволодовича. Как упоминалось выше, на средства патриаршей казны в 1642—1652 гг. был расписан другой владимирский храм, Успенский собор Княгинина монастыря.⁹⁰ Этот собор также имеет отношение к культу Георгия Всеволодовича, так как

⁸⁶В настоящее время эта рукопись хранится в собрании митр. Макария (Булгакова) Национальной библиотеки Украины. См.: *Макарий (Булгаков), митр.* История русской церкви. Кн. 6. Т. 11. С. 610, 697.

⁸⁷ААЭ. СПб., 1836. Т. 4. № 57. С. 84. См.: *Макарий (Булгаков), митр.* История русской церкви. Кн. 6. Т. 11. С. 610.

⁸⁸ААЭ. Т. 4. С. 84.

⁸⁹См.: *Самойлова Т. В.* Святой князь Георгий Владимирский. История почитания // Макарьевские чтения. Вып. 6. Канонизация святых на Руси. Материалы VI Российской научной конференции, посвященной Памяти Святого Макария (10—12 июля 1998 года). Можайск, 1998. С. 149.

⁹⁰*Тихонравов К. Н.* Княгинин Успенский девичий монастырь во Владимире Клязменском // Владимирский историко-статистический сборник. Владимир, 1869. Отд. 2. С. 37, 44, 46 и др.

именно сюда в 1230 г. при участии Георгия Всеволодовича были перенесены мощи святого Авраамия Болгарского.

В рукописной традиции Житие Георгия Всеволодовича известно в десяти списках конца XVII—XIX вв.⁹¹ Самый ранний из них, список Владимиро-Суздальского музея, В-5636/109, датируется 1695 г. По стилю сходными с Житием оказываются так называемые надгробные листы владимирского Успенского собора. Эти краткие биографии владимирских князей и епископов дошли до нас в двух списках, Румянцевском (РГБ, ф. 256, № 364) и списке Степенной книги 1670 года, принадлежавшем владимирскому Успенскому собору (РГБ, ф. 178, № 4288).⁹² В Степенной книге «листы» приписаны после текста памятника почерком, отличным от основного. Видимо, они были написаны позже создания списка; возможно, в эту рукопись они попали непосредственно со стен собора. Изначально «листы» располагались или были написаны на стенах собора над гробницами владимирских князей и епископов. В этом нас убеждает содержание краткого летописца, сохранившегося в сборниках первой половины XVIII в.⁹³ Текст летописца состоит из известий о рождении и кончине погребенных в Успенском соборе владимирских князей. При этом записи расположены не по хронологии, а в том порядке, в каком расположены гробницы в соборе. Следовательно, списаны они были непосредственно со стен собора, а источником для них, очевидно, служили надгробные листы.⁹⁴ Непосредственно со стен надгробные листы могли попасть и в список Степенной книги. В Румянцевский список они, видимо, попали другим путем. Там текст листов назван «Изъявление отчасти жития и чудес святых владимирских чудотворцов. Избранно из летописцев вкратце, которыхы благоверныя и великия князи, княгини и их чада и преосвящен-

⁹¹ Сиренов А. В. Житие Георгия Всеволодовича // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 4. СПб., 2004. С. 377.

⁹² Сиренов А. В. Научное описание выявленных списков Степенной книги // СКДС. Т. 1. С. 78—79.

⁹³ Наиболее ранний список — РНБ, собр. Александро-Невской лавры А—79, л. 135 об.—142.

⁹⁴ Сиренов А. В. «Надгробные листы» — памятник историографии XVII века // Прошлое Новгорода и новгородской земли: материалы научной конференции. Новгород, 1996. С. 89.

ные митрополиты и епископы лежат во гробех во святей церкви соборней в преименитом граде Владимире» (л. 228 об.). Фраза «избранно из летописцев» свидетельствует о том, что перед нами тексты, созданные на основе летописи. Эта фраза также указывает на то, что «листы» попали в Румянцевский список не со стен. По-видимому, здесь мы имеем дело с первоначальным видом надгробных листов, который предшествовал помещению их на стены. Правда, в Румянцевском списке отсутствует текст листа над гробом митрополита Максима. После соответствующего заглавия сделана ссылка на имеющуюся в том же сборнике Повесть о митрополите Максиме. Нетрудно заметить, что в основу Повести положен текст надгробного листа Максима, который дошел до нас в списке Степенной книги. Наряду с Повестью о митрополите Максиме в этой рукописи содержатся и другие повести, посвященные другим русским митрополитам. Таким образом, в рассматриваемом комплексе текст листа над гробом митрополита Максима изначально присутствовал. Однако потом, возможно, при составлении Румянцевского сборника, на его основе была составлена Повесть о митрополите Максиме, а текст самого листа оказался не включенным в состав рукописи. Поэтому для рассмотрения надгробных листов мы вынуждены пользоваться их текстами, дошедшими в списке Степенной книги.

Надгробные листы, помимо текстов, заимствованных из летописей и Степенной книги, доносят до нас и бытовавшие в то время предания. Весьма интересным является известие «листа» над гробом сына Андрея Боголюбского князя Мстислава Андреевича о том, что для строительства соборов к его отцу пришли мастера из других земель в количестве 28 человек. Факт участия иноземных мастеров в возведении владимирских соборов упоминают и другие источники, но конкретную цифру называет только надгробный лист. Тот же лист над гробом Изяслава Андреевича повествует об изготовлении князем Изяславом «самострельных оружий» «стрел железных великих». Полутораметровые железные стрелы упоминаются при описании Успенского собора в XVII в.⁹⁵ В XIX в. они описываются уже как принадлежность гробницы князя

⁹⁵ *Виноградов А. И.* История кафедрального Успенского собора... Приложения. С. 67.

Изяслава Андреевича.⁹⁶ По всей видимости, известие надгробного листа превратило диковинные стрелы в одну из реликвий владимирских чудотворцев. Хронографический сборник, составленный в Ярославле в начале XVIII в. (о нем подробнее в гл. 11), доносит до нас необычный документ (РНБ, F.IV.679, л. 646). Это запись, из которой следует, что 3 октября 7206 (1697) г. архимандрит Спасо-Преображенского монастыря города Ярославля Иосиф по своей челобитной получил из владимирского Успенского собора одну из железных стрел «великаго князя Андрея с чады». Стрела была нужна архимандриту как реликвия при мощах погребенных в монастырском соборе ярославских святых князей Федора, Василия и Константина, которые приходятся родственниками Андрею Боголюбскому и «...девятый степеню от великаго князя Владимира Киевскаго и всея России».⁹⁷ Таким образом, железные стрелы, зафиксированные в качестве реликвии в надгробном листе, таковой считались и в дальнейшем. Запись в надгробном листе превратила легенду в исторический факт. Еще одна легенда, зафиксированная в надгробном листе, — рассказ о чудесном омофоре, который Богоматерь вручила переехавшему из Киева во Владимир митрополиту Максиму. Источником легенды, видимо, послужила находившаяся над погребением митрополита Максима икона Максимовской Богоматери, датируемая XIII—XIV вв. и изображающая сцену вручения Богоматерью крещатого омофора митрополиту Максиму. Обращает на себя внимание отсутствие надгробного листа Георгия Всеволодовича. Нет его ни в Румянцевском сборнике, ни в списке Степенной книги. Это наводит на мысль, что надгробные листы были составлены после или одновременно с перенесением мощей Георгия Всеволодовича, что роднит их с Житием Георгия Всеволодовича. Обратясь к тексту Жития Георгия Всеволодовича и надгробных листов, увидим, что они составлены на основе одинаковых источников — Симеоновской летописи, летописи, близкой к Московскому великокняжескому своду конца XV в., и Степенной книги. Отметим, что заимствова-

⁹⁶ *Иоасаф, иеромон.* Церковно-историческое описание владимирских достопамятностей. С. 96—97.

⁹⁷ *Белоброва О. А.* Иосиф // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Вып. 3. Ч. 2. С. 104.

ния из Симеоновской летописи в Житии и надгробных листах совпадают не всегда, так что приходится признать непосредственное обращение к тексту летописи при создании и Жития, и надгробных листов. Полагаем, что оба памятника были написаны одновременно и, вероятно, с участием одного автора. Именно так можно объяснить одинаковое сокращение текста летописи и в житии, и в надгробных листах.

Еще один памятник, который можно отнести к этому же комплексу, — надпись на раке Георгия Всеволодовича, изготовленной, как упоминалось выше, на средства патриарха в 1645 г. Часть надписей на раке касается биографии Георгия Всеволодовича. Источником тут, как и в соответствующем месте Жития, является текст Степенной книги. В надписи и в Житии мы опять встречаем одинаковую переработку текста источника:

Степенная книга	Надпись на раке	Владимирское житие Георгия Всеволодовича
Егда же брат его богочинимый великий князь Ярослав Всеволодичъ прииде из Новаграда в град Владимиръ и очисти святыя церкви от трупиа мрътвых, оставшая же люди събрав, утеша.		И потом в лето 6746-го брат его великий князь Ярослав Всеволодичъ с своими благородными чады прииде из Киева и седе на великом княжении в славном граде Владимире. И обнови землю Российскую и церкви очисти от трупиа мертвых и кости их сохрани и пришеццы утеша и люди многи распуженныя собрав. И паки святыя церкви боголепное украшение приемлют. И бысть о сем великая радость христианом, их же избави рукою крепкою от безбожных.
	И в лето 6747 прииде из Новаграда во Владимиръ брат его великий князь Ярослав Всеволодичъ и посла в Ростов и повеле принести во Вла-	И потом 6747-го великий князь Ярослав Всеволодичъ посла в Ростов
Потом же посла в Ростов и повеле принести в Вла-		

димирь честное и страстотерпческое тело святого брата своего великого князя Георгия... ⁹⁸	димирь честное и святое тело брата своего великого князя Георгия. ⁹⁹	по страстотерпческое честное тело брата своего святого великого князя Георгия Всеволодича и повеле принести во Владимирь. ¹⁰⁰
--	---	--

Как видим, заимствования из Степенной книги в Житии и надписи на раке имеют первичные чтения. Таким образом, мы можем утверждать, что ни Житие не послужило источником для надписи на раке и надгробных листов, ни надпись на раке и надгробные листы нельзя признать источником Жития. Следовательно, весь комплекс текстов был составлен на основе одних источников и с применением общих приемов обработки текстов этих источников. Представляется очевидным, что подобная работа должна была быть одновременной. Когда же был создан рассматриваемый комплекс текстов? Для надписи на раке у нас есть точная дата — 1645 г. Следовательно, Житие и надгробные листы были созданы также в это время, т. е. их написали к перенесению мощей 22 января 1645 г. Относительно места создания Жития, раки и надгробных листов можно предположить, что весь комплекс памятников создан не во Владимире. Надпись на раке свидетельствует, что рака была изготовлена «в великий град Владимир», т. е. ее изготовили в другом городе. Роскошное украшение раки, участие в росписи крышки одного из известных иконописцев того времени, а также то обстоятельство, что рака была сделана на средства патриарха Иосифа, указывает на Москву как место изготовления раки. Следовательно, там же были составлены также Житие и надгробные листы. Более точное определение места создания текстов будет возможно, если удастся выявить конкретные рукописи, использованные при составлении текстов. Одну из них можно попытаться установить. Речь идет о Симеоновской летописи. Эта летопись известна нам в одном списке XVI в.: БАН, 16.8.25. Конечно, вполне возможно существование в середине XVII в. и других

⁹⁸СКДС 307.

⁹⁹Владими́ро-Сузда́льский музей-заповедник, В-4367/1, 2.

¹⁰⁰Путь к граду Китежу. Князь Георгий Владимирский, в истории, житиях, легендах / Подгот. текстов и исслед. А. В. Сиренова. СПб., 2003. С. 69—70.

списков этой летописи, до настоящего времени не дошедших или не известных науке. Однако использование именно известного нам списка Симеоновской летописи представляется весьма вероятным. По владельческой записи на нижнем поле первых листов рукописи узнаем, что в XVII в. она принадлежала справщику Печатного двора Никифору Симеонову. Поскольку деятельность патриарха Иосифа по изданию книг была активной и масштабной, весьма вероятно привлечение книжников Печатного двора к созданию комплекса агиографических текстов, посвященных канонизации нового святого. Есть и еще одно доказательство использования при создании надгробных листов известного в настоящее время списка Симеоновской летописи. В тексте надгробного листа епископа Луки дата его кончины указана неверно — 12 ноября вместо 10 ноября 6697 (1189) г. Такая ошибка могла возникнуть при обращении к Симеоновской летописи. Дело в том, что там при описании кончины епископа Луки на л. 34 чтение «в 10 день» можно прочитать как «12 день», так как предлог «в» написан слишком близко к цифре 10, обозначенной буквой «і». Поэтому вместо «в і день» можно прочитать «ві день», т. е. «12 день», что мы и встречаем в тексте надгробного листа епископа Луки. Итак, по нашему предположению, Житие и надпись на раке Георгия Всеволодовича, а также листы над гробницами владимирских князей и епископов были составлены в Москве в окружении патриарха Иосифа, возможно, книжниками Печатного двора, к церемонии перенесения мощей, состоявшейся 22 января 1645 г.

В основу Жития Георгия Всеволодовича положен текст не Степенной книги, а Симеоновской летописи,¹⁰¹ откуда выбраны практически все места, где повествуется о Георгии Всеволодовиче. В Житие они вошли в стилистически измененном виде. Однако и этого составителю Жития показалось недостаточным. По-видимому, из летописных рассказов складывалась биография, не всегда соответствующая канонам житийного жанра. Два ключевых момента в жизни князя, участие в Липецкой битве и противостояние татаро-монгольскому на-

¹⁰¹ Симеоновская летопись // ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. Используются летописные статьи 6697—6699, 6704, 6705, 6707, 6713, 6720, 6721, 6723, 6724, 6726, 6727, 6729, 6730, 6734—6736, 6738, 6745—6747 гг.

шествию, в изложении летописи характеризуют его не с лучшей стороны. В первом случае Георгий Всеволодович бежит с поля битвы, а во втором, подготавливая отпор надвигающимся татарским полчищам, бросает на произвол судьбы стольный город Владимир и свою семью. К тому же летописец с большим сочувствием и более пространно, чем о герое жития, пишет о его современниках — старшем брате Константине и племяннике Васильке. О самом же Георгии в летописи, как правило, сообщается мало сведений. В Житии отдельные тексты, извлеченные из летописи, переадресованы другим лицам — как правило, главному герою Жития. Например, плач по матери Константина в житии разделен на две части, одна из которых приписана его младшему брату Георгию. При описании смерти Константина (в летописи под 6729 (1221) г.) его некролог переделан в похвалу занявшему престол Георгию. Наконец, при описании осады татарами города Владимира (в летописи под 6745 (1237) г.) слова о том, что лучше смерть за веру, чем плен, произнесенные, по летописи, защищавшими город старшими сыновьями князя Георгия, вложены в уста их брата князя Владимира, попавшего в плен к татарам. Дальнейшая речь Владимира и описание его страстотерпческой кончины заимствованы из летописного рассказа об убийстве Василька Ростовского (в летописи под 6745 (1237) г.), на что указал еще Н. И. Серебрянский.¹⁰² Оригинальных, авторских мест в Житии мало. Они либо касаются владимирских реалий (например, имена жены и дочери святого князя, извлеченные из росписи панихид владимирским князьям),¹⁰³ либо представляют собой похвалу святому. Несколько раз описывается молитва Георгия Всеволодовича в Успенском соборе, после которой князь принимает какое-либо важное решение. Вот одно из таких описаний: «Слышавше то святыи великий князь Георгий Всеволодич и с епископом Симоном вниде в соборную церковь Успения Пресвятыя Богородице и со слезами моление Господу Богу и Пресвятой Богородице соверши о умирении и паде на землю и по молитве восстав и поиде...». Мож-

¹⁰²Серебрянский Н. И. Древне-русские княжеские жития. М., 1915. С. 149—151.

¹⁰³См.: Летопись занятий Археографической комиссии. СПб., 1910. Вып. 22. С. 67.

но думать, что идея ввести молитвенные обращения Георгия Всеволодовича в соборном храме появилась у автора Жития на основе летописного рассказа о молитве князя над гробом отца при отъезде из Владимира в Радилев Городец после поражения в Липецкой битве. В целом, Житие представляет собой стилистически измененный и приспособленный для агиографического повествования текст летописи. Замечательно, что обретение мощей Георгия Всеволодовича изложено по тексту Степенной книги. В надгробных листах Успенского собора встречаем такое же сочетание материала летописей и Степенной книги, как и в Житии. В соответствии с жанром надгробной надписи надгробные листы более информативны и лаконичны, чем Житие Георгия Всеволодовича. Несмотря на это, они составляют с Житием единый комплекс текстов, созданный, как мы полагаем, к канонизации князя Георгия Всеволодовича.

Канонизация владимирского князя Георгия Всеволодовича, составление его Жития, а также надгробных листов над захоронениями владимирских князей, роспись некрополя владимирских великих княгинь, Успенского собора Княгинина монастыря, — это мероприятия в рамках одной программы, направленной на прославление правителей России. Отметим, что в росписях Княгинина монастыря появляются изображения владимирских князей. В 1652 г. была обновлена роспись кремлевского Архангельского собора, в ходе иконописных работ были внесены изменения в иконографическую программу цикла княжеских портретов, изображенных на стенах собора. Наконец, серединой XVII в. датируется роспись Троицкого собора костромского Ипатьевского монастыря, в которой присутствуют изображения русских царей — последних Рюриковичей и первых Романовых. Разумеется, не во всех случаях была задействована Степенная книга. Например, при создании в 1668 г. знаменитым иконописцем Оружейной палаты Симоном Ушаковым иконы «Древо Московского государства», на которой изображено подобие родословного древа с представителями династии Рюриковичей, династии Романовых, отдельными митрополитами и русскими святыми, Степенная книга совершенно определенно не привлекалась, и это несмотря на чрезвычайное родство идей обоих произведений. Здесь скорее можно предположить влияние гравюры «Род пра-

вых благословится» из книги Лазаря Барановича «Меч духовный», изданной в Киеве в 1666 г.

И все же популярность Степенной книги в церковной среде второй половины XVII в. была широка. В 1677—1678 гг. патриархом Иоакимом была назначена комиссия по рассмотрению материалов, свидетельствующих о святости княгини Анны Кашинской. Ее мощи были обретыены в 1649 г. в Твери, тогда же перенесены в Воскресенский собор г. Кашина, а в 1650 г. состоялась официальная канонизация. К этому мероприятию Епифаний Славинецкий написал службу Анне Кашинской. Тогда же или несколько позднее было составлено и Житие.¹⁰⁴ В 70-е гг. «неудобным» в почитании Анны Кашинской оказалось двоеперстие — именно так были сложены пальцы благословляющей руки святой княгини. В 1677 г. собранная патриархом Иоакимом комиссия рассмотрела Житие и допросила единственного оставшегося к тому времени в живых участника его составления — кашинского дьячка Никифора. В результате был составлен документ из 13-ти пунктов («несогласий»), в каждом из которых опровергались данные Жития и других свидетельств святости тверской княгини. Таким образом, Житие было признано неисторичным. Указывалось, что Анну, дочь кашинского боярина и жену ярославского князя Михаила Ярославича, другие источники не знают. В реальности жена Михаила Тверского Анна была дочерью ростовского князя Дмитрия Борисовича и никакого отношения к Кашину не имела. Идентификация обнаруженных в 1649 г. в тверской Успенской церкви мощей была произведена на основании явления святой пономарю Герасиму, т. е. с его слов.¹⁰⁵ Как установлено В. А. Кучкиным, основным источником Жития Анны Кашинской явилась вторая редакция Жития Михаила Тверского, составленная в 1657—1658 гг.¹⁰⁶ Замечательно, что при допросе дьячок Никифор заявил следующее: «Житие же благоверные княгини Анны писано в Соловецком монастыре из Степенная книги и по его, Никифоровых, словах,

¹⁰⁴ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 340—341.

¹⁰⁵ Костомаров Н. И. Церковно-историческая критика в XVII-м веке // Вестник Европы. 1870. Кн. 4. С. 479—506.

¹⁰⁶ Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском. М., 1974. С. 188—192.

в то время как бывший Никон патриарх ходил в Соловецкий монастырь по мощи Филиппа митрополита». ¹⁰⁷ Затем, если верить составленному комиссией документу, согласно которому в 1679 г. Анна Кашинская была деканонизирована, Никифор «пред великим освященным собором сказал, что Степенной книги в Соловецком монастыре сам он, Никифор, не видел, а писано де с его, Никифоровых, слов, что он в переговоре от людей слышал, сказывал, и в том просит прощение, что тем ево прежним словам мимо летописных верить не подобает». ¹⁰⁸ Вердикт комиссии, изложенный в документе, правда, перед признанием Никифора, гласил: «А в Степенной книге и в летописях про житие благоверной княгини не обретается, а его Никифоровым басням верить нечему». ¹⁰⁹ Действительно, никаких следов влияния Степенной книги в Житии Анны Кашинской обнаружить не удастся. ¹¹⁰ Следовательно, перед нами первая по времени ложная ссылка на текст Степенной книги, которых немало будет в практике XVIII в. Никифор пытался обосновать достоверность Жития, сославшись на авторитетный источник. Характерно, что таковым для него была Степенная книга.

В середине—второй половине XVII в. на основе Степенной книги были созданы редакции Житий князей Михаила Тверского и Федора Ярославского. Так, редакция Жития Федора Ярославского, составленная в середине XVII в. с привлечением Степенной книги, получила название Панегирической. ¹¹¹ Ее автор, предположительно житель Ярославля, существенно распространил свой источник, введя описания жизни сыновей князя Федора, а также украсил текст многочисленными житийными топосами (поэтому редакция и была названа Па-

¹⁰⁷ Цит. по: Костомаров Н. И. Церковно-историческая критика в XVII-м веке. С. 496.

¹⁰⁸ Там же. С. 498.

¹⁰⁹ Там же. С. 496.

¹¹⁰ Текст Жития Анны Кашинской см.: Житие благоверной княгини Анны Кашинской по Синодальной рукописи XVII века / С предисловием А. А. Титова. Б. м., б. г.; Жития святых в древнерусской письменности: Тексты. Исследования. Материалы / Отв. ред. и сост. М. С. Крутова. М., 2002. С. 47—74.

¹¹¹ Lenhoff G. Early Russian Hagiography: The Lives of Prince Fedor the Black. Wiesbaden, 1997. P. 172—187.

негирической). В одном случае, по определению Г. Ленхофф, автор Панегирической редакции заимствовал текст из I грани Степенной книги.¹¹²

Степенная книга	Панегирическая редакция Жития Федора Черного
<p>Кто же и откуду, и от коего сродствия бысть сий Божий избранный съсуд... Не худа же рода бяху и не незнаема, но паче преименита и славна римскаго кесаря Августа, обладающаго всею вселенною и единоначальствующаго на земли в время прьваго пришествия на землю Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, Иже егда нашего ради спасения изволи родитися от безвестных и Пречистых Приснодевы Мариа.</p> <p>Сии кесарь Август рязряди вселенную братии своеи и сродником. Прус. Ему же бяше присный брат именем Прус. И сему Прусу тогда поручено бысть властодръжество в березех Вислы реки, град Мадборок и Турун и Хвойница и пресловый Гданеск и ины многы грады по реку, глаголемую Немон, впадшую в море, иже и доньне зовется Пруская земля. От сего же Пруса семени бяше вышереченный Рюрик и братиа его.¹¹³</p>	<p>Кто же и от коего сродствия израсте благоцветущая сия отрасль? Поистинне от славнаго корене произыде, от племени преименитаго и славнаго римскаго кесаря Августа, обладающаго тогда ему всею вселенною, единоначальствующа на земли во время прьваго пришествия на землю Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, егда нашего ради спасения благоизволи родитися от безвестных и Пречистых присно благословенных Девы Марии.</p> <p>Сему же славному кесарю Августу бяше присный брат Прус, сему же Прусу властодржавъствующу в березех Вислы реки,</p> <p>яже и доньне нарицается Пруская земля. От семени же сего Пруса бяше пресловущий в храбрости великий князь Рюрик...¹¹⁴</p>

При обращении к Житию Федора Черного в редакции Степенной книги автор Панегирической редакции заимствовал обширные фрагменты, на материале которых можно утверждать, что использовалась Степенная книга Краткой редакции или редакции Ионы Думина. Формулировки «господьствова в Ярославле»,¹¹⁵ «якоже иногда египтяныни Иоси-

¹¹²Lenhoff G. Early Russian Hagiography... P. 175—176.

¹¹³СКДС 72—73.

¹¹⁴Lenhoff G. Early Russian Hagiography... P. 298, 300.

¹¹⁵Ibid. P. 302.

фа»¹¹⁶ и др. свидетельствуют о том, что используемая Степенная книга не относилась к Пространной редакции, где в первом случае читается «наследства град Ярославль»,¹¹⁷ а второго чтения и вовсе нет.¹¹⁸

Итак, в середине—второй половине XVII в. на основании Степенной книги было создано несколько житий представителей древнерусского княжеского дома. Здесь важно отметить не столько привлечение Степенной книги к переработкам княжеских житий, сколько почитание древних правителей России. Подчеркнуто почтительным было отношение к древним княжеским погребениям. В 1640 г. по указу царя Михаила Федоровича были изготовлены покровы на гробницы матери и брата Александра Невского в Георгиевский монастырь г. Владимира.¹¹⁹ В 1669 г. на помин души царицы Марии Ильиничны Милославской (ум. 3 марта 1669 г.) указом царя Алексея Михайловича были изготовлены покровы на древние гробницы тверского Спасо-Преображенского собора.¹²⁰ В 1671 г. из Городца в нижегородский Спасо-Преображенский собор были перенесены останки князя Бориса Константиновича.¹²¹ В 1677 г. местные власти освидетельствовали княжеские погребения в с. Кидекше под Суздалем. Об этом рассказывает в своем «Собрании о богоспасаемом граде Суждале» суздальский историк XVIII в. Анания Федоров (см. гл. 11). Каменную гробницу осматривали суздальский воевода с представителями духовенства. Осмотр был подробно описан воеводой в письме к суздальскому архиепископу Стефану: «...на гробнице проламано, и я дерзнул со свещею в гробницу посмотреть, и в той гробнице лежат мощи, кости целы, а на мощах

¹¹⁶ Lenhoff G. Early Russian Hagiography... P. 304.

¹¹⁷ СКДС 356/22—22.

¹¹⁸ СКДС 356/66—66.

¹¹⁹ Миловский Н. М. Древние гробницы Георгиевской церкви губ. г. Владимира (к статье М. А. Сперанского) // Тр. Владимирской ученой архив. комиссии. Владимир, 1904. Кн. 6. С. 157—160.

¹²⁰ Топычканов А. В. Некрополь Тверского Спасо-Преображенского собора по описанию 1669 г. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь, 2003. Вып. 5. С. 349—363.

¹²¹ См. опись нижегородских гробниц XVII в.: Сиренов А. В. Описи древних гробниц в рукописных сборниках XVII века // История в рукописях и рукописи в истории: Сб. науч. тр. к 200-летию Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. СПб., 2006. С. 414.

одежды с аршин, белою тафтою покрыто, а поверх лежит неведомо какая одежда, шитая золотом будто по банбереку, на ней же вышит золотом орел пластаной одноглавной, а от того, государь, орла пошло надвое шито золотом и серебром узорами... А по сказке тоя церкви... та де гробница проламана от разорения в древних годех... без свидетельства святыми отцами таким мощам быть нельзя». ¹²² Причина такого внимания к княжескому погребению становится понятной из челобитной архиепископа царю: «... пожалуй меня, богомольца твоего, вели, государь, в Суждальском уезде пустой Кидекоцкий монастырь с вотчинами отдать в Суждальскую архиепископию и построить общежительство игумена, чтоб Ваше государское богомолие в пустоте и в нестроении не было, и гробы благоверных великих князей в забвении без украшения и памяти их без воспоминания не были». ¹²³ Очевидно, что архиепископ хотел завладеть Борисоглебским монастырем, а древним погребением интересовался только как оправданием своих притязаний. Характерно, что невнимание и небрежение к древним княжеским погребениям суздальский епископ рассматривал в качестве самого весомого аргумента при решении вопроса о включении Кидекоцкого монастыря в состав Суздальской епархии. ¹²⁴

В качестве примера того внимания, которым во второй половине XVII в. была окружена память древнерусских князей, приведем сборник из библиотеки Саратовского государственного университета № 2706. Он датируется 70-ми гг. и содержит подборку произведений, посвященных древнерусским князьям: Жития Евфросинии Суздальской (л. 319—364), Соломонии Сабуровой (Софии-Соломонии Суздальской) (л. 364 об.—367 об.), выписанное из Киево-Печерского патерика Сказание об обре-

¹²² Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале, о построении и о именовании его, и о бывшем прежде в нем великом княжении, и о прочем тому потребном ради любопытных собранное из различных показаний вкратце // *Временник ОИДР*. М., 1855. Кн. 22. Материалы. С. 91.

¹²³ Там же. С. 94.

¹²⁴ Следует отметить, что интерес к древнерусскому некрополю, хотя и не в столь масштабном виде, но был характерен для первой половины XVII в. Так, одна из описей новгородских гробниц была составлена в 1634 г. бывшим протопопом московского Успенского собора Максимом по поручению царицы Евдокии Лукьяновны (*Янин В. Л.* Некрополь Новгородского Софийского собора. Церковная традиция и историческая критика. М., 1988. С. 217).

тении мощей княжны Улианы (л. 379 об.—382 об.), выписку из Степенной книги об убиении Михаила Тверского (л. 406 об.—419), извлеченные из того же источника Сказание о убиении Андрея Боголюбского (л. 502—504 об.), Житие нижегородской княгини Вассы (л. 504 об.—505 об.), Повесть о преставлении Дмитрия Красного (л. 505—509), Сказание о жене Дмитрия Донского княгине Евдокии (л. 548—554). Отдельные жития этого сборника сопровождаются миниатюрами. Из княжеских житий миниатюра открывает текст об Андрее Боголюбском, на миниатюре изображены соименные князья Андрей Смоленский и Андрей Боголюбский. По своему происхождению сборник явно московский. В его состав вошли статьи, близкие к конвою разных видов Степенной книги середины XVII в.: «Летописец вкратце судей израильских» (л. 31 об.) и трактат о скорописи (л. 1—5 об.). Отметим еще, что владелец сборника монах псковской Елизаровой пустыни Ферапонт (он вложил рукопись в Крыпецкий монастырь в 7183 (1675) г. — из вкладной записи на л. 45 об. мы знаем его имя и его почерк) работал над редактированием помещенных в сборник житий. Отметим, что для составителя не являлась важной принадлежность героев к предкам московских царей. Возможно, даже наоборот: эту генеалогическую линию в XVII в. было предпочтительнее размыть, представить всех древнерусских князей как образ Древней Руси.

В настоящей главе не удалось рассмотреть все агиографические произведения середины—второй половины XVII в., составленные с привлечением Степенной книги. Причина этой неполноты в том, что фонды рукописной книги XVII в. в настоящее время описаны лишь частично. И все же приведенный материал свидетельствует о востребованности Степенной книги в эпоху царя Алексея Михайловича и его наследников. Привлечение Степенной книги, без сомнения, вызвано более широким интересом к правителям прошлого. При этом у книжников XVII в., выполнявших свой социальный заказ, не было столь жестких тематических рамок, как у их предшественников грозненской эпохи. Для идеологов романовской России одинаковый интерес представляли и прямые предки московских царей XVI в., и их дальние родственники. Важно было представить сонм «благоверных» правителей, и Степенная книга здесь явилась ценным источником.